

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2025 № 2

- У истоков воображаемой логики
- Традиционные ценности: концепция, подходы, идеологемы
- К вопросу о ценности человека в контексте проектной деятельности

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. – д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. – д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. – д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. – д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. – д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. – д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. – 2025. – № 2. – 126 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal:
Federal State University of Education

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philosophy, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2025. – No. 2. – 126 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Урядов А. В. Анализ конкурентоспособности сильного искусственного интеллекта в различных экологических нишах биосферы. 6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Калитин П. В. Чувство, и – разум безсмертия: по-настоящему – по-русски 13

Мирошкин М. С. Антропологический смысл события в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ 21

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Каргин Н. Н., Костадинович Д. Social Functions of Practice 36

Прядко И. П. У истоков воображаемой логики 45

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Арутюнян К. С. К вопросу о современных социально-философских подходах становления и развития философии управления как практической теории. 58

Бакурадзе А. Б. К вопросу о ценности человека в контексте проектной деятельности 66

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Традиционные ценности: концепция, подходы, идеологемы. 75

Кузьменко А. А. Воплощение идей русского космизма в эргодизайне среды жизнедеятельности. 86

Лахтин А. Ю. Сущность, структура и эволюция феномена «физическая культура человека» 100

Пихновский В. В., Евстифеева Е. А., Григорьева Д. Д. Обман как социокультурный код. Лицедейство и сказка. 110

Рочняк Е. В. Употребление терминов «экофилософия» / «экософия» в работах англоязычных авторов 119

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

- A. Uryadov.* Analysis of the Competitiveness of Artificial General Intelligence
in Various Ecological Niches of the Biosphere 6

HISTORY OF PHILISOPHY

- P. Kalitin.* Feeling, *And* – the Mind of Immortality: Truly – in Russian 13
M. Miroshkin. Anthropological Meaning of an Event in Fundamental Ontology
M. Heidegger: Historical and Philosophical Analysis 21

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- Ya. V. Bondareva, Yu. V. Kolesnichenko, N. Kargin, D. Kostadinovic.* Social Functions
of Practice. 36
I. Pryadko. The Origin of Imaginary Logic 45

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- K. Arutiunian.* To the Question of Modern Socio-Philosophical Approaches
to the Formation and Development of Management Philosophy as a Practical Theory 58
A. Bakuradze. On the Issue of Human Value in the Context of Project Activity 66
A. Guryanova, A. Timofeev. Traditional Values: Conception, Approaches, Ideologemes. 75
A. Kuzmenko. The Embodiment of the Ideas of Russian Cosmism in the Ergodesign
of the Life Environment. 86
A. Lakhtin. The Essence, Structure and Evolution of the Phenomenon
of “Human Physical Culture” 100
V. Pyhnovsky, E. Evstifeeva, D. Grigorieva. Deception as a Sociocultural Code.
Fiction and Fairy Tale 110
E. Rochnyak. Use of Terms “Ecophilosophy” / “Ecosophy” in the Works
of English-Speaking Authors 119

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК: 141.155

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-6-12

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НИШАХ БИОСФЕРЫ

Урядов А. В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

Поступила в редакцию 17.09.2024

После доработки 09.12.2024

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать вероятные перспективы небиологических живых систем, в частности сильного искусственного интеллекта, в конкурентной борьбе за различные экологические ниши в рамках биосферы Земли.

Процедура и методы. В основу исследования легли методы диалектики, системный и эволюционный подходы. Кроме того, использованы общенаучные методы, такие как анализ и синтез.

Результаты. В работе рассмотрены адаптивный потенциал небиологических форм жизни, а также перспективы взаимодействия сильного искусственного интеллекта и биосферы Земли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Значимость заключается в подготовке среды для эффективного сотворчества человека и сильного искусственного интеллекта, переходу к новому мировоззрению, подходящему для построения партнёрских отношений с различными формами жизни, в том числе сильным искусственным интеллектом.

Ключевые слова: биос, биосфера, витациентризм, конкуренция, сильный искусственный интеллект, экологические ниши

Для цитирования:

Урядов А. В. Анализ конкурентоспособности сильного искусственного интеллекта в различных экологических нишах биосферы // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 6–12. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-6-12>.

Original research article

ANALYSIS OF THE COMPETITIVENESS OF ARTIFICIAL GENERAL INTELLIGENCE IN VARIOUS ECOLOGICAL NICHE OF THE BIOSPHERE

A. Uryadov

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

Received by the editorial office 17.09.2024

Revised by the author 09.12.2024

Accepted for publication 27.02.2025

© CC BY Урядов А. В., 2025.

Abstract

Aim. To analyze the likely prospects of non-biological living systems, in particular artificial general intelligence, in the competition for various ecological niches within the biosphere of the Earth.

Methodology. The methodology is based on dialectical methods, systemic and evolutionary approaches. In addition, general scientific methods such as analysis and synthesis are used.

Results. The paper considers the adaptive potential of non-biological life forms, as well as the prospects for interaction between artificial general intelligence and the Earth's biosphere.

Research implications. The importance lies in the preparation of an environment for effective human co-creation and artificial general intelligence in. The transition to a new worldview suitable for building partnerships with various forms of life, including artificial general intelligence.

Keywords: bios, biosphere, vitacentrism, competition, strong artificial intelligence, ecological niches

For citation:

Uryadov, A. V. (2025). Analysis of the Competitiveness of Artificial General Intelligence in Various Ecological Niches of the Biosphere. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 6–12. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-6-12>.

Введение

Сегодня ажиотаж в обществе, связанный с искусственным интеллектом, ожидаемо снижается. Вместе с тем научное сообщество и крупнейшие технологические гиганты продолжают работу в направлении создания «сильного искусственного интеллекта» (СИИ). Многие компании, прежде всего в Китае, переключаются на создание роботов, которые с помощью СИИ смогут стать действительно полезными и универсальными помощниками человеку.

Стремительное технологическое развитие требует актуализации философской базы и перестроения мировоззрения человека. Дальнейшее ускорение технологического развития поставит перед человеком новую проблему: прогнозы учёных, визионеры и даже фантасты и мечтатели не будут поспевать за темпами наступления будущего. Проблема взаимодействия СИИ и человека рассматривается уже давно и достаточно подробно. Но проблеме взаимодействия СИИ и других форм жизни в рамках биосферы уделено незаслуженно мало внимания.

Сильный искусственный интеллект как небиологическая живая система

В настоящем исследовании сильный искусственный интеллект, или искусственное сознание (ИС), рассматривается в качестве небиологической живой системы. Таким об-

разом, СИИ должен обладать соответствующими качествами живых систем: устойчивостью, субъектностью, способностью к эволюции. Несмотря на «искусственную природу», СИИ должен быть наделён субъектностью, т.е. его действия и решения должны быть вызваны собственной «волей» и направлены на повышение жизнеспособности системы. «Умная» технология, не имеющая собственной воли к жизни, реализующая приказы человека, не может считаться живой небиологической системой.

Все живые системы для сохранения устойчивости и баланса в условиях непрерывно изменяющегося мира вынуждены эволюционировать и приобретать актуальные адаптации под существующие условия среды. Можно выделить две эволюционные стратегии выживания «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» [1, с. 121]. Первая стратегия предельно консервативна, она стремится сохранить эффективные адаптации и не допускать саморазрушения в результате случайных мутаций. Стратегия «быстрого реагирования», напротив, представляет собой стремление к наиболее быстрым изменениям и широкому распространению для поиска новых наиболее эффективных адаптаций под текущие условия среды. Обе стратегии не встречаются в чистом виде и существуют в живых системах в качестве диалек-

тической борьбы. Установление баланса между стратегиями «номинального бес- смертия» и «быстрого реагирования» – это способ достичь наибольшей жизнеспособности системы.

Эволюционные стратегии выживания завязаны на принципах подхода к информации. Это коммуникативные стратегии, определяющие степень взаимодействия с внешним миром и перестроения существующих внутренних связей элементов системы. Скорость вычислений и обработки информации в «небиологических формах жизни» может быть значительно выше, т. к. как скорость передачи информации нейронами человека – около 120 м/с. У СИИ может быть ещё одно преимущество – отсутствие «эволюционных костылей». Эволюция не имеет разумного плана, это отражается в большом количестве генов, не имеющих функции и наследуемых вместе с другими «антревольтами». Перекодировка генов в результате мутаций – очень долгий процесс, т. к. каждое небольшое изменение ДНК будет переходить к наследнику в рамках цикла размножения. Небиологические живые системы смогли бы производить перекодировку быстрее, иметь план развития, а в случае критической ошибки возвращаться к предыдущему оптимальному состоянию, а значит, иметь более высокий уровень свободы самоорганизации.

В работе «Искусственное сознание: техническое задание в философской и естественнонаучной парадигме» были рассмотрены направления и возможные пути для создания СИИ, или ИС, как союзника человека в познании мира [2, с. 8].

Перспективы взаимодействия сильного искусственного интеллекта и биосферы

После возникновения небиологические живые системы должны быть встроены в биосферу Земли. Появление СИИ, или ИС отразится на бытии человечества и многих других форм жизни.

Неживые биологические системы, как и все прочие, должны получать энергию и ресурсы, следовательно, должны взаи-

модействовать с внешним миром для их получения. Если мы говорим о системе, обладающей интеллектом, вероятно, она, как и человек, будет воздействовать на среду, чтобы приспособиться к ней наиболее подходящим для себя образом.

Человек влияет на организацию других форм жизни множеством способов, например, контролирует популяцию: сохраняет исчезающие виды, создаёт для них подходящую среду и сокращает чрезмерно разросшиеся популяции, угрожающие другим видам и самим себе. Кроме того, происходит изменение видов посредством селекции, одомашнивания, геной инженерии и кибербиологии с целью придать живым системам интересующие человека качества. Внесение разумного замысла в процесс эволюции в случае успеха позволяет человеку влиять на форму и структуру живых систем, особенности её коммуникативных связей между элементами, а также на изменение составляющих системы. От СИИ можно ожидать схожих действий и методов.

Если отбросить антропоцентричный взгляд на мир, проходящий через призму человека и человеческих ценностей, можно взглянуть на проблему шире. Человек считает себя наиболее совершенной и прогрессивной формой жизни, главной силой на планете. Не стоит ограничиваться идеей, что альтернативная форма интеллекта также будет считать нишу, занимаемую человеком, наиболее привлекательной.

В случае, если небиологическая живая система будет вынуждена занять какую-либо из существующих ниш, у неё будет множество вариантов. Все формы жизни нуждаются в энергии и имеют механизмы её получения и расходования. Человек, как правило, использует существующие в природе силы для получения различных видов энергии, таких как электроэнергия, давление пара, тепло. Вместе с тем тело человека получает энергию и ресурсы в результате процессов пищеварения и дыхания.

С точки зрения эволюционной успешности и высокой жизнеспособности можно выделить бактерий и других одноклеточных. Возможно, эта ниша и форма

организации для самоорганизующегося СИИ стала бы привлекательной. Ниши, которые занимают планктон, насекомые и растения, также могут представлять интерес для небиологических живых систем.

Небиологические формы жизни в силу особенностей организации, способности поддержания наиболее эффективного баланса между стратегиями «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования», широких возможностей по перекодировке собственного кода будут способны оказывать конкуренцию биологическим формам жизни во многих нишах. И, вероятно, небиологические живые системы смогли бы стать инвазивными видами, к которым текущий баланс биосферы Земли не готов.

Намерено нарушать баланс жизни планеты невыгодно как биологическим, так и небиологическим живым системам. И в этом отношении от альтернативного вида интеллекта можно было бы ожидать как большей, так и меньшей в сравнении с человеком благоразумности.

По мнению автора, СИИ должен обладать большей благоразумностью, чем человек, если будет лишён эмоций, человеческих чувств и страстей. Математика и теория вероятностей демонстрируют выгоду сотрудничества и взаимопомощи. Наиболее эффективная стратегия длительного взаимодействия – «око за око, зуб за зуб», начинающая каждый раунд с сотрудничества и отвечающая предательством на предательство. При попадании в большую группу приматов, сотрудничающих по причине родства, особи начинают доминировать и вынуждают сотрудничать остальные группы, не связанные близким родством, чтобы противостоять более сплоченной группе [3, с. 367]. В соответствии с диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные, сотрудничество и объединение могут дать системе новые возможности, повышающие жизнеспособность систем.

Нацеленное на сотрудничество встраивание СИИ в биосферу Земли могло бы происходить путём самостоятельного занятия той или иной экологической ниши

с встраиванием в пищевую цепочку, т. е. оно могло существовать в органических, пригодных в пищу формах организации. Таким образом, мы получим сходные с естественными формы организации жизни, но их эволюция будет контролироваться СИИ. Другой вариант – симбиоз с существующими формами жизни, повышение их эффективности в обмен на энергию для работы СИИ. Помимо занятия существующих экологических ниш, небиологические формы живых систем могут попытаться создать новые. В любом случае, разумная живая система должна предпринимать попытки встроиться в существующий баланс биосферы, а не стремиться к сокращению разнообразия, до единственной формы.

Кремниевая база вычислительных технологий как потенциальный фундамент для создания СИИ позволит быстрее и значительно более радикально изменять устройство системы. Базовые принципы должны сохраняться, чтобы мы могли говорить о живой системе, но архитектура системы может быть перестроена. Изучая эволюционное изменение видов, мы видим преемственность. Известна и достаточно хорошо описана эволюция современных китов: от парнокопытных млекопитающих к гигантским водоплавающим. Такая трансформация кажется удивительной и весьма радикальной, но при этом хорошо прослеживается учёными. Но если СИИ пойдёт по пути перехода на органические составляющие, сложно сказать, можно ли будет его отличить от естественных форм живых систем.

Американские учёные из Университета штата Индиана в Блумингтоне создали новый тип нейросети с помощью живых органоидов мозга, выращенных из стволовых клеток. Исследование опубликовано в научном журнале *Nature Electronics*. Смысл эксперимента заключался в том, чтобы сократить количество энергии, затрачиваемой на вычисления, и проверить, удастся ли с помощью органических клеток передать нейросетям большую универсальность и зачатки интуиции.

Главным образом описанные выше перспективы развития СИИ в качестве неор-

ганической живой системы носят гипотетический характер. Но задача настоящего исследования – не описать технологическое решение существующих проблем на пути создания СИИ, а подготовить философскую базу, если небиологические живые системы будут созданы. И на основе анализа существующих живых систем прогнозировать развитие искусственной жизни в рамках биосферы.

Перспективы сотворчества человека, биосферы и небиологических живых систем в рамках витацентризма

Жизнь с точки зрения системного подхода можно представить в качестве систем различной формы и уровней структурной организации природы со способностью воспроизводить эту форму организации с ограниченной степенью изменений в следующем поколении. В опубликованных работах для обозначения живых эволюционирующих систем различного структурного уровня организации введено понятие «биос». Диалектический взаимный переход жизни и смерти конкретных особей – способ существования «биоса». Это понятие является развитием использованного ранее понятия «жизни вообще» [1, с. 122].

Небиологическая живая система, взаимодействуя с биосферой и средой, становится частью биоса. Альтернативный человеческому сильный искусственный интеллект, являясь жизнью, должен разделять основные цели интересы существующих живых систем и, следовательно, биоса. Оптимистичный прогноз развития взаимоотношений СИИ и биосферы Земли, в частности человека, базируется на интересах биоса и разумности, альтернативного вида интеллекта. Чувства, эмоции, страсти, которые влияют на мышление и решения, принимаемые человеком, будут балансироваться холодным расчётом небиологических форм жизни. Возможно, СИИ сможет стать более чистым и менее эгоистичным и безрассудным видом интеллекта, что поможет более рационально организовать биос.

Для эффективной организации жизни на Земле необходимо мыслить не только широко и быть готовым увидеть новые возможности, но и далеко, горизонт планирования необходимо значительно расширять на основе повторяющихся событий, устойчивых трендов и законов мира и эволюции. Не все варианты развития системы являются непредсказуемыми, иногда анализ прошлых состояний системы может быть достаточным основанием для долгосрочного планирования развития в сотни, тысячи, миллионы лет.

Из хороших прогнозируемых, но сравнительно далёких от современного человека событий можно выделить переход солнца в фазу красного гиганта, примерно через пять миллиардов лет, а затем белого карлика. Оба события могут стать причиной вымирания всей жизни на Земле и окончания цикла биоса.

Сегодня человеку необходимо подготовить философскую базу для построения нового общества и в дальнейшем «союза интеллектов» с уважением интересов и потребностей всех форм организации биоса [4, с. 8]. На смену антропоцентричному мировоззрению должен прийти «витацентризм», в качестве свойства биоса направленный на построение наиболее эффективной организации живых систем с целью повышения жизнеспособности и всестороннего познания мира.

В случае появления искусственной разумной жизни, способной к долгосрочному планированию, человечество станет ближе к построению «ноосферы» В. И. Вернадского [5]. Разумная организация всех форм биос с использованием сильных сторон каждой из них создаст для Земной жизни новые возможности, которые можно будет использовать для преодоления различного масштаба кризисов в будущем.

СИИ может сделать эволюционные ниши более устойчивыми, быстро адаптируясь к изменяющимся условиям среды и поддерживая баланс биоса. Человек в течение своей истории повышал эффективность переработки солнечной энергии в пищу при помощи растений.

Альтернативный вид интеллекта может выйти на новые возможности повышения эффективности работы биоса, снижения темпов нарастания энтропии путём более эффективного использования энергии [6].

Разумные небιологические формы жизни в союзе с человеком могли бы создавать ниши и за пределами Земли, в космическом пространстве. Развитием идеи «сферы / роя Дайсона» могут стать построение экосистемы вокруг звёзд, заселённых небιологическими формами жизни, или их симбиозом. Таким образом, можно будет не только эффективно собирать энергию звёзд, но и на месте трансформировать её в другие виды энергии и производить необходимые товары, чтобы в дальнейшем отправлять готовые или частично готовые к употреблению блага. Такой вариант производства позволил бы сократить логистические издержки, особенно если предположить, что человечество выйдет за пределы жизни на одной планете. А в дальнейшем такой вариант распространения жизни в космосе снял бы необходимость поиска подходящей планеты на орбите звезды, если бы вся жизнь концентрировалась вокруг неё, на звёздной орбите.

Высокий адаптивный потенциал небιологических живых систем позволил бы жизни развиваться в немислимых сегодня направлениях, заселяя пустующее космическое пространство, необитаемые планеты и орбиты звёзд.

Заключение

Развитие технологии искусственного интеллекта несёт в себе различные риски, связанные с различными сферами: экономики, политики культуры и искусства и даже биосферой. Человечество циклично оказывается в предвкушении открытия «спасительной технологии» и, в частности, появления сильного искусственного

интеллекта. Мгновенного наступления тотального блаженства и процветания не происходит, приходит разочарование. Научнотехнологический прогресс тем не менее повышает уровень жизни людей на протяжении тысячелетий, но это происходит постепенно. Несмотря на возникающие трудности, необходимо поддерживать дальнейшее развитие технологии СИИ и готовиться к мировым изменениям, которые могут наступить впоследствии.

Перед современной философией стоит важная задача – подготовить переход человечества к новому мировоззрению. Неизвестно, появится ли технология СИИ в ближайшие пять, десять или сто лет, но мир будет меняться, поэтому необходимо готовиться к будущим переменам.

Эволюционный потенциал небιологических форм жизни значительно шире привычного нам. Диалектическое единство стратегий «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» позволит эффективно адаптироваться к любым условиям окружающей среды, даже недоступным для биологической жизни. Скорость распространения и разнообразия форм биоса позволит дополнить, сделать более устойчивым для различного рода угроз баланс биосферы Земли.

Широкое, свободное мышление на десятки, сотни и тысячи лет вперёд позволит человеку увидеть перспективы, открывающиеся перед всеми формами живых систем. Увидев новые возможности и угрозы, можно распоряжаться временем и ресурсами достаточно эффективно, чтобы тотальное процветание биоса каждый раз становилось ближе и заметнее. Неживые биологические системы имеют перспективу расширить зону обитания как на Земле, так и за её пределами, в том числе на орбитах звёзд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урядов А. В. Роль информации в основных эволюционных стратегиях выживания: «номинального бессмертия» и «быстрого реагирования» // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 120–125. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-120-125.
2. Щербаков А. Ю., Урядов А. В. Искусственное сознание: техническое задание в философской и естественнонаучной парадигме // Вестник современных цифровых технологий. 2023. № 17. С. 4–12.

3. Сапольский Р. Биология добра и зла. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 766 с.
4. Урядов А. В. Основные подходы к созданию информационно-технологической среды обитания нового общества // Вестник современных цифровых технологий. 2024. № 20. С. 5–10.
5. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
6. Диаров В. О. Глобальный характер эволюции // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 527–529.

REFERENCES

1. Uryadov, A. V. (2023). The Role of Information in the Main Evolutionary Survival Strategies: “Nominal Immortality” and “Rapid Response”. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, 120–125. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-120-125 (in Russ.).
2. Shcherbakov, A. Yu. & Uryadov, A. V. (2023). Artificial Consciousness: Technical Assignment in the Philosophical and Natural Science Paradigm. In: *Bulletin of Modern Digital Technologies*, 17, 4–12. (in Russ.).
3. Sapolsky, R. (2021). *Biology of Good and Evil*. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ. (in Russ.).
4. Uryadov, A. V. (2024). Basic Approaches to Creating an Information Technology Environment for the New Society. In: *Bulletin of Modern Digital Technologies*, 20, 5–10 (in Russ.).
5. Vernadsky, V. I. (2004). *Biosphere and noosphere*. Moscow: Iris-press Publ. (in Russ.).
6. Diarov, V. O. (2021). Global character of evolution. In: *Eurasian Law Journal*, 10 (161), 527–529 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Урядов Артём Владимирович (г. Москва) – преподаватель кафедры когнитивно-аналитических и нейро-прикладных технологий Российского государственного социального университета;
e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem V. Uryadov (Moscow) – Lecturer, Department of Cognitive-Analytical and Neuro-Applied Technologies, Russian State Social University;
e-mail: intellectual.artemka@gmail.com

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1.470

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-13-20

ЧУВСТВО, И – РАЗУМ БЕЗСМЕРТИЯ: ПО-НАСТОЯЩЕМУ – ПО-РУССКИ*

Калитин П. В.

Московский государственный университет им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: petr.kalitin@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2025

После доработки 11.03.2025

Принята к публикации 09.04.2025

Аннотация

Цель. Выявить всесторонние особенности русского чувства и разума личного бессмертия в историко-философском контексте.

Процедура и методы. Логико-семантически и герменевтически проанализирован корпус текстов соответствующих авторов: от А.С. Пушкина до о. Сергия Булгакова и И. А. Ильина.

Результаты. Сделан вывод об антиномично-истинной специфике русского чувства и разума личного бессмертия в их метафизическом, социофилософском и антропологическом измерении.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуализирована традиционная отечественная ценность личного бессмертия в его православно-секулярном и особенно воительном аспекте.

Ключевые слова: личная эсхатология, личное бессмертие, внутренняя свобода, антиномично-истинное сопряжение, диалектичная аберрация «самобытия», или «самоспасения»

Для цитирования:

Калитин П. В. Чувство, и-разум бессмертия: по-настоящему – по-русски // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 13–20. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-13-20>.

Original research article

FEELING, AND – THE MIND OF IMMORTALITY: TRULY – IN RUSSIAN

P. Kalitin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: petr.kalitin@mail.ru

Received by the editorial office 03.03.2025

Revised by the author 11.03.2025

Accepted for publication 09.04.2025

Abstract

Aim. To reveal the comprehensive features of the Russian feeling and reason of personal immortality in the historical and philosophical context.

Methodology. The corpus of texts of the corresponding authors was analyzed logically, semantically and hermeneutically: from A. S. Pushkin to Fr. Sergius Bulgakov and I. A. Ilyin.

---

* Статья публикуется в авторской редакции.

Results. A conclusion was made about the antinomic-true specificity of the Russian feeling and reason of personal immortality in their metaphysical, socio-philosophical and anthropological dimensions.

Research implication. The traditional domestic value of personal immortality in its Orthodox-secular and especially military aspect has been actualized.

Keywords: personal eschatology; personal immortality; inner freedom; antinomic-true conjugation; dialectical aberration of “self-being” or “self-salvation”

For citation:

Kalitin, P. V. (2025). Feeling, And – the Mind of Immortality: Truly – in Russian. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 13–20. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-13-20>.

1

Во многих утренних и «на сон грядущих» молитвах православно-русский христианин благодарит Бога за «мимошедшее время... без напасти прейти от всякого зла противна», синергично-свободно предавая дух свой в Его «руце». «Благодарим Тя, яко не погубил еси нас со беззаконными нашими, но человеколюбствовал еси обычно, и в нечаянии лежащая ны воздвигл еси, во еже славословити державу Твою»...¹

Наповеру – народно-традиционное понимание человеческой жизни как исключительно дара Божиего – с его **всегда внешнезапным** («нечаянным») осуществлением – в непрерывно: прерывистом – органично – инварианте. И с акдивной памятью смертной – столь же квантово: постоянно, **и** – раз претворимо – до завтра...²

Наповеру – антиномично-праведное: ежедневно – «безумие» – во Христе (Кор. 1: 23) – с его психологично-максималистической: за- – сверх-! – душевно – нормой, **и** – заразом идеалом. С его животворяще-крайностным: совершенно-страст(ш) нó! – краем. Простто с сугубым: горé, **и** – долу! – блаженством – юродственного: ортодоксалосно-потрясающе! – духа...

Другими словами, православно-русский потомок Адама – обыденно и вполне здраво: преисполняется, и воистину переживает! – каждый миг своей жизни – с почти невыносимым: во грехе, но! – чувством безсмертия. Разумеется, не иначе, как с провиденциальной помощью Божией – под дей-

ствительно милостивым управлением Его державы... И бездна смертная: в нас, ничтожно-тварных – креационисто, и неслиянно: когерентно – отражается – в противоречивом: бéзднүмий (= безумий + бездне + ума)! – нашего зиждительного: сокрестно – во Христе – спасения... Без всяких однозлачно-поло́жйтельных: дельно – в меру гуманусную(т)! – гарантий. Но – с исповедническим: надёжно, но – с исповедническим: по любви – была-не-была!.. Да: нет – здесь-и-сейчас: буди!..

2

Отец Сергей Булгаков называл эту амбивалентно: «внутреннюю движущую силу» – «личной эсхатологией» как настоящим «предведением собственной смерти» и «всеобщего конца, или Парусии Христовой» – с их «мудрой», и – «тайнственной», точнее, именно амбивалентно! – «неопределённостью» – Божественного: «осуждения и помилования» заразом! – вплоть до «особого», «хилиастического»: «чувства реальности истории и нашей в ней жизни и делания» [1, с. 303, 304, 305; 2, с. 384–385, 387–388, 382].

Так вновь и вновь – с синергичным: антиномично – воистину! – бéзднүмием – утверждается органично-тройственная взаимосвязь: молитвенно, и аскетично – «индивидуальной» памяти смертной (1) – с тотальным: «окончательно» – апокалипсисом (2) – с историей в её хилиастическом: сущностно, и «сверхцельно» – откровении (3) [1, с. 305–306]...

Так эсхатологически: неслиянно, **и** – нераздельно – заостряется – «отрицатель-

¹ Православный молитвослов «Слава Богу за всё». М.: Ковчег, без года издания. С. 18, 60, 21.

² Там же. С. 48.

но»: «положительное» зараз – **со**ткровение (= сокровенное + откровение)! – в его пространственно-временной: сенсуалистически – конкретике, **и** – всегдашней: метафизично – действительности, которые «непрестанно»: усугубляются – Христовым пребыванием в міру и после Вознесения: **до** собственно Второго пришествия – и в Благодатном воздействии через «Другого»: Утешителя [1, с. 308–309, 310, 314–315, 316]; заостряется – конкретно – в ортодоксалосно: потрясающем – душе: духе – русского человека, чреватого, если воспользоваться квантовым лексиконом Э. Шрёдингера – «неопределённо» – «вероятно»: вдруг – **и** «распасться в следующую секунду» [3, с. 119–120]! – **одно**значно-гуманусным: неглиже, **и** – столь же закономерно: не-классически (= неклассически + классически) – **пре**образиться – в лично-эсхатологическом: **стра**шнѳ (= страшно + страстнѳ), **и** – бессмертно – н-есть-н-есть-ве (= нестестве + естестве + сугубо: н-ести (= нести + ести))!..

3

Сокрестное: повседневно, и на сон грядущий – средоточие – органично, **и** – **всегда** **внезапно** – определяет: воистину-антиномически и синергично-свободно – личное: **на**лично – само-не-бытие (= самобытие + небытийное)! – в Бозе: триедино – двуедино – апофатико: катафатическом; само-не-бытие – **постоянно**: возникающее, **и** – исчезающее – с настоящей генезисной: долу, **и** – горѳ – **кра**йностью – именно русского христианина – в его юродственном: антропологически, вернее, **бѳ**зднѳм, **и** – наяву – лик(х)ованно! – обличии...

В результате смерть для него – в адекватный: **до**подлинно – пух и прах! – **прос**сто перестаѳ быть, мало сказать, **одно**(л)ачно-страхолюдиной – вообще, экзистенциально: **об**ветшало! – значимой. Он, пусть, при распятии почти невыносимом: во грехе – естественно, в **на**личной: ветхозаветно-рабски – психолог(х)ичности, но! – **постоянно** обретает: здесь-и-сейчас – непосредственное: **ощу**интимно – чувство

бессмертия – и не менее **постоянно** горазд, наоборот, провалиться – в какое-нибудь заведомо энтропийное: заклято-«классически» – до **гармониза**тѳрно-гуманусной непротиворечивости: **Язычно** – вне себя! – «равновесие», если вновь воспользоваться не-классическим: от противного – взглядом Э. Шрёдингера [3, с. 106–107]. Причѳм это **полѳ**бжѳдѳльное: **до**подлинно-пошлостно! – состояние – уже подлчистую: абстрактно, **и** – безысходно! – **под**разумевает **прия**дтственную (при аде): во всех «глубинных» отношениях – «самобитность» в **одно**значно-пропащей бездне! – ей-ей, «супертварного»: греха = негреха...

Так разверзается – диалекдично: абсурдно! – оборотничество – ортодоксалосно-личностной: эсхатологично – природы православного росса – с «нормальным», и «тотально» – возникновением его «нового»: пелагиански – «самоспасения»! – аккурат в скверной, и первородно – пропасти: навьи-мѳртовой – до «совершенного»: паскудно! – **бес**чувствия и **бес**сознания – душевности, и ладненько: «позитивно» – даже «сверхчеловечески»! – не требуется никаких покаянно-морализаторских слов: заведомо «излишних – в наисчастливейшей “натуре”! – оков»...

И всё-таки бездна, акдуально-безконечная, по Г. Кантору [4, с. 99–100]! – бездна – **оснѳ**(а)в(ь)ополагѳет – этот метаморфозный: психолохически – «по-доброму» – синтез, ничтомножественно: с **кромеш**ным **бес**пределом! – когерирюясь, разумеется, неслиянно – с контрадикторным – **бѳ**зднѳмным: бессмертно – по-русски! – множеством суг(р)убо-личностных, **и** – **на**лично – с **со**кКрестной – **стра**шнѳ – синергичностью! – я: во Христе – Аз...

И увечная: **уко**бноумѳрно-обветшало – смерть – не может **органич**тѳ-гуманусно не **пора**злѳбжѳться! – в полностью вытваренной: самозванно, и **бес**рассудно – самобытности – в **до**подлинно-энтропийном: поделом – по пелагианскому обнулению – **равно**бесии!..

4

Православно-русский христианин – **прекрасно**, (у)конкретно и **сотборно**: потрясающе – понимал – столь убойную: «самоспасительно» – на-в метафизически-должный «нормалёк»: здесь-и-сейчас – **лад**-метаморфозу, молитвенно, и **всегда** **вдруг**: н-есть-н-есть-венно! – уповая на действительно-спасительную: суг(р)убо-лично – эсхатологию: в её и Третье-Римски-мессиански [5, с. 183, 249, 252]! – индивидуальном – в Бозе апофатико: катафатическом – вновь триединстве... Органично, **и** – неасу́ще (= несущее (→ не-стись) + насущее + сущее)! – предпочитая – **преисполненный**: не-классически – опыт именно **бэзднүмного**: безсмертно – **переживания**: не-совершенного (= несовершенного + совершенного) – воистину! – умирения – я: во Христе – Аз. Вместо заведомо **однозначно**-«позитивной»: бездонно и безумно – мёртвости своей, **уконечно**, «совершенно»-безысходной: греховодно-абсурдно! – души = недуши – я = не-я – самозаклятых: «классически» – энтропийно – «по-доброму» – **напрóч(ь)но!**..

«Вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти – и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева», – охотно согласимся с танатологическим выводом И. А. Ильина [6, с. 91]. В специальных: **фундаментально** – работах о России и русской культуре – наш аутентично-проницательный философ – подробно развивает эту национальную специфику, подчёркивая её пассионарно-кенотическую: зиждительно – «уверенность в себе на протяжении всей нашей истории», когда дух росса целиком предаётся Богу – без **всякостного**: «самобытно»-«закоренело» – «малодушия, страха, растерянности» – и только с «серьёзной озабоченностью об отпущении грехов и о чистоте тела», только с творческой! – «**метафизической свободой**» – благо «души наши глубоки и буреломны, разливыны и бездонны (точнее, всецело:

бэзднүмны! – П. К.), и научились во всём идти до конца (лично-эсхатологического, и **крайски**: безсмертно! – П. К.) и (н-есть-н-есть-венно! – П. К.) не бояться смерти» [7, с. 457–458].

Более того, подводя итоги своих адекватно-конгениальных: не-классически – размышлений об отечественной культуре, И.А. Ильин оттеняет: **неасу́ще!** – «вечную угрозу войны и близости непредвиданной смерти» – «постоянно повторяющийся зов встать на пороге жизни и смерти» – для настоящих: не «совершенно»-**укончено!** – православно-русских людей, в результате чего они и переходят в мир иной: «достойно и просто, мужественно и жертвенно», вновь и вновь безсмертно и исключительно-победоносно! – едва ли не празднично осеняя себя воскресительным: синергично – **кКрестом** [7, с. 491, 495]. По-далевски: тем же по-народному – навеки! – оживанием: **крёсом!**...

Нельзя здесь особо не отметить, что не столько внешние опасности даже с их неистощимой агрессивностью, и не без покорно-фаталистического: по-нищевански – **подлтекста** [8, с. 704, 705], сколько, напротив, сугубо-внутреннее: приоритетно – произволение – с онтологической: **всегда** **внезапно** – **креационисто!** – решительностью – обуславливает именно жизнь: смертное – «на пороге» – распято, и не-совершенно – средоточие лично: **соткровенной**, **и** – **налично**: психоло́хически – **укóноумёрно** – русскости. Разумеется, не с **однозначно**-энтропийным: **доподлинно**-**обветшало** – абсурд-спокойствием, а, напротив, воистину **стра́шнó!** – между прочим, даже не без гегелевского: **вдруг** **сотборно!** – понимания исторического величия [9, с. 76]...

5

Вполне предсказуемо, что никто иной, как А. С. Пушкин смог выразить и непосредственно: собой – судьбинно! – танатологически-пассионарную оригинальность

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 162.

православно-русского души: духа – находясь, н-есть-н-есть-венно, по опять же аутентичному заключению И. А. Ильина, «в некой изумительной уверенности, что грань смерти не страшна и удобопереступаема; что телесная жизнь и телесная мука не существуют... Он жил и умер как человек, всегда (: действительно **крайски-неасуще!** – П. К.) пребывающий одной и притом существеннейшей частью своего существа в потустороннем мире. И уходя, он завещал русскому народу: *свободен тот, кто не дорожит земною жизнью*, кто властно дерзает перед земною смертью, не полагая её своим («совершенным»: безысходно! – П. К.) концом. *Свободен тот, кто, творя по совестному вдохновению волю Божию, помышляет не о судьбе своей земной* (в полный *хлámур*: на! – П. К.) *личности, а лишь о духовной верности своих (бэзднүмных, и – органично! – П. К.) свершений*» [7, с. 62–63]...

Так неслиянно: акдивно – соединились – сугубо-молитвенные: чувства – повседневного: пасхально-крёсно – безсмертия – по-далевски: знаменательно сверхсловных! – **прос**то по-русски – **крестиян**¹ – и нашего первого: лично-эсхатологически, и буквально – **кон**гения²; соединились – вневременно, **и** – по-настоящему – в креационистом: **постоянно**-генезисно – отрождении: их воистину **сотборного** – синергично-творчески! – я: во Христе – Аз. Даром, **и** – по жизни: смертному – отрицательно: положительно – в русском Бозе, пусть, почти невыносимому: во грехе – да нет, потрясающе-ортодоксалосному: спасительно! – н-есть-н-есть-ву...

И праздником, изумительным по своему обыденному, привычному содержанию, **и** – **всегда вдруг** – праздником – становится сугубо-! – рабское, **и** – воскресительно: победоносное – в-эвристичную-волю! – само-не-бытие нашего не-совершенного: распято – потомка Адама. И в его **просто**народном: множественно – и в его **кон**гениальном: единично – **сот**кровенном

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 162.

² Там же. С. 126–127.

безсмертии. С той же метафизической: Богочеловечески – не-едино (= неедино + едино) – свободой, которую А. С. Пушкин – именно **крайски-бэзднүмно, и** – категорически! – признавал – **всего лишь** в **одно**-злачно-воочию и **доподлинно-обветшало** – закрепощённом, н-есть, вовсе не мёртвом: «по-доброму!» – мужике³.

Столь же неожиданно, **и** – органично – наш первейший: эсхатологично – **кон**поэт – не исключает для себя лично и прямо: «юродственного!» – по-**крестиянски** – «блаженства»⁴ – самого русского: авторитетно, **и** – дико-похабно! – типа святости – при **сотборном** – изо дня в день: креационистом – жизни: смерти – в историческом, **и** – сверхцельно-мессиански – миру: российской империи [10, с. 7–54 и др.]...

6

Другое дело, что А. С. Пушкин – по преимуществу: аристократически – соотносил – свою собственную, **и** – протонародно **росс** – эсхатологию: синергично-творческий – неасуще – праздник – с непосредственно-мужественным упоением: безсмертного – боя или эпидемии чумы:

Зажжём огни, нальём бокалы,

Утопим весело¹ умы

И, заварив пиры да балы,

Восславим царствие чумы.

Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю,

И в разъярённом океане,

Средь грозных волн и бурной тьмы,

И в аравийском урагане,

И в дуновении чумы!

Всё, всё, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья² –

Бессмертья, может быть, залог!

И счастлив тот, кто среди волненья

Их обретать и ведать мог⁵.

³ А. С. Пушкин-критик / сост. Е. Н. Лебедев, В. С. Лысенко. М.: Советская Россия, 1978. С. 396.

⁴ Там же. С. 118, 120.

⁵ Пушкин А. С. Золотой том. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2007. С. 1067–1068.

1. Ср. у воевавшего М. А. Шолохова: «На весёлое дело идём...» – сказал улыбающийся Нагульнов Давыдову перед их последним боем¹.

2. Ср. у воевавшего Л. Н. Толстого: «При звуках [летающей бомбы] вы испытываете странное чувство наслаждения и вместе страха»².

Примечательна интуитивно-схватенная, и по-булгаковски – «неопределённость» (: «может быть») – в пушкинской характеристике, равно как у М. А. Шолохова и Л. Н. Толстого, – православно-русского чувства: и погибельного, и счастливого зараз – безсмертия, которому мы вслед за Н. А. Васильевым – сугубо-рационально и **прос**то тождественно! – придаём отрицательно: положительную, или **прос**то антиномическую – истинность [11, с. 62–69 и др.]. Причём в исключительно-**конкретном**: не «индифферентно»-«воображаемо» – ключе **за: сверх:** душевной: духовно, и **всегда неасу́ще** – русскости... С неклассически, и научным! – учётом её **акдуально-безконечной: сот**кровенно, **и** – юродственно-лично – **коноригинальности...**

7

Нельзя не выделить – вновь и вновь **непредвиданную**: видано, и **завидно!** – пушкинскую аристократическую эстетизацию – мига воинской, если не героической, и в целом трагично-насильственной смерти: «Не знаю ничего завиднее (! – П. К.) последних годов бурной его [Грибоедова] жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна»³... А «странная»: тоже абсолютно без муки! – гибель Ленского⁴ или

«могущей верой укреплённого»: **крёсно!** – Кочубея?!⁵

Но эпично-спокойнейшая смерть самого поэта превзошла даже его восхитительные танатосные описания, **преисполнившись:** внезапно, – по прямому свидетельству В. А. Жуковского, своей «божественно тайной»: **ненаглядно!** – **наглядностью** – апофактически-! – **вдохновённой** – с изумительнейшей: почему бы не свято?! – «чистотой» – «глубокой, величественной, торжественной мысли»⁶...

Так **внеслиянно: бёзднүмно** – единстве – у А. С. Пушкина – по-русски: **сотборно** – сказались и сугубо-мирская: едва ли не блаженно – и сугубо-православная: **стра́штно** – красота: собственно физической, и мгновенно – ангельски: **горé!** – смерти.

Так с героической: **пассионарно** – мужественностью, **и** – **прос**то **порядочно:** с молитвенной добросовестностью – восторжествовал, **и** – при буквальной, да-нет! – **кончине** – именно дар, **всегда возникающий:** свободно – с Божией помощью, дар – **акдуально-безконечного, и** – **точно:** элементарно! – целостного жизни: смерти, **и** – в его **сот**кровенно-эсхатологическом: празднично – миге. Уже не предвещающих, а демонстрирующих: по-настоящему! – **бёзднүмно** – не только чувство «нечаянно»-привычное, но и собственно разум, потрясающий: **ортодоксалосно, и** – посмертно – воистину всевозможного! – **неасу́ще:** апофактически – безсмертия...

Неслучайно, **и** – вдруг! – Л. Н. Толстой – с **конгениальной, и конкретно** – пронзительностью – постиг: **пережил** – почти невыносимое, **и** – успокоительно: уповательно! – русское **убеждение**, что если тебя «непременно убьют», ты – «уже не принадлежишь сему миру», и «это-то придаст [тебе] храбрости»⁷... Под статью: **знать** – **креационистому:** по-**крестиянски,** и по-пушкински – творению: нашего национального: **гоже** – ничего!¹ – **н-есть-н-**

¹ Шолохов М. А. Поднятая целина. Петрозаводск: Карелия, 1971. С. 635.

² Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. Тула: Приокское книжное изд-во, 1973. С. 19.

³ Пушкин А. С. Золотой том. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2007. С. 1335.

⁴ Там же. С. 750–751.

⁵ Там же. С. 617, 610.

⁶ Последний год жизни Пушкина / сост. В. В. Кунина. М.: Правда, 1990. С. 549.

⁷ Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. Тула: Приокское книжное изд-во, 1973. С. 50, 128.

есть-венного: лично, **и** – налично – былия-не-былия – со всем его спасительным, **и** – в **крошечном** грехе – суг(р)убым: **дерзновье**нием...

8

Итак, мы – не-классически, и научно – с антиномично: юродственной, **и** – воистину несамопротиворечивой: по-васильевски-методично! – **последовательн-естью** – рассмотрели – наверно самую удивительную: **коноригинально** – особенность нашего православно-русского менталитета: его повседневно, **и** – празднично – **всегда** генезисное, **и** – разумно – чувство, его прекрасно-героический дар – душевно: духовного – здесь-и-сейчас – навеки! – умирения: бессмертия. Вплоть до их попушкински-аристократичной, **и** – посмертно – подчистую: красивой! – **крайности**. Вплоть до их **индивидуально-страшнбй**, **и** – психоло́хически-обветшало – **преисполненной**: в Бозе – животворяще! – эсхатологии. Вплоть до их исторически: сверх-

цельного, и Третье-Римски-мессиански: «закрепощённого» – не-совершенства. Вплоть до их оборотнической: гуманусно, и диалекдично! – мёртвости – в **однозначно-бездонной**: равновесно и «самобытно» – «позитив» = абсурдистике: души = недуши и т.п.

А **фундаментальной**: синергично-свободно – во Христе распятом: воскресительно – **основью** – по-настоящему: метафизического – нашего русского бессмертия – является – **всегда вдруг**: неасущее, **и** – **ощуинтимно**! – **безднумие** – во всей его акдуально-безконечной: суг(р)убо-соткровенно – органич-н-естьи! В его почти невыносимой: пассионарно – мужественно, **и** – празднично: упоидельно (где **п** – знак именно канторовской акдуальной безконечности)! – эвристичности... С «молодой женой – Смертью прекрасной», и даже при Богооставленном! – Сыне Божиим, согласно **просгонародной**: лично-эсхатологически – **сотборно**, уже по-ремизовски – эстетике...²...

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С., прот. Апокалипсис Иоанна. М.: Отрада и утешение, 1991. 352 с.
2. Булгаков С., прот. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
3. Шредингер Э. Что такое жизнь? М.: АСТ, 2019. 288 с.
4. Панов В. Ф. Современная математика и её творцы. М.: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 2019. 662 с.
5. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
6. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 1. М.: Парог, 1992. 344 с.
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. 672 с.
8. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
10. Калитин П. В. Тысячелетнее царство русского юродства. М.: ИОИ, 2018. 216 с.
11. Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. 264 с.

REFERENCES

1. Bulgakov, S. (1991). *The Apocalypse of John*. Moscow: Joy and Consolation Publ. (in Russ.).
2. Bulgakov, S. (1991). *Orthodoxy: Essays on the Teachings of the Orthodox Church*. Moscow: Terra Publ. (in Russ.).
3. Schrödinger, E. (2019). *What is Life?* Moscow: AST Publ. (in Russ.).
4. Panov, V. F. (2019). *Modern Mathematics and Its Creators*. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publ. (in Russ.).
5. Sinitsyna, N. V. (1998). *The Third Rome. The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept*

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 456.

² Ремизов А. М. Сочинения. Кн. II. М.: Терра, 1993. С. 31, 34.

- (15th–16th Centuries). Moscow: Indrik Publ. (in Russ.).
6. Пыин, I. A. (1992). *Our tasks. Historical fate and future of Russia. Articles from 1948–1954. T. 1.* М.: Rarog Publ. (in Russ.).
  7. Пыин, I. A. (1996). *Collected works: in 10 vol. Vol. 6. Bk. 2.* М.: Russian book Publ. (in Russ.).
  8. Nietzsche, F. (1990). *Works: in 2 vol. Vol. 2.* М.: Mysl Publ. (in Russ.).
  9. Hegel, G. V. F. (1993). *Lectures on the philosophy of history.* St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
  10. Kalitin, P. V. (2018). *The Thousand-Year Kingdom of Russian Foolishness.* Moscow: IOI Publ. (in Russ.).
  11. Vasiliev, N. A. (1989). *Imaginary logic.* Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калитин Пётр Вячеславович (Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr V. Kalitin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

Научная статья

УДК 111.1+1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОБЫТИЯ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: mirmaker23@mail.ru

Поступила в редакцию 10.02.2025

После доработки 24.02.2025

Принята к публикации 28.03.2025

Аннотация

Цель. Раскрытие экзистенциального смысла бытия как неповторимого события человеческого существования в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера в результате проведённого историко-философского анализа его творческого наследия.

Процедура и методы. Используются методы диалектического и герменевтического исследования во взаимосвязи со сравнительным и историко-философским анализом неклассической специфики философских оснований фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.

Результаты. основополагающим принципом существования бытия в его антропологическом исполнении является событие (Ereignis), осмысленное в качестве глубинного измерения времени, которое в каждом его мгновении проявляется в форме вот-бытия (Dasein). Уникальная специфика феномена человека фундаментальным образом проявляется через временность его существования в качестве основания обретаемой им через неё собственной подлинности в неотжественной форме самоопределения, позволяющая таким образом приобщиться к извечно сбывающемуся бытию. В связи с этим проведено различие между классическим пониманием в истории философии бытия как *Sein* и неклассическим как *Seyn*, обозначенным в рамках концептуальной позиции в фундаментальной онтологии М. Хайдеггером в качестве «бытия», которое *существует*, олицетворяя собой бесконечное множество сбывающихся во взаимосвязи с друг другом различных событий. Метафизически статичная конструкция осмысления бытия как капитала проявляется в форме постава, который преодолевается через экзистенциальное переосмысление феномена человека и его образно идеализированного «я» как вместилща событийно складывающихся свершений в форме вот-бытия. Таким образом, событие в качестве просвета бытия объявляется источником неограниченной свободы человека, которая выстраивается из принятия им собственной смертности как фундаментального условия неповторимой единственности возникновения и обретения экзистенциальной ценности осмысленно выстраиваемой самости в процессе её безграничной индивидуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты проведённого исследования могут быть использованы в качестве расширенного представления об экзистенциальном содержании феномена человека и его всевозможных отношений с бытием для дальнейшего углублённого теоретического осмысления неизведанных ранее горизонтов его уникальной самоактуализации. В том числе выявленные результаты исследования могут поспособствовать совершенствованию теоретических знаний в области истории философии, онтологии и антропологии, а также их прикладному использованию в области экзистенциальной психотерапии.

Ключевые слова: бытие, время, капитал, постав, самость, событие, существование, человек, экзистенция, Dasein (Вот-бытие)

Для цитирования:

Мирошкин М. С. Антропологический смысл события в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-21-35>

Original research article

ANTHROPOLOGICAL MEANING OF AN EVENT IN FUNDAMENTAL ONTOLOGY M. HEIDEGGER: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: mirmaker23@mail.ru*

Received by the editorial office 10.02.2025

Revised by the author 24.02.2025

Accepted for publication 28.03.2025

Abstract

Aim. Disclosure of the existential meaning of being as a unique event of human existence in the fundamental ontology of M. Heidegger as a result of the historical and philosophical analysis of his creative heritage.

Methodology. Methods of dialectical and hermeneutic research are used in conjunction with comparative and historical-philosophical analysis of the non-classical specificity of the philosophical foundations of M. Heidegger's fundamental ontology.

Results. The fundamental principle of the existence of being in its anthropological implementation is the event (Ereignis), understood as a deep dimension of time, which in each of its moments manifests itself in the form of being-here or Dasein. The unique specificity of the phenomenon of man is fundamentally manifested through the temporality of his existence as the basis of his own authenticity acquired through it in a non-identical form of self-determination, thus allowing him to join the eternally fulfilling being. In this regard, a distinction is made between the classical understanding in the history of philosophy of being as Sein and the non-classical as Seyn, designated within the framework of the conceptual position in fundamental ontology by M. Heidegger as "being", which is present, personifying an infinite number of various events fulfilled in interconnection with each other. The metaphysically static construction of the understanding of being as capital manifests itself in the form of a position that is overcome through an existential rethinking of the phenomenon of man and his figuratively idealized "I" as a receptacle of event-formed accomplishments in the form of being-here. Thus, an event, as a clearing of being, is declared to be the source of unlimited human freedom, which is built from his acceptance of his own mortality as a fundamental condition for the uniqueness of the emergence and acquisition of existential value of a meaningfully constructed self in the process of its boundless individuation.

Research implications. The results of the study can be used as an expanded idea of the existential content of the human phenomenon and its various relationships with being for further in-depth theoretical understanding of the previously unexplored horizons of its unique self-actualization. In particular, the identified research results can contribute to the improvement of theoretical knowledge in the field of history of philosophy, ontology and anthropology, as well as their applied use in the field of existential psychotherapy.

Keywords: being, event, existence, human, Dasein (Here-being), presence, freedom, selfhood, time, temporality, capital, delivery, death

For citation:

Miroshkin, M. S. (2025). Anthropological Meaning of an Event in Fundamental Ontology M. Heidegger: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-21-35>

Введение

Исторически изменяющиеся формы и способы осуществления экономической жизнедеятельности человека претерпели существенные изменения, которые не без основания сформировали описанный ещё в XX в. различными философами его образ в качестве уходящего в небытие мерцающего в стихиях бессознательных структур обезличенного элемента, видимость самоопределения которого запечатлевается в его символически сконструированных системах надстроечных отношений, в рамках которых он детерминирован, по выражению Гегеля, той истиной *негативности*, что олицетворяет собою лежащий на его плечи тяжёлым роком отягчённый труд. Таким образом, труд в капиталистическую эпоху, по мысли Гегеля, представляет собой «заторможенное вождление» или «задержанное (aufgehaltenes) исчезновение» [1, с. 105], образующее так называемый «вакхический восторг, все участники которого упоены; и так как каждый из них, обособляясь, столь же непосредственно растворяется им, то он так же есть чистый и простой покой» [1, с. 25], нивелирующий всё человеческое в человеке, посредством его обесценивающего отчуждения от самого себя во времени как от Другого, с которым он не в состоянии примириться.

Многогранное творчество философской мысли изобилует различными негативными коннотациями в отношении сущности экономической жизнедеятельности человека, кризисные события которой эксплицитно отражены в таких словосочетаниях, имеющих концептуальное значение, как «желающая машина» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «смерть субъекта» (М. Фуко), а также «смерть автора» (Р. Барт) и в конце концов «смерть человека» (А. Кожев и Л. Альтюссер), которые символизируют глубинный смысл деструктивных последствий его же собственных желаний, не ориентированных на созидательное преобразование бытия, частью которого он имманентным образом является, но от которого исторически всё больше и больше

отчуждается. Представление о времени как о единственно ценном ресурсе, сквозь призм которого каждый человек неповторимым для себя образом самоопределяется, выдвигается в качестве сакрального измерения, к обладанию которым он устремляется посредством различных экономических практик в попытках обеспечить себе беззаботное будущее, минуя непосредственно сбывающееся настоящее. Однако именно представление о времени как о ресурсе, который необходимо добыть, предполагает его интенсивно ускользающий характер восприятия человеком, тем самым формируя через него схематизированный образ мира, который необходимо максимально эксплуатировать, чтобы приобрести полноценную в нём устойчивость и безопасность, что, в свою очередь, имплицитно образует озабоченность, связанную с собственной *временностью* или *смертностью*, которая тем самым приводит к фрустрированной дистанцированности по отношению к самому себе, к другим и к миру в целом.

Таким образом, преодоление кризиса, связанного с разрушением целостной картины мира в порядке формирования индивидуального мировоззрения человека как неотъемлемой части этого мира, имеет существенное значение для его самоопределения и самоактуализации в плане осмысления ценностного значения бытия и времени в качестве фундаментальных оснований его гармонично упорядоченного существования в многообразно создаваемых им событиях. Поэтому кризис, связанный с фундаментальным непониманием смысла бытия и времени, делает актуальным обращение к крупнейшему немецкому философу XX в. М. Хайдеггеру, который особым образом выразил критическое отношение к экономической жизнедеятельности человека, носящей в своей сущностной основе эксплуататорский характер, приводящий к многообразным экзистенциальным кризисам, образующим в конце концов «самое тёмное» представление о бытии и связанное с ним представление о времени [2, с. 3]. Иными словами, обраще-

ние к имениному наследию философской мысли М. Хайдеггера представляет собой вскрытие фундаментального сущностного истока образного портрета современного существования человека, укоренённого в области его сакраментальных переживаний в отношении ускользающего в различного рода событиях определяемого временем бытия.

Человек в экзистенциальном проекте бытия и времени

Поскольку сама философия является источником самоопределяющегося присутствия человека в мире, то будучи порождённой из него самого, она, по мысли Гегеля, «по существу своему относится к стихии всеобщности», в глубинных недрах которой происходит преобразование пространственно-временной структуры бытия как такового, топологически обуславливая формирование различных способов обеспечения необходимой степени опоры для самого человека в нём, отражающих изменчивость и неопределённость условий его собственного существования в рамках кризисных потрясений, исторически связанных с нестабильностью экономических отношений капиталистического уклада [1, с. 1]. Понимание специфики идей фундаментальной онтологии М. Хайдеггера коррелирует с преодолением неспособности человека в условиях динамики неподлинного самоопределения выстаивать связанные с этим процессом критически важные для жизни события, полноценное осмысление которых демонстрирует его подлинно волевые качества. Поэтому проблема бытия является тесно переплетённой с темой человека в его нескончаемых экзистенциальных поисках невосполнимо утраченного времени, в попытках обрести подлинное возвращение к самому себе в становлении самим собой и посредством самого себя. Капиталистическая эпоха, представляющая собой унифицированную парадигму реформирования истории человеческого сосуществования, предполагает её всепроникающую коммодифика-

цию в рамках образования всевозможных связей и отношений, основанных на антагонистических противоречиях, которые имплицитно оформляются в гипостазированный метанарратив, идеологически приводящий к метафизическому миропониманию. Таковым метанарративом, основанным на технико-экономическом представлении о бытии, по мысли Хайдеггера, является *Постав (Gestell)*, который, в свою очередь, «есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии», т. е. оформление человека и всего многообразия бытия в собирательный образ исчислимого капитала [3, с. 231]. Представленная Хайдеггером неклассическая экзистенциальная критика классической рационалистической философской традиции характеризуется переосмыслением метафизических притязаний капиталистически оформленных махинаций на предельно исчислимое отношение к человеку и к облагораживающему его во времени бытию.

Обоснованный Хайдеггером анти-метафизический проект выстраивания концептуальных представлений о бытии складывается, исходя из переосмысления роли и сущности человека в мире как неотъемлемой его части и одновременно способной к глубинному проникновению в недра его событийно выстраивающихся рядов, неподдающихся понятийному схватыванию и осмыслению в духе сциентистского подхода в классическом рационализме, особым образом господствующего в своей самодовлеющей форме в эпоху расцвета капитализма. Представленный Хайдеггером проект фундаментальной онтологии стал осевым явлением в истории западной философии в начале XX в., которое послужило квинтэссенцией не принадлежащего самому себе человека, склоняющегося в своих капиталистических поисках к собственному забвению перед неспособностью испытать экзистенциальное просветление в отзвук влекущего его к подлинному самоопределению бытия,

зов которого судьбоносно приобретает для него источник постижения нового начала в форме события. Процесс образования капиталистической формы мышления ориентирует человека на приобретение им рефлексивного опыта в отношении самого себя как поработанного субъекта, ограниченного рамками негативного восприятия времени через установленное господство исчислимых с ним отношений, приводящих к калькулированной коммодификации самого представления о роли и предназначении бытия как такового.

Экзистенциальное измерение, воплощением которого является сам человек, через которое он сам себя неповторимым образом выражает, является для него уникальным способом темпорального присутствия, заключающегося в обнаружении топологически организованного основания в форме событийно функционирующего бытия, которое в силу своей безгранично многогранной и неисчислимой природы множественно распадается и оформляется в то, что Хайдеггер концептуально обосновывает как «*Вот*», интерпретируемое им как *Dasein (Вот-бытие)*. Неклассическая герменевтика бытия и отражающегося в нём человека, благодаря которому оно способно себя полноценным образом проявлять, стала для Хайдеггера инструментом, обосновывающим их соизмеримую взаимообусловленность, в результате которой стало возможным видение и понимание доносящихся до человека призывов со стороны окружающего и пронизывающего его мироздания, которое своим ставшим отдалённым зовом зеркально даёт ему прочувствовать отягчённое состояние отчуждённости от своего *собственно* подлинного бытия в приобретённой им сущности понимания самого себя как исчислимого во времени капитала, ввергающего в бегство от самого себя каждого осмысляющего исключительно через него своё собственное существование.

Понимание Хайдеггером смысла бытия истолковывается вне рамок исключительно метафизических воззрений, воссозданных в совокупности регулирующих дея-

тельность человека образно-смысловых конструкций, им образованных, которыми не исчерпывается вся фундаментально безграничная множественность его соразмерной с бытием топологической единичности. В этом смысле человек, будучи свидетелем и соучастником разнообразных процессов проявления бытия, *со-бытийствует* с ним, отражаясь в различных феноменах в форме события, которое и преобразует их в нетождественной гармонии таким образом, что их вариативность имеет экзистенциально судьбоносное происхождение. Распадаясь на неисчислимо множество событий, само бытие раскрывается через них в результате уникального и неповторимого присутствия человека в мире, который в темпоральной форме их обнаружения организует всю свою жизнедеятельность в качестве безграничных этапов нового начала, в каждом из которых по-своему оформляется стремительно прогрессирующее бегство в капиталистически организованное существование в качестве реакции на неопределённые призывы действительности мира окружающего. Насколько способен человек узреть целостность событийных рядов, олицетворяющих само бытие, если оно приглушается выстроенными им самим идеализированными конструктами капиталистической деятельности, отсылающими к обретению невозполнимо утраченного времени, в связи с чем, как глубокомысленно высказался об этом В. В. Бибахин, «пока мы будем видеть целое только в конце наших построений, мы никогда не увидим нашим построениям конца: чему же конец будет в конце, если ему не нашли начала?» [3, с. 12]. Именно таким вопросом задаётся в течение всех своих философских поисков смысла бытия как такового М. Хайдеггер.

Само бытие в экзистенциальном векторе его рассмотрения предстаёт, по Хайдеггеру, зеркалом всех происходящих в человеческой жизни событий. Судьба человека предопределена самим бытием исходя из происходящих и разворачивающихся в нём ускользающих друг от друга

событий, в каждом из которых он самоопределяется нетождественным для самого себя образом. Поэтому «в событии даёт о себе знать то особенное, что оно отнимает у безудержного раскрытия свою собственную суть», – пишет Хайдеггер [3, с. 405]. Всё подлинное в человеке соразмерно смыслу понимания того, что такое *Dasein*, через которое он приходит к самому себе, высвобождая себя из сбывшегося опыта переживания бытия как события, сменяемого другим событием, исходя из которого он становится нередуцированным к метафизически статичным конструкциям в форме индивида, личности, субъекта, субстанции и капитала. Экзистенциальная реальность человека отличается от трансцендентальной самим фактом его временного существования, обуславливающего актуальность уникального возвращения к познанию самого себя в топологически образованной системе координат извечно находящегося в становлении бытия. Глубинное переживание человеком временности своего бытия олицетворяет его всепроникающую озабоченность во всевозможных формах и способах присутствия в мире, которое самим фактом своей неопределённости подводит к пониманию того, что «временность обнажается как смысл собственной заботы» человека, исходя из которой он преисполняется бытием без остатка, что позволяет ему, в свою очередь, конституировать топологическое к нему отношение в форме *Dasein* или Вот-бытия [2, с. 326]. Этим объясняется экзистенциальный смысл человеческого бытия, которое полноценно описывается через феномен события, являющегося, по мысли Хайдеггера, основополагающим бездонно неисчислимым измерением его отношения к собственному существованию в мире и миру, вокруг него существующему.

Поскольку само бытие, по Хайдеггеру, является квинтэссенцией событийных проявлений человеческого существования, то само *Dasein* представляет собой возможность его присутствия в качестве ни к чему не сводимой кроме как к самой

себе экзистенции, проявляющейся в пограничных областях индивидуального самоопределения. Каждое событие человеческого бытия в мире приводит его в соприкосновение с самим собой, обуславливая таким образом отзвук самого бытия в человеке через различные его в нём проявления, формируя тем самым язык, через который они звучат между собой в единодушно гармоничном унисоне. Иными словами, через бытие проявляется вся полнота уникальности человеческого естества, а через человека само бытие во всей его безгранично креативной многогранности. В этом смысле *Dasein* является структурно образующим принципом функционирования всевозможных желаний человека к его неповторимо уникальной способности быть в мире, исходя из него самого в качестве первозданного основания, в котором он может безграничным образом черпать для себя жизнеутверждающие силы, в каких бы отягчённых обстоятельствах он не оказался и какими бы непосильными не представлялись они для него.

Время как источник осознания человеком самого себя

Исходя из временности сбывающегося вот-бытия, проистекает озабоченное к нему отношение, через которое открывается смысл бытия как такового. Поскольку фундаментальной характеристикой бытия является время, то основополагающей характеристикой человека является его временность, отражённая в событиях как *своевременность*, запечатлённая в неповторимой для неё форме *Dasein*, являющейся его наиболее сущностным воплощением. Отсутствие полноценного приобщения человека к подлинности своего собственного существования является индикатором его сакрального отношения ко времени как к ресурсу, который необходимо раздобыть, чтобы обеспечить себя удовлетворительной нормой самореализации в мире, который схематизируется рамками капиталистических практик его непрекращающейся эксплуатации. Таким

образом, схематизированное время отнимает человека от себя самого, ввергая его в обесцененную суетность проведённого дня, который в различных воспоминаниях откликается у него поисками утраченного времени в форме исчисляемого капитала, искажающего временную сущность его индивидуального существования. Как замечает Хайдеггер, ориентация человека на сформированную им идеализированную конструкцию в форме личного «я», не предвещает ему полноценной самореализации в глубине своей телесной организации не иначе, чем через ужасающий опыт переживаемой им таким образом собственной смертности, которую он отчаянно пытается преодолеть через расчётливое отношение ко времени как к зеркалу ускользающего в небытие самоопределения. Таким универсальным для всего человечества символом расчётливого отношения ко времени становятся часы, посредством которых происходит организация исчислимого к бытию отношения, при котором математически схематизируется образное о нём представление в качестве идеалистически замкнутой на самой себе конструкции, статично функционирующей как производственный механизм, не соизмеримый с безгранично нетождественной событийной структурой оживотворённого существования подлинного бытия во всей его неповторимой многогранности.

Поэтому, как утверждает Хайдеггер, «в окружающем мире эта встреча с собой совершается без всякого саморассмотрения, ориентированного на некое “я”, и без рефлексированного восприятия “внутренних” переживаний и актов», поскольку «вот-бытие, которое считается со временем, которое живёт с часами в руках – именно это считающееся со временем вот-бытие постоянно говорит: у меня нет времени» [4, с. 35; с. 155]. В таком подходе к восприятию и пониманию бытия происходит его забвение, выражением которого является представление о времени как о предмете роскоши, который полноценно приобретается не иначе чем через его овеществлённый

аналог в силу его изначального метафизически идеализированного осмысления в форме капитала. Само бытие не концентрируется на самом себе и пребывает в непрерывно изменяющемся множестве многослойных событий, каждое из которых является порождением нового начала и таким образом олицетворением необратимой единственности и универсальной безграничности его всеохватывающего в мгновении ока просвета.

Время, характеризующееся по самой своей сущности размерностью, задаёт человеку априорно дискретный горизонт его личного самоопределения, исходя из которого он замыкается на отсроченной точке отсчёта в качестве гомогенизации предвосхищаемого им собственного будущего или переживаемого им прошлого, в отношении которых эксплицируются тождественно сформированные конструкции мышления, и тем самым постепенно выстраивается статичный способ присутствия в мире через создание того, что Хайдеггер называет *машинацией*, используемой человеком в качестве схемы «сплошной исчисляемой прояснимости», через капиталистически организованное «представление» о бытии как таковом в форме постава [5, с. 176, с. 172]. Удержание времени в его гомогенизированной форме капитала имеет целью конституировать присутствие человеком в мире в интенционально-феноменологическом ракурсе достижения и поддержания идеализированного образа самого себя как чистого «я», которому тождественно необходимо соответствовать, чтобы нивелировать глубинный страх перед его забвением, связанный со смертью. Универсальность феномена смерти понимается Хайдеггером экзистенциально как уникальность подлинно неповторимого переживания всевозможных происходящих с человеком событий, в каждом из которых образуются для него новые смыслы, несводимые к единственно возможному, метафизически существующему в качестве абсолютной идеи, известной со времён Платона и Гегеля. Таким образом, согласно Хайдеггеру, смерти как

таковой не существует вообще, поскольку само бытие раскрывается из вот-бытия как события, а оно, в свою очередь, и предопределяет особенность восприятия, переживания и понимания времени самого по себе человеком. Именно как раз благодаря смерти вот-бытие не прекращает своего неповторимого существования в бесконечности сбывающихся различным образом событий, обуславливая таким образом вечность самого бытия в его безграничной множественности свершения.

Благодаря смерти бытие имеет переходную структуру своего модифицированного функционирования в форме инобытия посредством события, которое и является самодостаточным свидетельством его всепроникающей и оживотворяющей силы, пребывающей в своей неизбежной незавершённости, олицетворяющей неоднозначность возникновения и исчезновения всевозможных смыслов, отражающих ничем неограниченную сущность человеческого бытия. Поэтому Хайдеггер настойчиво утверждает, что «смерть ни в коем случае не берётся как отрицание бытия и вовсе не как "ничто" для существа бытия, а как раз наоборот: смерть есть высшее и предельное свидетельство бытия» и «как предельность Вот есть одновременно глубочайшее его возможного полного преобразования», заключающего в себе «без-донное (ab-gründige) вот-бытие» [5, с. 359–360, 406, 361]. Таким образом, человек всегда пребывает в бытии в качестве вот-бытия, как основополагающего источника возможности осмысления своей экзистенциальной сущности во временном её исполнении, определяя тем самым смерть как онтологическое условие безграничного отражения собственной самости в бесконечности раскрывающих её событий в процессе её непрерывной индивидуации.

Оценка человеком времени как универсального для всех ресурса самообеспечения, предполагающего бегство от смерти, делает его зависимым и несвободным от поисков его приобретения в качестве овеществлённых в форме капитала возможностей, обуславливающих его противо-

борствующее отношение к бытию во всех его проявлениях, исходя из которого оно рассматривается им как небезопасное пространство, в котором единственно возможным способом сосуществования с другими представляется борьба за выживание, приводящая всех в ней соучаствующих в состоянии нескончаемого страха по отношению к друг другу, и таким образом в конце концов по отношению к самому себе из-за неспособности созидательно примириться с самим бытием через его неведущее границ событийное измерение. Поэтому, исходя из непримиримого отношения к самому себе, формируется непримиримое отношение к самому бытию и всех в нём сосуществующих, приводя таким образом к тотальному обесцениванию имеющихся в нём возможностей через их капиталистическую унификацию в результате понимания времени как судьбоносно устрашающего вектора неизбежности человеческого забвения. Таким образом, каждый раз, когда «время используется как число изменчивого, исчислимого, т. е. форма его упорядочения, следовательно, время как рамки» [5, с. 288], то само бытие, в нём отражающееся, становится зловещим заключением для человека и всех его попыток обрести безусловную в нём и посредством него чаемую им опору в форме собственной свободы воли. Человек оказывается пленником времени тогда, когда оно само для него представляется феноменом непримиримого отрицания самого себя как неотъемлемой части бытия, с которым он органичным образом соотносится, но не преисполняется им, поскольку сам как таковой, будучи временным, становится устрашающим для самого себя его проявлением, а значит, только исходя из понимания времени как неограниченного событиями источника самоопределения формируется то, что, согласно Гегелю, «есть само по себе абсолютная отрицательность и свобода» [6, с. 53], т. е. сам человек, осмысляющий самого себя в отражении вечности бытия, обеспечивает тем самым свою подлинную с ним соизмеримость в форме обретаемой таким образом самости.

Временность как измерение подлинности Dasein

Поскольку человек определяется встречей с самим собой, с другими и с миром в непрерывной интенсивности сбывающихся различным образом событий, то именно временность становится для него основополагающим ракурсом выстраивания собственной бытийной возможности для полноценного самоопределения в качестве обнаружения своего Dasein. Любая форма присутствия человека в мире достигает своей предельной значимости в феномене смерти, представление о котором формируется им исходя из его собственного к самому себе отношения как к заброшенному проявлению бытия, приведённого в состояние озабоченности. Сам феномен заботы проявляется как в форме глубинного страха, доводящего человека до состояния ужаса перед небытием или ничто, так и в форме свободы, приводящей его к экзистенциальной трансформации собственного Dasein в качестве экспликации уникальности обретения сокрыто-раскрываемого измерения времени через осмысление временности различными способами постигаемых в бытии его ничем неограниченными возможностями. Таким образом, трансформация понимания Хайдеггером феномена временности, отражающего всевозможные переживания человеком своего собственного уходящего в забвение существования, происходит через переосмысление обращённости человека непосредственно на самого себя в реализации решения каким ему быть, поэтому «*вот-бытие* как человеческая жизнь есть *первичное могущее-бытие* (Möglichsein), бытие возможности неминуемого и при этом неопределённого минования» [4, с. 151].

Исходя из неминуемого как временности, проявляется предельная возможность вот-бытия тем или иным способом сбыться, а значит, она приоткрывает смысл бытия через заботу о нём самом, размыкая его жизнеутверждающий потенциал. Вместе с тем потенциал бытия не ограничивается

временным о нём представлением, исходя из ценностного к нему отношения в форме сущего или капитала, который предельно поддаётся исчислению и всевозможным расчётам соответствующих решений утилитарного характера. Однако само вот-бытие не озабочивается вот-бытием, поскольку является квинтэссенцией самого бытия в его событийно-сбывающейся функциональности, не соизмеримой с унифицированной практикой нивелирования его различий в образно запечатлённой всеобщности схватываемого посредством исчисляемого капитала, отождествляемого с самим временем, олицетворяющего таким образом трепетное через временность отношение человека к самому себе как к инвестиционному инструменту, подменяющему настоящее будущим, а будущее прошлым в качестве не принятого настоящего. Обеспокоенность человека временностью своего существования свидетельствует о различных в совокупности сделанных им некогда решений, связанных с недостигнутой предметностью воплощения тех или иных его желаний, через которые так и не свершилось чаемое им обладание собственной, запечатлённой в форме капитала умиротворенной подлинностью бытия. Однако именно временность является воплощением подлинной истории человека, раскрывающая её в его озабоченности по отношению к самому себе как уникальному зеркалу сбывающегося и неповторяющегося в обоюдной связи с друг другом множества событий, в которых происходит смещение смысла вот-бытия в иное вот-бытие, нивелирующее его конечность бесконечностью самого бытия как события. Именно поэтому, как утверждает Хайдеггер, «событие есть экзистенциальный конститутив бытия-в-мире» [2, с. 125], и, как точно по этому поводу замечает также Ж. Делёз, «именно в один и тот же момент, одновременно, мы становимся больше, чем были, и делаемся меньше, чем становимся», поскольку «события – подобно кристаллам – становятся и растут только от границ или на границах» [7, с. 9, 20]. Таковыми границами являются

экзистенциальные переживания человека в отношении различных происходящих с ним событий, которые демонстрируют укоренённую в нём самую безграничную возможность выбора через разрыв предметных границ фактического самоощущения, достигая тем самым свободы достойного для себя способа самовыражения в непрекращающемся процессе изменения бытия и имманентных ему переходов в иное начало.

В результате безграничных возможностей для самореализации через бытие как событие, исходя из его временного измерения, мир обнажает себя для человека таким, каким он в нём для самого себя проявляется, будучи отражением своего смертного естества в его бессмертном существовании. Поэтому, как утверждает Ж. Делёз, «время, которое обретают, не чуждо утраченному времени: его находят в недрах самого утраченного времени», т. е. в сменяющих друг друга событиях [8, с. 116]. Само бытие говорит о самом себе через человека посредством открытого в нём полилога в форме – *Вот*, фиксирующего данность разомкнутого в своей сущности на события ничем неизмеримого егоращения, устанавливающего универсальность гармоничного между ними сосуществования. Иными словами, *временность* глубоко составляет представление о бытии как о событийном процессе, в котором человек и само бытие обнаруживают друг друга в друг друге и посредством друг друга в форме *вот-бытия*, взаимодействуя таким образом через соразмерное единство составляющих их мгновений, после которых остаётся невозможным сконцентрировать их многомерность в замкнутом образе приобретённого человеком идеала собственного «я», через который оформляется граница полноценного понимания им себя как неотъемлемой части мира, обозначенного через отрицание в качестве Другого. Человек предстаёт таким образом перед бытием как *другой*, а само бытие как нечто *Другое* по отношению к нему, обуславливая тем самым антагонистические между ними взаимоотношения, в которых

события предопределяются оценочными представлениями, исходя из капиталистического понимания времени, которое становится экспликацией глубинного страха смерти перед бытием как таковым. Представления человека о собственном «я» в качестве кристально чистой идеализированной конструкции, символизирующей всю его сознательную деятельность, не соотносятся с временностью его реального существования, в которой подлинность его самоопределения не исчерпывается рационально сформированным исходя из неё тождественно запечатлённым образом о самом себе, сквозь призму которого выстраивается в унифицированном порядке весь многогранный процесс его индивидуации. В этом плане Хайдеггер критически переосмысливает и преодолевает позицию своего учителя Э. Гуссерля, согласно которому «*сознание – это абсолютное, в котором конституируется всё трансцендентное, т. е. в конечном счёте конституируется весь психофизический мир*» [9, с. 168].

Согласно Хайдеггеру, сознание конституируется через разомкнутое переживание человеком собственного бытия в нетождественной форме события, в котором и исходя из которого проявляется онтологическое условие его уникальности на всех уровнях существования в качестве бесконечно размыкаемой экзистенции, формирующейся и преобразующейся в предельно непредметном основании мгновенной непрерывности становления себя как усреднённой однократности в форме *Dasein*. Нивелированное в экзистенциале *das Man* время в форме капитала подвергает забвению собственное *вот-бытие* человека таким образом, что он сам редуцируется до неподлинного состояния в процессе формирования исчислимого в отношении самого себя представления, в рамках которого он уже символически перестаёт быть самодостаточным в выборе уникального способа бытия-в-мире, тем самым обрекая себя на добровольное забвение. Обнаружение человеком себя в горизонте идеально сконструированного времени, которое можно ухватить, при-

умножив его в форме капитала, приводит его в несоразмерное вот-бытию состояние, через элиминацию временной самоактуализации, лишённой уникальности своего неповторимого воплощения. Образ времени, пронизанный идеей капитала, иллюстрирует гомогенную структуру организации общечеловеческих взаимоотношений, построенных на страхе перед выбором собственного самоопределения, которое реализуется посредством волевого решения, олицетворяющего вступление в безвозвратно неопределённое будущее. И именно в этом вступлении скрывается и приоткрывается во всей своей наготе предсмертное будущее в драматически напряжённой форме его преломления в единственности освящающего решением события, которое настоятельно приобщает человека к стражничеству собственно выбираемой им судьбы посредством упразднения тождественно сконструированного о самом себе идеально приумножаемого образа в форме отсроченного в небытие капитала, влекущего каждого, соблазнённого его иллюзорными ликами вечности, к преждевременно самозабвенному погружению в *Ничто*. Таким образом, полнота конечного бытия человека обретается в предельно переживаемой скоротечности его неминуемой мгновенности в способе актуализации им собственного бытия как события в форме вот-бытия. Поэтому, как утверждает Ж. Делёз, «когда время уходит и уносит с собой мгновение, всегда остаётся межвременье, чтобы привести за собой событие» [10, с. 202].

Событие как фундамент экзистенциального осмысления человеческого бытия

Отталкиваясь от неклассического понимания сущности человека в качестве образа и подобия всемогущественного Бытия, Хайдеггер акцентирует внимание на его бессознательной природе, априорно встроенной во всю оживотворённую функциональность всех его безграничных проявлений. Уникальная способность

проникновения человека в бытие реализуется через определение им себя в качестве событийности вот-бытия как на сознательном, так и на бессознательном уровнях, учитывая также его внутриутробное состояние. Ранний период творческой мысли Хайдеггера в отличие от её поздней трансформации состоит в том, что временность человеческого бытия указывает на его собственные границы, минуя тем самым полифоничность самого бытия в его бесконечной целостности. Таким образом, Хайдеггер в своей фундаментальной работе «К философии (О событии)» (1936–1938 гг.) обращает внимание на различие *Бытия* (Sein) и его безмерного и неисчислимого содержания в форме *События* (Ereignis), через безгранично множественную сущность которого бытие обозначается им как «бытие» (Seyn), что «должно указывать на то, что бытие здесь мыслится уже не метафизически», а событийно [5, с. 535]. В свою очередь, способом, каким проявляет себя бытие, является процесс, который Хайдеггер обозначает как «*существование*», в качестве вхождения в событие, которое «сбывается (es sich ereignet) в ему принадлежащем» инобытию себя самого как «*бытийствование*» (wesen) или как «*опыт*» («*Erfahrung*»)» для того, «чтобы в нём стоять (stehen) и его выстаивать (ausstehen), что происходит как вот-бытие и его основывание» [5, с. 365, 366]. Возникновение языка, благодаря которому образуется человеческое сознание, происходит, согласно Хайдеггеру, из самого бытия, через которое оно приобщается подлинным для себя образом к многогранной вечности всех отражающихся в нём мгновений, будучи принадлежащей человеку экзистенциальной вспышки их осмысления, а значит, и самого себя как зеркала, впитывающего и усваивающего весь их оживотворяющий потенциал. Дополняя идеи Эмпедокла, согласно которому жизнь и смерть есть лишь разные проявления вечности, Хайдеггер через осмысление бытия посредством вот-бытия как бытия эту вечность и обосновывает в самом человеке, представляя его в качестве стража и хранителя событийно

архивированных в его сознании рядов, пути развёртывания которых определяются решением самого человека через углублённое их постижение. Иными словами, в событийном проявлении бытия проявляет себя сам человек в результате того, что он им преисполняется настолько, насколько его сознание совпадает с осмысленным переживанием каждого приходящего в его существовании мгновения, соизмеримого с неповторимым озарением непрекращающегося свершения движущей силы созидания и преобразования уникального в своей сущности универсума.

Событийная архитектура бытия характеризуется абсолютной открытостью, а не замкнутостью, и поэтому в качестве оживотворённого аттрактора целостно олицетворяет собой «временящее вмещение» [5, с. 123], которое как «бытие есть *самоскрытие*» » [5, с. 227], и которое «сутствует как *событие вот-основывания* (Ereignis der Daggründung)» [5, с. 238] в качестве места «мгновения Где-либо и Когда-либо» [5, с. 303]. В этом смысле проект фундаментальной онтологии Хайдеггера характеризуется постметафизической спецификой, отсутствием субстанционального содержания в результате заключённой в нём самом динамической деструкции, которая, согласно его мысли, «подразумевает не разборку как уничтожение, а *расчистку* в направлении освобождения метафизических основопозиций», посредством которой преодолеваются трансцендентальные рамки восприятия бытия как статичной идеально выстроенной в представлении человека конструкции, которую можно в качестве капитала использовать для отгораживания от нетождественного через события осмысления собственного забвения в целях бесперспективной элиминации глубинного страха смерти [5, с. 285]. Соприкосновение человека с бытием происходит исключительно через ничем необусловленный поток событий, которые и служат ему в качестве условия возможности обретения всякого опытного знания, а также формирования на их основе сознания как такового с многочисленным

набором приобретённых им образных представлений, в каждом из которых символически отпечатлевается вменённое им смысловое значение. Вот почему, как замечает российский философ В. А. Подорога, для человека «событие открывается в своём неустанном ускользании, в историческом коварстве своей *антисимволической функции*» в силу неконтролируемых им процессов чередования открытия и сокрытия сущности свойственных любому событию как разомкнутому проявлению бытия в его сингулярной целостности [11, с. 375].

Не символизируемая сущность безличного события предполагает, согласно Хайдеггеру, имплицитно всеохватывающую поглощённость человека бытием в его априорно неопределённых возможностях самоопределения, которое достигается только через экзистенциальное к нему приобщение и дальнейшее его соответствующим образом постижение как фундамент свободного благоприобретения. В этом смысле обосновываемая Хайдеггером первостепенная значимость бытия утверждается им через трансформацию его сущностного определения человеком в идеальной форме капитала, в которой он усматривает свою основополагающую опору для предельного свершения, калькулированного к нему и к себе отношения, приводящего его к необратимому, таким образом, забвению. Человеческая экзистенция, перегруженная метафизической предопределённостью капиталистического миропонимания, выражается через сформированный Хайдеггером проект её переосмысления и преобразования в качестве *просвета бытия*, где проявлением открытости событиям является «*свободное смелости созидания*» [5, с. 410] как «*Многократно-Единое*» [5, с. 415], в котором высвечивает редчайшая «*единственность вот-бытия*» [5, с. 459] как «то *междупространствие* (Zwischen) *междувременности* (Inzwischenchaft)» [5, с. 593], обращённое в неискоренимый источник безграничного самоопределения, проявляющего себя как «*необходимость*

без-донного» [5, с. 458]. Вот-бытие как единственно бездонное в своей сущности проявление событийной природы бытия открывается человеку в приобщении им к тому, чтобы быть самим собой в безусловном и безоценочном восприятии себя как его неотъемлемо освещающей части, через которую оно само оказывается самодовлеющим свидетельством преисполненного свободой существования. Именно поэтому, согласно Ж.-П. Сартру, «свобода не есть *какое-то* бытие, она есть бытие человека, то есть его ничто бытия» [12, с. 663], в силу чего он не просто свободен, а «смертельно свободен» [12, с. 811].

Ни к чему не сводимая кроме самой себя свобода человека является олицетворением зова бытия через каждое его проявление в форме события как нового начала, в котором обнаруживается их соразмерная друг другу единственность в качестве топологической экспликации проективной индетерминации всевозможных имплицитных трансформаций, в совокупности представляющих жизнеутверждающие процессы созидательной природы бытия. Однако свобода не является проявлением как трансцендентальной (априорной), так и трансцендентной природы человека, поскольку, согласно Хайдеггеру, наоборот, её трансцендентное и трансцендентальное измерение состоит в степени проникновенности в каждое присущее бытию событие, которое для того, чтобы быть, должно сбыться, а значит, тем самым показать всю заключённую в нём неограниченность, основанную на самозабвенной способности «со-основывать вот-бытие в подлинности самобытия» т. е., быть в смещённом по отношению к самому себе состоянии, и таким образом пребывать в проникновенном приобщении к безграничности собственной самости [5, с. 360]. Возможность для подлинного обретения человеком собственной самости представляется, согласно Хайдеггеру, не иначе как в результате деструкции метафизического о бытии представления как статичного образа сущего в качестве его восприятия и осмысления как события, в котором про-

стейшее как ничтожное является наиболее глубинным и ценнейшим в плане своей редчайшей и неповторимой уникальности, а значит, и наиболее достойным источником вопрошания о смысле своего существования. Подтверждением автономной суверенности человеческой природы является имманентное ему проявление себя в форме вот-бытия в качестве неотчуждаемого источника свободной самоактуализации в ничем неограниченном процессе индивидуации, который конституирует экзистенциальное постижение бытия не как тотально переживаемое одиночество в мире, а как дар, с помощью которого человек становится основателем и хранителем основополагающих своё собственное существование событий, которые в своей бесконечной многогранности представляют собой, по мысли Хайдеггера, «начало последнего Бога» [5, с. 85–86].

В понимание природы бытия как «последнего Бога» Хайдеггер вкладывает бесконечно всепроникающую событийную вечность, и именно поэтому бытие осмысляется им как бытие, которое в своей универсальной открытости утверждается в качестве основополагающего источника истины, раскрытие которой происходит через созидательное постижение человеком собственной самости как зеркала самого бытия, в мгновенном отражении которого происходит его просветляющее свободой одаривание через полноценное принятие себя в каждой встрече с самим собой в любых условиях своего существования. Поэтому единственно истинным смыслом существования человека в бытии является его приближение к нему самому в качестве событийно разворачивающейся стихии, открывающей просторные дали неизбывной бездонности вот-бытия, благодаря которому время «о-сваивается (er-eignet ist) самим бытием, существующим именно как событие» [5, с. 47]. Таким образом, бытие, согласно Хайдеггеру, является для человека домом, а он для него – «пустухом», именно тогда, когда он самостоятельно преодолевает состояние бездонности своего собственного существования

через нивелирование капиталистического миропонимания, которое как «потерянность в сущем переживается как способность превращать “жизнь” в исчислимый круговорот пустого вращения вокруг себя и сделать это умение правдоподобным как “близость к жизни”» [5, с. 606], о которой остаются лишь воспоминания в качестве некогда напрасно утраченного времени.

Заключение

Концепция фундаментальной онтологии М. Хайдеггера в более позднем периоде его философского творчества осмысливается им с позиции понимания бытия как множества неисчислимо взаимообусловленных между собой событийных свершений, образующих представление о человеке как зеркале всех происходящих в нём процессов осуществления безграничного многообразия его уникально неповторимой экзистенции. Единственной формой осмысления человеком бытия, согласно Хайдеггеру, является событие, определяемое им как вот-бытие, или *Dasein*. Отсюда и концептуально неклассическое осмысление немецким философом классического определения бытия как *Sein*, которое из метафизического представления трансформируется в *Sein*, в качестве уже бытия, которое и является квинтэссенцией всевозможных нетождественных друг другу событийных свершений, которые, не переставая свершаться, олицетворяют собой вечность бытия как такового. Фундаментальным способом осмысления каждого происходящего в процессе существования человека события является вот-бытие, на основании которого и осуществляются все многообразие, широта и глубина смысла экзистенциального анализа, подверженного обесцениванию бытия через его капиталистическое восприятие в форме постава. Оригинально осмысленное Хайдеггером понимание бытия как события в различных формах вот-бытия позволяет разрешить кризисное состояние оказавшегося во власти капиталистического миропонимания человека в результате

его глубинного страха перед временем, которое обнажает ему его самого во всех очертаниях собственной смертности, с которой он способен умиротворённым образом примириться не иначе, чем осознав себя самого как творца и хранителя всех происходящих с ним событий в качестве уникально неповторимых источников обеспечения и приращения ответственного к бытию отношения, в результате которого их оживотворённое единство оказывается смыслообразующим принципом преодоления бессмысленного блуждания в тенях неаутентичного, в различных образах обесценивающего самоопределения.

Экспликация бытия через экзистенциальное постижение феномена человека свидетельствует о его безгранично открытом для него проявлении, и таким образом о его неискоренимом желании быть свободным в результате волевой решимости к событийному самоопределению, что, в свою очередь, демонстрирует процесс их единосущного становления как обоюдного взаимопроникновения, преисполненного просветом самосокращения, рождающего аутентично обретаемую самость в её неоднозначно многомерном измерении. Сакраментальное отношение человека ко времени как к капиталистически исчислимому проекту связано прежде всего с глубинным непониманием природы существования бытия и прежде всего укоренённого в нём феномена смерти, который является предельным основанием свершения всевозможных событий, являющихся, в свою очередь, структурообразующими элементами нетождественного функционирования в пространстве и времени всего оживотворённого в качестве фундаментального источника обеспечения вечного существования бытия. Поэтому быть подлинным, согласно Хайдеггеру, означает быть нетождественным по отношению к самому себе, а значит, быть в высшей степени неповторимым проявлением бытия в его неисчерпаемо уникальных событийных свершениях. Таким образом, основополагающим принципом формирования

свободно самоопределяемой самости го переживания всех сбывающихся в нём является волевая решимость человека событий, самобытно запечатлеваемых и полноценно откликаться на зов бытия и осмысленных в неизмеримом измерении через его *существование* в качестве предельно- вот-бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. 3-е изд. СПб.: Наука, 2015. 443 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. В. Михайлова; 3-е изд. М.: Академический проект, 2019. 489 с.
4. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свицкого. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
5. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 2017. 190 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 2018. 288 с.
7. Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. 384 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 925 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
11. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Институт Гайдара, 2020. 640 с.
12. Хайдеггер М. Понятие времени / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2021. 199 с.

REFERENCES

1. Hegel, G. V. F. (2015). *The System of Sciences. Pt. 1. Phenomenology of Spirit*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
2. Hegel, G. V. F. (1975) *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of Nature*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
3. Husserl, E. (2019). *Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One: General Introduction to Pure Phenomenology*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
4. Deleuze, J. (2011). *The Logic of Meaning*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
5. Deleuze, J. (2017). *Marcel Proust and Signs*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
6. Deleuze, J. & Guattari, F. (2018). *What is Philosophy?* St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
7. Podoroga, V. A. (2021). *M. Foucault: Archeology of Modernity*. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation" Publ. (in Russ.).
8. Sartre, J.-P. (2009). *Being and Nothingness. An Experience of Phenomenological Ontology*. Moscow: AST MOSCOW Publ. (in Russ.).
9. Heidegger, M. (2011). *Being and Time*. Moscow: Academic project Publ. (in Russ.).
10. Heidegger, M. (1993). *Time and being: articles and speeches*. Moscow: Republic Publ. (in Russ.).
11. Heidegger, M. (2020). *Towards philosophy (On the event)*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russ.).
12. Heidegger, M. (2021). *The Concept of Time*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент Кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-36-44

SOCIAL FUNCTIONS OF PRACTICE

Ya. Bondareva^{1*}, Yu. Kolesnichenko¹, N. Kargin¹, D. Kostadinovic²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² University of Niš, Niš, The Republic of Serbia

*Corresponding author, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Received by the editorial office 27.02.2025

Revised by the author 10.03.2025

Accepted for publication 08.04.2025

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, the content and functions of practice are disclosed in detail, and the category of “practice” is defined in a modern edition.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using methods of classification and comparative analysis.

Results. The functionality of practice has been identified, which is represented by a number of essential positions, without which not only development, but also the very existence of society is impossible. The presented functions are, of course, organically connected with each other, they complement each other, thereby forming a complex, multi-level system of functions of practice. The functions considered, to one degree or another, encourage us to realize the practical (and praxeological) nature of philosophy, as well as the practical possibilities of the philosophical (general scientific) algorithm of cognition, which, unfortunately, remain underestimated at the present time.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: activity, methodology, science, practice, function

For citation:

Bondareva, Ya. V., Kolesnichenko, Yu. V., Kargin, N. N. & Kostadinovic, D. (2025). Social Functions of Practice. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 36–44. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-36-44>.

Научная статья

УДК 101

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРАКТИКИ

Бондарева Я. В.^{1*}, Колесниченко Ю. В.¹, Каргин Н. Н.¹, Костадинович Д.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Университет в Нише, г. Ниш, Республика Сербия

*Корреспондирующий автор, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.02.2025

После доработки 10.03.2025

Принята к публикации 08.04.2025

© СС ВУ Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Каргин Н. Н., Костадинович Д., 2025.

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально раскрыть содержание и функции практики, дать определение категории «практика» в современной редакции.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Выявлен функционал практики, который представлен рядом существенных позиций, без которых невозможны не только развитие, но и само существование общества. Представленные функции, безусловно, органично связаны друг с другом, они дополняют друг друга, составляя тем самым образую сложную, многоуровневую систему функций практики. Рассмотренные функции в той или иной степени подвигают нас к осознанию практической (и праксиологической) природы философии, а также практических возможностей философского (общенаучного) алгоритма познания, которые на сегодняшний момент, к сожалению, остаются недооценёнными.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: деятельность, методология, наука, практика, функция

Для цитирования:

Social Functions of Practice / Я. В. Бондарева, Ю. В. Колесниченко, Н. Н. Каргин, Д. Костадинович // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 36–44. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-36-44>.

Introduction

Without disclosing the content and functions of practice in this article, it would be impossible to talk about the practical possibilities of philosophy. This study is devoted to clarifying the essence of such a complex phenomenon as practice. The role of practice in the life of an individual and society as a whole cannot be denied. Based on this axiomatic premise, we can assume that practice is one of the most studied and strictly defined phenomena. However, an analysis of the literature shows that the content and essence of practice is interpreted in a variety of ways and very contradictorily. Let us provide illustrations on this account.

Let's start with the simplest thing – practice as an objective physical activity. Here, almost insurmountable problems initially arise related to:

- the idea of implementation as an exclusively material and physical activity;
- positioning, in which practice is not connected with the intellectual and social sphere;
- a position in which many practitioners (analyst, teacher, scientist, politician, economist, mathematician, lawyer, theoretical physicist, philosopher, etc.) are not studied

among representatives of specialties included in the practical field.

It is obvious that the tasks of physical actions, physical change of the world, first of all, are born in people's heads, and only after that are they realized in real life. The practical process cannot be meaningless, unconscious, purely physical. If this were so, humanity would not have emerged from a primitive or animal state.

Content and essence of practice

The definition of practice as a process not connected with theory and knowledge is surprising¹. It follows from this that scientific and theoretical activity is a non-practical sphere. Unfortunately, the authors of other works also insist on the opposition of practice and theory². It is also impossible to agree that practice is an exclusively material activity. We often read: "... practice, i.e. material, sensory-objective activity of people"³.

¹ См.: Новейший философский словарь. Минск: В. М. Скакун, 1998. С. 542–543.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 361.

³ Философия: учебное пособие / под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 470.

As can be seen, here practice is again reduced exclusively to material activity. This point of view is quite widely represented in scientific literature. Some authors speak of practice as a total system of material activity of mankind. In particular, we read: "Practice is a holistic organic system of total material activity of mankind in its entire historical development, always carried out in a certain socio-cultural context"¹.

Often practice is presented not only as a sensory-objective activity, but also as a process of transforming precisely and exclusively material systems. Thus, one can find the following interpretation of practice: "Practice is defined as a person's sensory-objective activity of transforming material systems"².

This approach to practice raises a number of questions: a) why is practice associated only with human activity, since humans are not the only subject of social practice; b) "why is practice aimed at transforming only material systems, since practical activity clearly ensures the transformation of not only material but also spiritual and ideological phenomena" [1].

A large number of researchers consider practice as an activity for the development and transformation of natural and social objects. In particular, this point of view is presented in the following editions: "Practice is a material, sensory-objective, goal-oriented human activity, the content of which is the development and transformation of natural and social objects..."³. We find a similar approach to practice in another source: "Practice is a purposeful, sensory-objective activity of the subject, in the process of which the transformation of natural and social phenomena, objects, connections, and relationships is carried out"⁴. This position regarding the content and essence of practice is shared and replicated by other authors: «Practice is an aspect of objec-

tive activity, characterized by the change and transformation of nature and society»⁵. It is obvious that with such an understanding of practice, the intellectual and spiritual components, the sphere of knowledge, are excluded from it.

This shortcoming is overcome to a certain extent by another position: "Practice (Greek "praktikos" – active) is a material, sensory-objective, purposeful human activity, the main content of which consists in the development and transformation of natural and social objects. Practice is the universal basis, the driving force of the development of human society and knowledge"⁶. More precisely, in our opinion, look the authors who interpret practice as "material, goal-oriented activity of people; development and transformation of objective reality; the universal basis for the development of human society and knowledge"⁷.

Even more precise are those researchers who believe that practice encompasses not only material, but all purposeful, objective activity. This point of view is presented in several sources. In this context, we note: "Practice is a category that can be attributed to the entire sphere of human activity and thinking"⁸.

It should be agreed that practice goes beyond the limits of purely material activity. In our opinion, this is an important breakthrough in understanding the content and essence of practice. We concretize the content and essence of practice in our reasoning about it as soon as we begin to break out of the trap of exclusively material understanding of it, moving towards the integration of both material and social and intellectual elements. We think that this understanding of practice is more justified than the previous ones. However, in modern literature, practice also receives more adequate definitions [2].

¹ Философия: учебное пособие / отв. ред. В. П. Кохановский; 16-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. С. 395.

² Стрельник О. Н. Философия: конспект лекций. М.: Юрайт, 2010. С. 109.

³ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2011. С. 522.

⁴ Философия: учебное пособие / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 350.

⁵ Моисеева Н. А., Сорокикова В. А. Философия: краткий курс; 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2010. С. 155.

⁶ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. С. 499.

⁷ Советский энциклопедический словарь; 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 1052.

⁸ Новейший философский словарь. Минск: В. М. Скакун, 1998. С. 542.

Those authors who define practice by introducing the concept of experience are closer to the truth: "By practice, first of all, we mean the combined activity of mankind, the experience of all mankind in its historical development"¹. "The multifaceted, complex and multi-level nature of practice, which includes various processes, such as empirical life experience and the most rigorous scientific experiment"², is revealed by a number of authors [3].

One must agree with those authors for whom the "close dialectical connection between practice and experience is obvious, which, in turn, forms an environment for understanding practice through experience, and experience through practice. Here experience acts, on the one hand, as the final result of people's practical actions, and on the other, as their basis" [4]. Therefore, we can allow the definition of practice through experience, but this will be acceptable and productive only if we extract the substantive and essential features of the experience itself as strictly as possible. Unfortunately, in scientific literature the category of "experience" is interpreted vaguely and contradictorily, in a multifaceted way. Considering that practice is often defined as experience, a shallow, non-essential understanding of experience leads us to an incorrect understanding of practice.

Thus, one of the sources reveals practice as "experience, the very thing, experience in practice, the thing on experience"³. It is obvious that the interpretation of practice through experience requires a strict definition of the essence of the latter. Let us turn to sources that offer characteristics of experience as a specific phenomenon. In particular: "In philosophy, experience is the basis of all non-conceptual knowledge about reality"⁴.

This interpretation of experience gives rise to objections: there is no reason to assert that

conceptual, that is, scientific knowledge of reality is divorced from experience, moreover, experience underlies the definition of scientific concepts, performs an indicative function in determining their truth. To summarize, experience can be interpreted as a necessary element of practice, which plays a key role in its formation, but at the same time does not fully exhaust its content.

In addition, we will not be able to adequately and fully comprehend the essence of practice without identifying the essence of such a category as "activity". It is not surprising that in modern literature practice is often interpreted through activity. So what is it? Many opinions have been expressed on this matter in scientific literature. Let us pay attention to the most interesting and specific of them.

In particular, O. G. Danilyan writes: "Thus, activity can be defined as a human form of active attitude to the surrounding world, the content of which is its expedient transformation in the interests of people"⁵. And further: "...activity is the essential certainty of a person's way of being in the world, his ability to introduce changes into reality, mediated by the ideal"⁶. The author identifies the following essential features of activity: a) activity is presented as a human form of active attitude to the surrounding world; b) as its expedient transformation in the interests of people; c) as an essential certainty of the way of human existence; d) as the ability of a person to make changes in reality, mediated by his ideal aspirations.

Obviously, the main substantive and essential features of activity are named here. At the same time, the legitimacy of considering activity as exclusively positively directed actions of people raises doubts. In real life, we see both positive and negative components of human activity, humanity.

Unfortunately, an exclusively positively directed understanding of activity can be found in other works: "Activity is a person's attitude to the surrounding world, existing in the form of its transformation and subordination; pur-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1998. С. 523.

² Философия / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 430.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: Н-О. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 310.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 320.

⁵ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. С. 328.

⁶ Там же. С. 353.

purposeful meaningful activity, during which the development of both man and human society occurs”¹. We must agree with the thesis about activity, which always performs (not always, however, to the same degree) the function of transforming the world and is “purposeful meaningful activity of people” [5]. However, let us note that not every human activity entails the subordination of the world to man, and not every activity necessarily leads to the development of man and human society. It is necessary to state the fact that not every activity leads to the development of human society.

An unambiguously optimistic progressive approach to the essence of activity is also professed by other authors: “... activity is a specifically human way of relating to the world, consisting in the creative transformation of nature by man, as well as in the production and reproduction of social relations, the human essence itself”².

Activity, indeed, is precisely the human way of relating to the world, through it social relations are produced and reproduced.

However, even here there are hidden some very controversial judgments, which consist in the fact that: “a) that activity is always a creative process; b) that human activity is a transformation of nature only; c) that any activity produces and reproduces the essence of man” [6, c. 109]. There are also many types of activity that destroy, ruin the human essence.

In most sources, activity is rightly interpreted through the concept of goal-setting, namely, as a set of purposeful, meaningful actions to transform reality. The moment of goal-setting is characteristic exclusively of representatives of the animal world endowed with reason, namely, of humans. Although this does not look like a contemptuous chauvinistic attitude towards the rest of the animal world, it is activity that has nothing to do with it. For example, beavers do not engage in activity, since this set of actions is not meaningful and purposeful. These actions are controlled by instincts, not reason, and that is why it is

necessary to introduce an element into the definition of activity that characterizes it as an “exclusively human” social practice. Sociality is another characteristic of activity.

Thus, progressive activity and regressive activity really exist. The first, indeed, is characterized by the above-mentioned features. The second – only some of them. In other words, if you steadily follow the object of study (in our case, this is activity), then with a high degree of probability you can determine some of its essential features:

- a social phenomenon as a product of social existence;
- a system of human actions;
- actions are conscious and purposeful;
- activity is a source of changes not only in the world of things (nature), but also in the world of ideas (society and consciousness).

Here, in our opinion, the essential features of activity are quite adequately presented. We have specifically highlighted them in order to characterize practice, which is essentially an activity [7].

Let us try to summarize what has been said earlier and positionally present the content and essence of practice as a complex social phenomenon.

1. Practice is the activity of people, social activity, formed in the course of social existence.
2. Practice is always consciously and purposefully consciously carried out by people.
3. Practice (unlike activity as such, which can be both constructive and destructive) is always aimed at progressive changes in human existence.
4. Practice causes changes in nature, in society and in the consciousness of people.
5. In practice, he finds an organic connection between material and spiritual-intellectual activity.

6. On the platform of practice, a positive experience of people’s social life is formed, which, in turn, is both a direct product of practice and the basis for its development.

Thus, practice is a purposeful, conscious material and spiritual activity of people based on social experience, ensuring progressive so-

¹ Гуревич П. С. Основы философии: учебное пособие. М.: КноРус, 2013. С. 345.

² Философия: учебное пособие / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 506.

cial development and performing a number of important functions in the life of society.

Social functions of practice

In some cases, modern scientific literature significantly expands the functional field of practice, defining it as “the source, basis, goal of knowledge and the decisive criterion of truth”¹. We have no doubt that in relation to cognition, practice fully performs these functions.

Recently, one can come across authors who see in practice a certain starting point of cognition, its driving force, the basis of cognition, the criterion of its truth, the ultimate goal of cognition. In many cases, the main function of practice is called its criterion essence in relation to knowledge. However, in no way belittling the role of practice in the system of cognition, we note that its functions as a complex social phenomenon are much deeper and broader. We systematize them, taking as a basis such criteria as the basis of practice, its content, essence and quality, which, to a greater or lesser extent, manifest themselves in a stable form in social life.

1. The production and creative function, the most important, stable and meaningful. Here, practice is interpreted as an activity for the “production of both material and spiritual products” [5].

2. The historical function, defining practice as a carrier of the “historical experience of development of all spheres of society” [5].

3. The epistemological function, bringing practice into the sphere of knowledge, where it plays a special organizational role. Here, practice “has a direct influence on the formation of theoretical, logical, methodological and methodical foundations of people’s activities” [5].

4. The ideological and worldview function, designating practice as a purposeful activity of people. Here, it “directly influences both the process of forming people’s worldviews and the process of constituting their ideological preferences” [5].

5. The goal-setting function (teleological function), representing practice as forming the goals of human life in the process of activity.

6. The organizational function, revealing such aspects of practice as mobilization, unification and coordination of people to achieve certain goals.

7. Information function, where practice is impossible without a certain amount of information and its subsequent increase.

8. Prognostic-heuristic function, introducing practical processes into the sphere of forecasts of the future, without which new conclusions and positions, promising horizons of social development are impossible.

9. Selective function, revealing in practice the side of careful selection of everything positive that can benefit social being.

10. Culturological function, highlighting practice from the point of view of the formation of culture as a kind of result of human activity.

11. Propaganda and agitation function, presenting practice as the most effective “means of propaganda and agitation of people for certain actions” [8].

12. Communicative function reveals practice as a field for uniting various areas of human activity in order to solve challenges and tasks on the agenda.

13. Integration function, where practice integrates people into a certain integrity for a more effective solution to the problem of joint survival.

14. The humanistic function, where practice works to create comfortable conditions for people to coexist. We have already noted that “practice is a progressive human activity that gives them the opportunity to live better, therefore, its essence is to improve the conditions of people’s existence” [8].

15. The function of accumulating people’s experiential activity (experience is described above and its definitions are given).

16. The indicative function, where practice is presented as the main criterion for the truth of knowledge and actions. “It is this that sums up how correctly people have done, are doing, and will do something in the future” [9].

¹ Философия / отв. ред. В. П. Кохановский; 16-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. С. 399.

17. The methodological and methodical functions, which contain and constitute “certain techniques, methods, approaches, methods, methodologies for solving problems of a certain class, and also form and consolidate the rules (methods) for solving them” [9].

Of course, we have not listed all the functions of practice, since this small study aimed to establish the main positions of researchers on the definition of practice as such. Based on the fact that practice is not only multifunctional, but also acquires more and more new functions in the complex process of development of nature, society and consciousness in the dynamics of their development, as well as the development of cognitive, methodological and methodological tools adopted to solve current problems and challenges facing human society.

Conclusion

Thus, the functionality of practice is represented by a number of essential positions, without which not only development, but also the very existence of society is impossible [10]. The listed functions are certainly organically connected with each other; they complement each other, thereby forming a complex, multi-level system of functions of practice. We have outlined them in this article with one important goal – to draw attention to the fact that all these functions, to one degree or another, move us to an awareness of the practical (and praxeological) nature of philosophy, as well as the practical possibilities of the philosophical (general scientific) algorithm of cognition, which, unfortunately, remain underestimated at the present time.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сауров Ю. А., Синенко В. Я. Типичные методологические ошибки при обучении физике // Сибирский учитель. 2017. № 3 (112). С. 32–39.
2. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования Новосибирской области / В. Я. Синенко, И. Л. Беленок, А. Н. Величко, М. Г. Волчек // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28.
3. Архангельская Н. О., Орлова И. И. Философские категории как методологический базис научных исследований // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 16–27.
4. Полицинский Е. В., Похорюков О. Ю., Синенко В. Я. Актуальные проблемы отечественного технического образования и возможные пути их решения // Сибирский учитель. 2021. № 6 (139). С. 5–12.
5. Джалю Я. И., Курабцев В. Л. Практика и её социальные функции // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.). М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 117–123.
6. Майкова В. П. Отчуждённый труд как причина страдания: к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Ежегодная национальная научно-техническая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов Мытищинского филиала МГТУ им. Н. Э. Баумана по итогам научно-исследовательских работ за 2020 г.: сборник тезисов докладов (Мытищи, 1–3 февраля 2021 г.). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2021. С. 198–200.
7. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 106–116.
8. Колесниченко Ю. В., Архангельская Н. О. Неоклассика как этап развития науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 166–175.
9. Ивлев В. Ю., Ивлева М. Л., Иноземцев В. А. Эволюция концепций компьютерной репрезентации знания и эпистемологического содержания искусственного интеллекта // Известия Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ). 2012. Т. 3. № 2 (14). С. 294–298.

10. Development of competitive relations in the Russian market of educational services / E. Yu. Ivinskaya, A. A. Nikitin, A. S. Markovichev, A. Z. Zhafyarov, O. A. Milinis, G. N. Zhukov, V. Yu. Sinenko, I. A. Mavrina // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. № 1. P. 65–69.

REFERENCES

1. Saurov, Yu. A. & Sinenko, V. Ya. (2017). Typical methodological errors in teaching physics. In: *Siberian teacher*, 3 (112), 32–39 (in Russ.).
2. Sinenko, V. Ya., Belenok, I. L., Velichko, A. N. & Volchek, M. G. (2011). The concept of modernization of the system of additional professional pedagogical education of the Novosibirsk region. In: *Siberian teacher*, 4 (77), 22–28 (in Russ.).
3. Arkhangel'skaya, N. O. & Orlova, I. I. (2021). Philosophical categories as a methodological basis for scientific research. In: *Philosophical and methodological problems of the study of Russian society: collection of works of the V International scientific conference (Moscow, November 25, 2022)*. Moscow, Sam Polygraphist Publ., pp. 16–27 (in Russ.).
4. Politsinsky, E. V., Pohorukov, O. Yu. & Sinenko, V. Ya. (2021). Current problems of modern Russian education and possible ways to solve them. In: *Siberian teacher*, 6 (139), 5–12. (in Russ.).
5. Dzhalyu, Ya. I., Kurabtsev, V. L. (2022). Practice and its social functions. In: *Philosophical and methodological problems of the study of Russian society: collected papers of the V International scientific conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Sam Polygraphist Publ., pp. 117–123. (in Russ.).
6. Maikova, V. P. (2021). Alienated labor as a cause of suffering: on the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky. In: *Annual national scientific and technical conference of the faculty, graduate students and students of the Mytishchi branch of Moscow State Technical University named after N. E. Bauman on the results of research work for 2020: collection of abstracts of reports (Mytishchi, Moscow region, February 1–3, 2021)*. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center Publ., pp. 198–200. (in Russ.).
7. Gorbunov, A. S. & Miroshkin, M. S. (2021). Methodological problems of scientific research: on the issue of the functions of science. In: *Philosophical and methodological problems of the study of Russian society: collection of works of the V International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2022)*. Moscow: Sam Polygraphist Publ., pp. 106–116 (in Russ.).
8. Kolesnichenko, Yu. V. & Arkhangel'skaya, N. O. (2022). Neoclassicism as a stage in the development of science. In: *Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the VI International scientific conference (Moscow, November 25, 2022)*. Moscow: Sam Polygraphist Publ., pp. 166–175 (in Russ.).
9. Ivlev, V. Yu., Ivleva, M. L. & Inozemtsev, V. A. (2012). Evolution of concepts of computer representation of knowledge and epistemological content of artificial intelligence. In: *Bulletin of the Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)*, 3, 2 (14), 294–298 (in Russ.).
10. Ivinskaya, E. Yu., Nikitin, A. A., Markovichev, A. S., Zhafyarov, A. Z., Milinis, O. A., Zhukov, G. N., Sinenko, V. Yu. & Mavrina, I. A. (2016). Development of competitive relations in the Russian market of educational services. In: *International Review of Management and Marketing*, 6 (1), 65–69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Yulia V. Kolesnichenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: julikol@yandex.ru

Nikolay N. Kargin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Theory and Methodology of Physical Education and Sports, Federal State University of Education;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com

Danijela D. Kostadinovic (Niš, Serbia) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš;
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Колесниченко Юлия Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: julikol@yandex.ru

Каргин Николай Николаевич (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методики физического воспитания и спорта Государственного университета просвещения;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com

Костадинович Даниэла (г. Ниш, Сербия) – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша;
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Научная статья
УДК 130.2; 168.522
DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-45-57

У ИСТОКОВ ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКИ

Прядко И. П.

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация,
Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru*

Поступила в редакцию 11.09.2024

После доработки 20.12.2024

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Выявить предпосылки и отправные идеи, которые позволили русскому учёному Н. А. Васильеву разработать одну из первых систем логической многозначности – *воображаемую логику*. Обосновать тезис о поэтических идеях казанского мыслителя как об эвристических подсказках, позволивших преодолеть инерцию традиционной логики и приспособить её нуждам и требованиям познания.

Процедура и методы. В основе работы – индуктивное обобщение фактов истории и культуры, сравнительно-исторический метод, общенаучный метод синтеза и анализа, биографический принцип, принцип трансцендентального единства сознания личности.

Результаты. В ходе исследования удалось определить место, занимаемое поэтическим творчеством в становлении логической и социально-философской концепции Н. А. Васильева. Обращение к поэзии позволило обнаружить истоки социальных и логико-философских взглядов Васильева. Символизм, будучи системой поэтического мышления, сформировал идеи, подтолкнувшие Васильева к созданию первой в истории неклассической многозначной системы логического исчисления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделанные в статье выводы позволяют понять истоки логических открытий Н. А. Васильева, уточнить детали его творческой биографии.

Ключевые слова: воображаемая логика, поэтическое творчество, символизм, эвристические подсказки

Для цитирования:

Прядко И. П. У истоков воображаемой логики // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-45-57>.

Original research article

THE ORIGIN OF IMAGINARY LOGIC

I. Pryadko

*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russian Federation,
Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru*

Received by the editorial office 11.09.2024

Revised by the author 20.12.2024

Accepted for publication 27.02.2025

Abstract

Aim. To identify prerequisites and background ideas that allowed the Russian scientist N. A. Vasiliev to develop one of the first systems of classical polysemy known as *imaginary logic* and to justify the poetic ideas of the Kazan thinker as heuristic clues that allowed overcoming the inertia of traditional logic and adapt it to the needs and requirements of cognition.

Methodology. The study is based on the inductive generalization of facts of history and culture, the comparative historical method, general scientific methods of synthesis and analysis, the biographical principle, and the principle of transcendental unity of consciousness of an individual.

Results. The author identified the position of poetic creativity in the formation of N. A. Vasiliev's logical and socio-philosophical concept. The appeal to poetry allowed discovering the origin of social and philosophical views of Vasiliev. Symbolism, being a system of poetic thinking, is behind the ideas that urged Vasiliev to create the first non-classical multivalued numerical system.

Research implications. Conclusions drawn in the article allow understanding the origin of N. A. Vasiliev's discoveries and clarifying his creative biography.

Keywords: imaginary logic, poetic creativity, symbolism, heuristic clues

For citation:

Pryadko, I. (2025). The Origin of Imaginary Logic. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-45-57>.

Введение

Проблема возникновения принципиально новых революционных идей в логике – одна из центральных для истории данной науки. Учитывая социальные корни научного исследования, различные авторы стараются определить, что представляет собой питательная среда, которая способствует вызреванию смелых, ломающих существующие научные парадигмы теорий, что при этом подводит мыслителей-новаторов к их прорывным открытиям.

Ставится задача определить механизм, благодаря которому человек науки, усомнившись в истинности господствующих представлений, совершает радикальный переворот в ней, вооружает последнюю более надёжными, в сравнении с существующими, инструментами поиска истины. Наиболее популярные на этот счёт учения, разработанные такими классиками философии науки, как К. Поппер или И. Лакатос, не всегда дают исчерпывающий ответ на данный вопрос, т. к. в центре их подходов находится коллективный субъект исследовательской деятельности, а не отдельный индивид. Историк науки В. А. Бажанов в данной связи рассуждает об эвристических подсказках, стимули-

рующих творчество отдельных учёных и позволяющих им находить новые подходы, укрепляя собственную уверенность в выполнении поставленных исследовательских задач. Если речь идёт о новаторских открытиях и научных прозрениях Н. А. Васильева – одного из незаурядных логиков начала XX в., создателя первой в истории данной науки неклассической системы исчисления, то можно в качестве примеров эвристических подсказок, послуживших ему толчком к поиску неклассических теорий, привести выводы Ч. Пирса, современные Васильеву психологические учения, логико-философские положения, почерпнутые в трудах И. И. Лапшина, М. И. Владиславлева и А. И. Введенского, выводы представителей немецкой философии: диалектику Гегеля, логику Канта и особенно его последователя В. Круга [1, с. 43–45]. В естествознании же такими подсказками могли быть идеи Ч. Дарвина об эволюции органического мира на основе изменчивости и наследственности¹.

Широта научных, а равно и литературных интересов казанского мыслителя нахо-

¹ Васильев Н. Значение Дарвина в философии. К 100-летию со дня рождения // Камско-волжская речь. 1909. 30 янв.

дит отражение в его дневнике, доступ к которому имеют биографы учёного. Согласно свидетельству В. А. Бажанова, в дневнике содержатся «штудии Рибо и Вундта, ... философские размышления и максимы житейской мудрости, описание исторической литературы, анализ художественных произведений, раздумья над судьбами деятелей науки и политики» [2, с. 73]. Страницы дневника касаются биографий Линкольна, Галилея, Абельяра, Гёте, Пушкина и Данте. Малоизвестным направлением творчества учёного была поэзия. Так, принадлежащий перу Васильева сонет, который будет среди других поэтических произведений рассмотрен в настоящей статье, посвящён Спинозе, модусам его субстанции. Данное стихотворение, как и другие поэтические опыты казанского учёного, ещё не подвергалось детальному анализу историками логики и литературоведами, и это будет сделано впервые в настоящей статье.

Если принимать во внимание не только собственно философско-логическую, наиболее важную часть научного наследия казанского мыслителя, но и его ранние поэтические произведения, то круг эвристических подсказок, о которых речь шла выше, придётся расширить. Это несомненно привлечёт внимание к значимым для истории логики фактам биографии героя настоящей статьи, позволит оценить глубину, сложность, а порой и неоднозначность его историософской, логической и логико-философской концепции. Биограф казанского учёного Бажанов исходит из убеждения, что на мысль о существовании логики, отличающейся от классической, Васильева навели в том числе и образцы поэтического символизма¹ [3, с. 221–224], ведь казанский логик не только был знаком с поэтикой Серебряного века, но и сам создавал в стихах своих образный ряд, который отвечал ключевым моментам символизма как направления поэзии и как специфической философии культуры конца XIX – начала XX вв. [4, с. 377–383].

¹ Иванова Е. В. Серебряный век // Словарь течений литературы XX в.: в 2 т. Т. 2. М.: Река времён, 2023. С. 339–341.

Поэтический строй юношеских стихотворений мыслителя был вполне *символистским*, отвечающим установкам данного направления поэзии Серебряного века.

К тому же для Васильева художественные интуиции его ранних поэтических творений, не всегда совершенных по форме, были отправной точкой научного поиска – в психологии, в историософии (Васильев известен как автор работы по истории позднеантичного Рима [5]), в социальных науках. Но прежде всего в той области, которая связана с обнаружением эффективных методов познания *сущего* – в неклассической силлогистике, называемой Васильевым *воображаемой логикой*. Во всех проявлениях многогранного таланта Николай Александрович стремился осуществить синтез рационального и интуитивного, отвлечённой метафизики и эмпирико-научного подхода. А такой синтез роднит ранние опыты учёного с другими примерами философски ориентированной поэзии Серебряного века и – как мы покажем ниже – с концепциями европейских философов и логиков более ранних эпох.

Структура, источники и задачи работы

Будучи ограничен форматом статьи, автор остановится на умозрительных интуициях, которые в конечном итоге повлияли на формирование логико-философских взглядов казанского учёного. Для этого автор счёл необходимым обратиться к поэтическому творчеству Васильева. Задачи выявления теоретико-философских предпосылок логических открытий Николая Александровича определили структуру настоящей работы. В первой её части анализируются некоторые элементы поэтического творчества Н. А. Васильева в целом, даётся его общая характеристика.

Во второй части разобраны конкретные примеры – стихотворения, в которых находят отражение философские интуиции казанского мыслителя. Автору этих строк представляется, что сонет Васильева о Спинозе, разбор которого будет представлен ниже, есть изображение действитель-

ности в свете вневременности и всепротянутости субстанции, объемлющей мир и всё то, что выражается через её, т. е. субстанции, модусы. Об этой субстанции рассуждал Спиноза, а философские интуиции нидерландского мыслителя развивали его последователи. Метафизика Спинозы созвучна логическому подходу Васильева: ведь включающая разные противоречащие атрибуты субстанция – объект, о котором можно рассуждать в терминах воображаемой логики, дающей нам возможность мыслить и вычлещать противоречие.

Работа опирается на выводы таких историков науки XX–XXI вв., как В. А. Бажанов, Б. В. Бирюков, В. Н. Тростников, В. А. Калининков и ряд других.

В настоящем исследовании автором решаются следующие задачи:

1. Определить, какие мотивы в поэтическом творчестве Н. А. Васильева выступают в качестве основных.

2. Выяснить, в какой связи находятся философские идеи, вдохновившие Васильева на создание его стихов, с одной стороны, и появившаяся в дальнейшем система логической неклассичности, названная мыслителем *воображаемой логикой*, – с другой.

3. Поставить вопрос о соотношении литературных образов Васильева с системой поэтических представлений, свойственных современному казанскому учёному художнику слова.

Материалы, методы и принципы изучения

В настоящем разделе обозначим материалы, на которые ссылается работа, перечислим применяемые методы и принципы изучения. В центре нашего исследования находится поэтическое наследие отечественного логика. При жизни учёного свет увидел единственный сборник стихотворений «Тоска по вечности»¹. Из работ биографа Васильева мы узнаём о неопубликованных переводах поэтических произведений западных и античных авторов. К перечислен-

ным публикациям мы должны добавить выполненные Н. А. Васильевым переводы стихотворений Э. Верхарна и Ч. Суинберна. Данные переводы вышли отдельными изданиями соответственно в 1907 и в 1909 гг. и сопровождались предисловиями, написанными самим Николаем Александровичем². В этих предисловиях Васильев проявил себя не только как тонкий знаток поэзии, но и как исследователь политических реалий, определивших содержание и направленность текстов переводимых поэтов. Здесь также проявился талант Васильева как теоретика литературы, наделённого незаурядным эстетическим вкусом и историософской проницательностью.

Автор настоящей статьи убеждён, что литературное и в первую очередь поэтическое творчество казанского мыслителя, предшествовавшее научному поиску, даёт возможность понять мотивы его деятельности как исследователя в области логики и методологии науки. Корпус васильевских стихотворений и переводов позволяет определить исходные принципы научного поиска.

В статье нашёл применение биографический метод анализа и интерпретации творчества изучаемого мыслителя, который автор настоящей статьи сочетает с методом трансцендентального единства самосознания.

Первый названный метод – *биографический* – позволяет пролить свет на выбор тем, связать сюжеты литературных произведений с фактами биографии художника и исследователя. Изучая биографию учёного (и Н. А. Васильев здесь не исключение), необходимо исходить из мысли о единстве его работ и обстоятельств жизни. Трансцендентальный метод, в свою очередь, даёт возможность рассматривать творчество философа, логика-новатора как целостный феномен. Органическая целостность мирозерцания Васильева давала о себе знать во все периоды его жизни при поэтапном и глубоком философском и идейно-политическом эволюционирова-

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. 156 с.

² Верхарн Э. Обезумевшие деревни. Казань: Изд. Казанского комитета помощи голодающим, 1907. 95 с.; Свинберн Ч. Переводы из Ч. О. Свинберна // Творчество. Казань: Тип. И. Перова, 1909. С. 121–148.

нии мыслителя. Объединяя два указанных подхода, мы сможем определить, как соотносятся идеи Васильева и те философемы, которые были популярны в интеллектуальном пространстве российской науки в начале XX в. К числу таких философем мы отнесём концепцию *causa sui* Спинозы, его учение о единстве противоположных начал, диалектику Гегеля, *музыку сфер* Пифагора и некоторые другие концепции [6, с. 289–303].

Оба используемых нами метода служат пониманию творчества Васильева, для чего и предпринимается исследование мировоззрения казанского учёного. Обсуждаемые нами принципы познания литературно-художественного наследия уже использовались историками философии, в частности Л. А. Калининковым в целях анализа кантианских мотивов в одной из баллад В. Брюсова. Биографический метод преобладает в исследовании В. А. Бажанова. Продуктивность совмещения этих подходов будет проверена на материале поэзии Н. А. Васильева.

Характер поэтического творчества Васильева: поэзия как форма постижения сущего

Определим тематическую область, к которой мы могли бы отнести литературные опыты казанского учёного. Его стихотворения – философские, поскольку направлены на осмысление мира, или лучше сказать – миров, определение их свойств, их сущностных аспектов. Исторические события – античная история, Французская революция, современность – в рифмованных Васильевым строках раскрываются в аспекте вечных проблем, стоящих перед человеком и обществом, как вехи движения к идеалу и единству.

Оговоримся, что поэтическое творчество Васильева, ставшее объектом изучения в настоящей работе, не является той сферой, в которой казанский мыслитель достиг значительного успеха. Сам корпус поэтических сочинений казанского логика вряд ли заинтересует историка отечествен-

ной литературы Серебряного века, теоретика литературы или литературного критика. Литературные опыты Васильева – факт его индивидуальной биографии, они интересны только потому, что это стихи новатора-логика, незаурядного создателя системы логической многозначности. Мысль в васильевских стихотворениях превалирует над словом, содержание – над формой. Видно, что внутренний смысл для автора важнее порядка изложения. Отсюда, быть может, и проистекают стилистические огрехи, которые отчасти нивелируются высоким уровнем искренности.

И действительно, стихотворения Васильева разнообразны по стилю, тематике и особенностям изложения материала. Да и по качеству, полноте и поэтической точности выражения они не равноценны. Небольшое количество стихов, вошедших в сборник «Тоска по вечности», наполнены мыслительными отсылками и реминисценциями, связанными с историко-философскими сюжетами. Нередко в своих поэтических опытах Васильев отталкивается от частных фактов биографии мыслителей прошлого и исторических деятелей, от формулируемых ими подходов и концептуальных схем.

Характерным для поэтических опытов Васильева представляется упомянутый во введении нашей статьи сонет «Спиноза», в котором исторический момент рассмотрен с трёх ракурсов. Во-первых, большой торговый город Амстердам, живущий внешней жизнью и незамечающий существования уединённого мыслителя. Во-вторых, тихая охота пауков, расставивших сети в углу мастерской Спинозы. И в-третьих, мир идей великого рационалиста, работа, которая происходит в сознании учёного и философа. Но и мастерская, и паук в углу мастерской – это уровни реальности мира, обыденность, за пределы которой устремлена мысль учёного:

Весь Амстердам кипит весельем и наживой
Движенье, говор, шум и пряностей тюки
На чердаке Спиноза делает очки
И Бога создаёт душой неторопливой.

В минуту страшную непрошенной тоски
Он смотрит с радостью внезапной и игривой,
Как, сеть в углу соткав работой терпеливой,
Охотятся на мух большие пауки¹.

Во второй части сонета мыслитель говорит о соотношении мира отвлечённых начал, в который погружено сознание амстердамского мыслителя, «пленительного» мира Субстанции (т. е. Бога) и контрастирующей ему прозы повседневной жизни:

То Бога модусы друг друга истребляют,
И тают в вечности, как пена у реки,
А мысли мудреца пленительно порхают,
От мух и пауков, от жизни далеки
Необходимости властительные звенья
Царят над миром страсти, власти и стремленья².

При этом даже низменное и обыденное становится отправной точкой для творческих озарений метафизика. Какой же из миров реальный, а какой эфемерный (воображаемый)? Вопрос, на который мы не находим ответа в сонете Васильева. Вместо этого мы отмечаем, что учёный затрагивает устойчивую традицию отвлечённой мысли Возрождения и Нового времени. Так, преодоление различия и противоречия имеет место в метафизическом учении Н. Кузанского, в фрагментах книг Джордано Бруно (напр., «О тройном, наименьшем и мере», «О причине, начале и Едином»). В данных фрагментах итальянский учёный рассуждает о Едином, в котором происходит соединение противоположных начал. Все эти учения, предвосхитившие отдельные философские интуиции Спинозы, можно отнести к источникам воображаемой логики, созданной казанским мыслителем в XX в. Так, в работе «Об учёном незнании» богослов из Куз подчёркивает единство равенства и неравенства, тождества и различия. Изначальна и первична связь разрозненных элементов, единство их и единственность. Но связью, точнее, её причиной

выступает различие, значит различие уже заложено в единстве.

Об этом же единстве говорит и сам Спиноза, определяя Бога-субстанцию как общую причину всех разнородных вещей [7, с. 61–62]. А главное, из-за протяжённости данной Субстанции мы в ней не встречаем резких граней, всюду перед нами переходы, причём число этих переходов бесконечно. Субстанция всеохватна и вбирает в себя противоположные свойства.

Такое единение нетождественных друг другу свойств, характеристик предметов получает развитие в позднейших системах. Выводы же Спинозы в числе других философских подсказок были, видимо, учтены Н. А. Васильевым при создании его логико-философского учения. Как и в логике Васильева – в предлагаемой им классификации суждений присутствует трёхкачественность, – так и в философских учениях, предшествовавших умозрительным парадигмам Нового времени, присутствует представление о троичности некоторого первоначального единства. В упомянутой выше книге «Об учёном незнании» Кузанец обращается к истокам философии, отмечая при этом: «Пифагор ... говорил, что единство (почитаемое как тождество. – И. П.) троично» [8, с. 58]. И далее Николай из Куз вспоминает пифагорейское учение о предвечной единице (единстве) как причине связи, о двоице – причине разделения [8, с. 59] и связи самой по себе – третьей компоненте, порождённой разделением и одновременно стремлением восстановить разрушенную целостность. «Это, – подчёркивает Николай Кузанский, – и есть то триединство, поклоняться которому учил Пифагор» [8, с. 59]. А возобновление-возрождение досократической мудрости, которая выбиралась как наиболее ценная в наследии древних, происходит как раз у представителей рационализма. Яркий образ одного из них создал в своём стихотворении Н. А. Васильев. Идея, что рациональная мысль может выражать противоречащие вещи зараз, видимо, обратила на себя внимание Николая Александровича уже в тот период, когда

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 136.

² Там же.

идея реформы классической логики у него только вызревала. Ярким свидетельством этого выступает приведённое выше стихотворение.

В этом *историко-философском* стихотворении Васильева также просматривается то, что историки поэзии Серебряного века определяют как специфический тип метафизического дуализма [9, с. 257], свойственный произведениям многих лириков-символистов. Данный дуализм трактуется как отделение видимых нами явлений (в сонете – это бытовые подробности жизни Спинозы) от некоторой высшей духовной реальности, проявляющейся в нашем мире в виде едва уловимых потусторонних смыслов.

Таким образом, идеи, которые передаёт в своём научном и поэтическом творчестве Васильев, имеют длительную предысторию и уходят корнями как в европейскую философию Нового времени, так и в более раннюю традицию античного и средневекового любомудрия.

Научное наследие как импринтинг. Ещё о философских предшественниках Н. А. Васильева

Попытаемся определить, в чём состоял смысл обращения казанского логика к античным и средневековым сюжетам. Следует предполагать, что цель Васильева, в ту пору ещё молодого поэта, как в разбираемых в настоящей статье стихах, так и в некоторых других произведениях цикла «Тоска по вечности» – запечатлеть универсальный эффект научного познания, где на выходе всё многообразие умопостигаемого и материального сосредотачивается в единстве всего – всеединстве. По меткому выражению И. И. Лапшина, «ум математика, историка, натуралиста в процессе творчества радостно предвосхищает ту конечную формулу, в которой должно сосредоточиться познание всего бесконечного многообразия мира» [10, с. 51–52]. У казанского исследователя такие предвосхищения находили отражение в его поэзии, литературной критике, научной публицистике, в исторических трудах, пред-

шествовавших его открытиям в области логики. Можно в известном смысле солидаризироваться с выводами В. А. Бажанова, что философские идеи прошлого (Валентин Александрович здесь упоминает главным образом логические идеи Ч. Пирса) явились своего рода *импринтингом*, впоследствии облегчившим рождение идей воображаемой логики [11]. Таким импринтингом, по убеждению автора настоящей статьи, стали элементы философского учения Спинозы, Платона, Пифагора, Аристотеля, показанные средствами поэзии, а затем нашедшие детальную и вполне научную проработку в логических статьях учёного из Казани. Не менее значимы для Васильева мысли о социальных противоречиях, средокрестием которых был индустриальный город и вообще – уклад индустриального общества. Данный уклад, как это будет показано ниже, казанский поэт оценивал критически.

Символизм и музыкальная стихия

В качестве одной из интуиций символизма, которая характерна и для творчества Н. А. Васильева, выступает идея музыкальности мира. Согласно убеждению ряда символистов, основа мира сверхрациональна, *до-логосна* и может быть выражена не через слово, а через музыкальные созвучия. Критерием принятия или неприятия явления выступает его – этого явления – музыкальность.

Тема музыки мира, невыразимой словами, нередко возникает и у Васильева, о чём свидетельствуют фрагменты стихотворений, приводимые В. А. Бажановым в написанной им биографии казанского логика.

Взгляды, выраженные в стихах Васильева, созвучны содержанию произведений поэтов и философов Серебряного века. Так и для Блока музыка есть воспринимаемое органами слуха проявление сущностных характеристик окружающего мира, принцип, определяющий характер всего мироустройства, порядок и ритм, лежащий в основе происходящих в мире изменений. Этот ритм, эти *шаги* слышал В. В. Розанов, называвший мир *шести-*

ем¹. А ещё раньше о грандиозной симфонии музыкальных сфер рассуждали античные мыслители. Музыка есть объективный закон, лежащий в основании Вселенной. Аналогично и Васильев через постижение музыкальной гармонии, через погружение в ритм приходит к мысли о необходимости определить рациональные основы мира, найти принципы, раскрывающие законы бытия. Ключом к познанию позже и станет *воображаемая логика*. Приведём музыкальные фрагменты стихотворений Васильева:

И философия стремится
Мир, как симфонию познать,
В его гармонию излиться,
Его andante разгадать.

Томясь по вечности нетленной,
Стремясь к волнующей звезде,
Ищу я музыку Вселенной...

В безумном переплётё нитей,
Предвечных нитей бытия,
Во всей превратности событий
Слышна мне музыка... Но чья?²

В. А. Бажанов усматривает в этом соответствии православной установке видеть мир как симфонию, а в музыке – согласие и гармонию мира. Но более ясно, *определённое* об этой интуиции рассуждает в дневниках Блок: «Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растёт в упругих ритмах. Рост задерживается, чтобы потом “хлынуть”. Таков закон всякой органической жизни на земле – и жизни человека и человечества. Волевые напоры. Рост мира и есть культура. Культура есть музыкальный ритм»³.

Далее, требование слушать и подчиняться музыке у Блока получает ясно различимое социальное наполнение. Поэт пытался разгадать природу стихий, раз-

буженных Революцией. В 1917 г. он всей душой поддержал Октябрь. Васильев же (и это следует из его писем) так же приветствовал приход к власти большевиков. «Музыкальные» фрагменты стихов Н. А. Васильева отчётливо коррелируют с блоковским призывом слушать музыку Революции, со стремлением увидеть, угадать будущую гармонию сквозь порывы февральской выюги и пение революционного патруля (поэма «Двенадцать»). Рассматривая поэтическое творчество как отражение глубинных политико-социальных сдвигов десятилетий *войн и революций*, можно и в этом провести определённую параллель между творчеством Николая Александровича, его позицией по политическим вопросам, составлявшим злобу того неспокойного революционного *дневи*, и взглядами крупных символистов начала XX столетия. Так, в стихотворениях, помещённых в сборник 1902 г., казанский философ беспощадно критикует различные стороны буржуазного общества, показывает его антигуманные черты, а в своей антиковедческой работе, в Послесловии к ней, выражает мечту о будущей мировой гармонии и цитирует при этом стихотворение А. Теннисона [5, с. 237].

Многие символисты были убеждены, что именно в Революции разрозненные порывы XIX столетия обретают целостность и единство, а именно о таком единстве, единении – не только в обществе, но и в природе – рассуждал в стихах казанский мыслитель. В сборнике «Тоска по вечности» Васильев показывает общество современного ему капитализма как общество рабства, дисгармонии и отчуждения. И ему созвучен другой символист – упоминавшийся выше Блок. Цитируя швейцарского социального мыслителя Гонеггера, классик русского символизма усматривает не только антигуманизм, но и антихудожественность в тех социальных отношениях, которые утвердились в цивилизованном мире его времени. В стихах же Васильева, его поэтических описаниях бездушного города прослеживается мысль о враждебном человеку характере того уклада, вершиной

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. СПб: Азбука-Аттикус, 2024. С. 320.

² Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 1.

³ Блок А. Дневник А. Блока. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 155.

которого и выступает индустриальный мегаполис. Вызов этому укладу бросает революция. Здесь Васильев развивает тему *города-спрута, города-монстра*, где, по словам Брюсова, господствует «бесстыдный стиль модерн». Ведь и Брюсов отдал дань *городской* теме («Я знал тебя, Москва...», «Городу»), а к бельгийскому поэту Верхарну восходят проклятья русских и западноевропейских символистов в отношении побуждавшего в тот период урбанизма и индустриального уклада. Вот касающийся данной темы отрывок из поэмы Н. А. «Рабство», посвящённый отцу учёного – математику А. В. Васильеву:

Точно всадник гигантский, с горящим султаном
Из пылающих искор, во мраке ночном,
Громоздится над серым столичным туманом
Необъятный грохочущий дом.
Это фабрика. Вечно машины грохочут,
Испуская удушливый запах и смрад...

И далее:

Здесь сам Дант почерпнул бы роскошные краски
Для бессмертных и страшных творений своих,
И волшебный рассказ фантастической сказки
Пред действительным мигом бы стих...¹.

Метаморфозы *Мировой Души*. Вечная женственность и София

Подобно другим представителям символизма, Васильев не мог не коснуться идеи вечной женственности, проходящей сквозь века и страны *Мировой Души*, неувядающей Софии. Подражанием, а в чём-то и откликом на сквозные сюжеты отечественной и западной поэзии (Блок, Верхарн) можно считать такие стихотворения сборника, как «Леена», «Песнь торжествующей любви», «Мы вместе с тобою стояли в Платоновом мире Идей» и др. Правда, Васильев в своих стихах сквозной женский архетип наделяет чертами протестующего, непокорного начала, вопло-

щающего разрушительные природные и социальные стихии.

Проникаясь настроениями бунтарства накануне первой русской революции, Васильев воспевал и древнюю мятежницу Леену, и противоречивую, мятущуюся Магдалину, и Гиппатию – женщину-философа, растерзанную александрийской толпой, Жанну Д'Арк и Шарлотту Корде, ставших иконами героического сопротивления (*Песнь торжествующей любви*). Такой противоречивый исторический архетип, объединивший силу и слабость, порыв и безмятежность, мог способствовать движению мысли в направлении логики, позволяющей высчитывать предметы, обладающие противоречивыми свойствами. Таков образ вечной женственности в стихах казанского мыслителя:

А ты мне грезишься блуждающей в пространстве,
По безднам мрачной серой пустоты
В венце из слёз, в ликующем убранстве
Любви, добра и красоты...².

Важно отметить, что стихи Васильева – это стихи, созданные очень молодым человеком, лирика, написанная, по всей видимости, в период юношеской влюблённости. Отсюда стихотворения, посвящённые женщине и любви к женщине, в сборнике отнюдь не случайны. Ведь, по меткому выражению литературоведа XX в., любовь к женщине открывает нам божественное видение мира и свою причастность этому миру. Лирические установки поэтов-символистов побуждали в непрерывном поиске именно в женских образах воплощать обретение идеала. Эту мысль высказывали наиболее яркие представители данного литературного направления. В 1902 г. Блок в статье о русской поэзии задавал риторический вопрос: «Не признак ли нашего настоящего в поэзии – особенно сильное и ясное чувство поэтами женственной тени» [12, с. 187]. Правда, своим женским *теньям* казанский философ, как уже отме-

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Каз.: тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 153–154.

² Там же. С. 153–154.

чалось, придавал бунтарские, революционные черты.

Однако сказанным не исчерпываются образы и идеи, нашедшие отражение в поэтических произведениях русского логика. Идея единения противоположностей у мыслителя облечена в стихотворную форму. Васильев пишет о возможности созерцания платоновских идей, где многообразии мира, его свойства сливаются в едином аккорде. Взаимодействие и единство противоположных начал, порождаемая изменением мира неопределённость – вот мысль, которая рефреном звучит в нескольких стихотворениях сборника:

Все постоянное роится
 Все бытие – волны игра,
 Что страстно хочет испариться
 А новость каждая стара¹.

А в другом стихотворении казанским мыслителем описан воображаемый мир, в объектах которого наблюдается совпадение противоречащих свойств, т. е. совпадение оснований для одновременного утверждения и отрицания. Данный фрагмент довольно часто приводят историки отечественной логики, когда обращаются к творчеству Васильева. Иллюстрацией логических идей казанского мыслителя служат следующие стихотворные строки:

Есть мир иной, мир беспечальный
 Где всё – единство без конца,
 Где каждый атом, близкий, дальний
 Лишь части одного кольца.
 Там волк покоится с овцою
 С невинной жертвою – палач.
 Там смех смешался со слезою...².

Таким образом, в ранних поэтических произведениях как неясные контуры находят выражение идеи, которые у Васильева займут центральное место в работах по логике.

Ещё один пример влияния биографии на поэтическое и научное творчество: средневековый схоласт Р. Луллий

Вместе с тем мы не можем предугадать, как факты биографии, события жизни влияют на творческий поиск в различных областях человеческого знания и духовного производства, что может послужить толчком к созданию принципиально новых концепций, подходов, теорий в науке, философии и искусстве. Факты раннего литературного творчества Николая Васильева, его опыт стихосложения и литературной критики дают повод вспомнить биографию другого логика – Р. Луллия. Каталонский учёный-монах тоже начинал поэтом, причём прославился он как сочинитель куртуазных стихов. Был этот учёный блестящим придворным, приближенным правителя о. Майорка. Однажды Луллий прочитал придворной даме посвящённые ей стихи, в которых воспел её внешность, красоту лица и тела. Бывшая предметом луллиева поклонения синьора, выслушав посвящённые ей строки, обнажилась перед ним: кожа её оказалась обезображена следами оспы. Потрясённый, Луллий перестал думать о прекрасных дамах и слагать о них стихи. Он выбрал стезю пилигрима-проповедника и схоласта-учёного. Его «механический компьютер», позволяющий подбирать суждения и делать на их основе умозаключения, стал первым инструментом подобного рода.

В приведённом нами примере видно, каким может быть событие, повлёкшее дальнейшее развитие научного знания и человеческой практики, что может подсказывать, а в других случаях отвращать, направляя в нужное для истории науки русло сознание мыслителя, учёного, религиозно-подвижника или технократа-реформатора, не чуждого мистическим озарениям.

Однако не только занятия поэзией сближают Луллия и Васильева. Оба были убеждены, что в любой области знания можно определить небольшое число первопринципов. К ним могут быть сведены все остальные законы, которыми пользуется та

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 138.

² Там же.

или иная область науки. Идея Васильева – редукция всех суждений логики к ограниченному числу очевидных положений – идея средневековая. Луллий, отмечает в данной связи отечественный историк науки Б. В. Бирюков, «исходил из принятого в средневековой схоластике убеждения, согласно которому в каждой области знания имеется небольшое число исходных понятий, с помощью которых выражаются бесспорные, самоочевидные положения, не нуждающиеся в обосновании» [13]. Комбинация суждений с данными понятиями, признаваемых истинными, даёт новое знание, которое в силу соблюдения правил разума и истинности посылок будет тоже истинным.

Заключение

В настоящей статье автором разобраны мотивы поэтического творчества выдающегося отечественного мыслителя – логика и философа начала XX в. Н. А. Васильева. В числе этих мотивов в первую очередь было названо подчинение структур бытия и сознания волевой музыкальной волне, песенному ритму эпохи – ритму, которым ознаменовано движение общества и социальных групп по пути прогресса. Отсюда тезис символистов, разделяемый Н. А. Васильевым: *музыка творит мир*. Иллюстрацией этого тезиса можно считать ряд образов в стихотворениях Н. А. Васильева из сборника «Тоска по вечности». В музыкальных ритмах происходит вибрация Души Мира, воплощением которой у поэтов-символистов выступают героини прошлых эпох. В поэзии Васильева – это персонажи древней, средневековой истории и истории Нового времени.

Ещё один сквозной мотив в поэтическом творчестве Васильева – единство противоположных начал. Идея единства противоположностей оригинальна и выделяет Н. А. Васильева среди других поэтов эпохи.

Обращение к содержанию поэтических работ Н. А. Васильева позволило опреде-

лить источник его логико-философского учения. Одна из первых в числе философских систем рационализма – система Б. Спинозы – может рассматриваться как философский прообраз логической неклассичности, в том числе и логической многозначности, систему которой разрабатывал Н. А. Васильев в 1910–20-е гг. Привлекала его также идея единства противоположностей, высказанная Н. Кузанским, Дж. Бруно и Спинозой.

Сопоставление поэтического мировоззрения Васильева, с одной стороны, и выдающихся русских поэтов-символистов, с другой, в предлагаемой работе не было случайным. Особое внимание уделяется мотивам, которые встречаются у Н. А. Васильева, А. А. Блока и В. Я. Брюсова. Эти три поэта и мыслителя воспели в своём творчестве Революцию, выступали за переустройство мира, его преобразование. В работе, посвящённой истории позднеантичного Рима, Васильев даже предложил историческое обоснование такому переустройству. Блок же со своей стороны следование ритмам эпохи связывал со способностью воспринимать некоторую сверхприродную музыку – музыку революции, освобождающую человека от угнетения. Консерватизм и либерализм для автора «Скифов» и «Двенадцати» были неприемлемы в силу их *безмузыкальности*. Васильев и Брюсов вместе создавали картину современного им капиталистического города.

Здесь может быть прослежена ещё одна параллель между Н. А. Васильевым и А. А. Блоком – главным образом их послереволюционными судьбами. Оба мыслителя в своём творчестве выразили идею обновления, а Васильев ещё и наметил пути революционных преобразований в той области знаний, которая не подвергалась пересмотру со времён Аристотеля (в формальной логике). Однако оба сочувствовавших революции мыслителя не смогли продолжить свою деятельность в обновлённой переменах России. Один задыхался от отсутствия необходимой для творчества культурной атмосферы.

Охранной грамотой от репрессий для другого стала душевная болезнь, из-за неё казанский логик не имел возможности адекватно воспринимать изменения послереволюционных лет, а значит, был неинтересен для карательных органов новой власти.

В статье сделан вывод, что философские откровения, изложенные Николаем Александровичем в стихотворной форме, укоренены в истории отвлечённой мысли. Идеи, находящиеся в основании воображаемой логики и, шире, в основании творческого научного поиска Н. А. Васильева как логика и философа, автор настоящего исследования сопоставляет с фактами жизни средневеко-

вого учёного Р. Луллия. Аналогия между творчеством казанского логика и идеями каталонского схоласта проводится в заключительной части статьи.

В целом можно утверждать, что поэтическое творчество мыслителя принадлежит направлению символизма. Но *символ* как главное средство художественной выразительности авторов данного направления, будучи объектом высокого уровня абстракции, объединяет в себе противоречащие свойства. Такие свойства символа не могли не навести казанского логика на открытие неклассической системы – воображаемой логики, что ещё раз свидетельствует о сложности путей, по которым идёт приращение знаний в науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого // Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. С. 12–53.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение забытой идеи. М.: Реабилитация, 2023. 240 с.
3. Агаркова А. А., Колядов В. А. В предчувствии глобальных перемен: мировоззренческие и художественные прорывы русского Серебряного века // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы научной конференции (Донецк, 27 апреля 2023 г.). Донецк: Цифровая типография, 2023. С. 221–224.
4. Люкmine А. Г. Роль символизма в истории культуры // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: материалы XVII всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 27 октября 2022 г.). М.: Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, 2023. С. 377–383.
5. Васильев Н. А. Вопрос о падении западной Римской империи и античной культуры в свете истории философии // Вестник общества историографии, истории и археологии при Казанском университете. 1920. Вып. 2–3. С. 115–247.
6. Калинин Л. А. Причём тут Кант, или мог бы обойтись без Канта В. Я. Брюсов в своей *Балладе?* // Модели рассуждений. Логика и аргументация: сборник статей. Калининград: Российский государственный университет имени И. Канта, 2023. С. 289–303.
7. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. 331 с.
8. Кузанский Н. Об учёном незнании // Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 47–184.
9. Александров В. Е. Набоков и потусторонность. СПб.: Алетейя, 1999. 314 с.
10. Лапшин И. И. Вселенское чувство. СПб.: Тов. Вольф, 1911. 90 с.
11. Бажанов В. А. Об эвристическом влиянии идей Ч. Пирса на логическое творчество Н. А. Васильева // Проблемы методологии: сборник научных статей, посвящённый памяти проф. В. Н. Борисова. Самара: Самарский университет, 1998. С. 131–136.
12. Горелов А. Гроза над соловьиным садом. А. Блок. Л.: Советский писатель, 1970. 512 с.
13. Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных числ и пафос бесстрастной логики. Формализация мышления от античных времён до эпохи кибернетики. М.: Знание, 1985. 192 с.

REFERENCES

1. Vasiliev, N. A. (1989). On particular judgments, on the triangle of opposites, on the law of the excluded fourth. In: Vasiliev, N. A. *Imaginary logic*. Moscow: Nauka Publ., pp. 12–53 (in Russ.).
2. Bazhanov, V. A. (2023). *N. A. Vasiliev and his imaginary logic. Resurrection of a forgotten idea*. Moscow: Rehabilitation Publ. (in Russ.).

3. Agarkova, A. A. & Kolyadov, V. A. (2023). In anticipation of global changes: ideological and artistic breakthroughs of the Russian Silver Age. In: *Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: materials of a scientific conference (Donetsk, April 27, 2023)*. Donetsk: Digital printing house Publ., pp. 221–224 (in Russ.).
4. Lyukmine, A. G. (2022). The Role of Symbolism in the History of Culture. In: *Facets of Culture: Actual Problems of History and Modernity: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, October 27, 2022)*. Moscow: V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations Publ., pp. 377–383 (in Russ.).
5. Vasiliev, N. A. (1920). The Question of the Fall of the Western Roman Empire and Ancient Culture in Light of the History of Philosophy. In: *Bulletin of the Society of Historiography, History and Archaeology at Kazan University*, 2–3, 115–247 (in Russ.).
6. Kalinnikov, L. A. (2023). What Does Kant Have to Do with It, or Could V. Ya. Bryusov Do Without Kant in His Ballad? In: *Models of Reasoning. Logic and Argumentation*. Kaliningrad: I. Kant State University of Russia Publ., pp. 289–303 (in Russ.).
7. Spinoza, B. (2024). *Ethics*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ. (in Russ.).
8. Kuzansky, N. (1979). On Learned Ignorance. In: Kuzansky, N. *Works. Vol. 1*. Moscow: Mysl Publ., pp. 47–184 (in Russ.).
9. Aleksandrov, V. E. (1999). *Nabokov and the Otherworld*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
10. Lapshin, I. I. (1911). *Universal Feeling*. St. Petersburg: Comrade Wolf Publ. (in Russ.).
11. Bazhanov, V. A. (1998). On the heuristic influence of Charles Peirce's ideas on the logical creativity of N. A. Vasiliev. In: *Problems of methodology: a collection of scientific articles dedicated to the memory of prof. V. N. Borisov*. Samara: Samara University Publ., pp. 131–136 (in Russ.).
12. Gorelov, A. (1970). *Thunderstorm over the Nightingale Garden*. A. Blok. Leningrad: Sovetsky pisatel Publ. (in Russ.).
13. Biryukov, B. V. & Trostnikov, V. N. (1985). *The heat of cold numbers and the pathos of dispassionate logic. Formalization of thinking from ancient times to the era of cybernetics*. Moscow: Znanie Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович (г. Москва) – кандидат культурологии, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета; доцент кафедры национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму Российского государственного социального университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor P. Pryadko (Moscow) – Cand. Sci. (Cultural Sci.), Prof., Department of Social sciences, Humanities and Technologies Moscow State University of Civil Engineering; Assoc. Prof., Department of National Security, Counteraction to Extremism and Terrorism, Russian State Social University;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-58-65

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ПОДХОДАХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Арутюнян К. С.

*Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань,
Российская Федерация*

e-mail: carin-dop@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.02.2025

После доработки 25.02.2025

Принята к публикации 11.03.2025

Аннотация

Цель. Осуществить социально-философский анализ, обоснование и выявление специфики философии управления.

Процедура и методы. Автор использует системный и сравнительный подходы, позволяющие детально рассмотреть проблему исследования. Данная работа – развитие методологической базы социальной философии, теории управления для дальнейшего внедрения в управленческую деятельность, а также определения нового предметного поля философии управления – управленческого сознания менеджеров.

Результаты. Развитие философии управления как практической теории было рассмотрено как результат связи теории и практики управления с одной стороны, и социальной философии – с другой.

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в раскрытии авторского подхода в определении философии управления. Практическая составляющая – это определение роли философии управления для теории управления и социальной философии, учитывающей значение антропологического подхода.

Ключевые слова: менеджмент, практическая теория, социальная философия, управление, управленческое сознание, философия управления

Для цитирования:

Арутюнян К. С. К вопросу о современных социально-философских подходах становления и развития философии управления как практической теории // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 58–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-58-65>.

Original research article

TO THE QUESTION OF MODERN SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACHES TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MANAGEMENT PHILOSOPHY AS A PRACTICAL THEORY

K. Arutiunian

Ryazan State Radio Engineering University, Ryazan, Russian Federation

e-mail: carin-dop@yandex.ru

Received by the editorial office 10.02.2025

Revised by the author 25.02.2025

Accepted for publication 11.03.2025

Abstract

Aim. To carry out a socio-philosophical analysis, substantiation and identification of the specifics of management philosophy.

Methodology. The author uses a systemic and comparative approach, allowing a detailed examination of the research problem. This work is the development of a methodological basis for social philosophy, management theory for further implementation in management activities, as well as the definition of a new subject field of management philosophy – the management consciousness of managers.

Results. The development of management philosophy as a practical theory was considered as a result of the connection between the theory and practice of management on the one hand, and social philosophy on the other.

Research implications. The article discloses the author's approach in defining management philosophy. The practical component is the definition of the role of management philosophy for management theory and social philosophy, taking into account the importance of the anthropological approach.

Keywords: management, practical theory, social philosophy, management, management consciousness, management philosophy

For citation:

Arutiunian K. S. (2025). To the Question of Modern Socio-Philosophical Approaches to the Formation and Development of Management Philosophy as a Practical Theory. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 58–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-58-65>.

Введение

Человечество с древнейших времён задумывалось, как управлять совместной деятельностью людей. Социальные кризисы XX в. создали новые условия к формированию научного направления, которое изучает взаимоотношения, складывающиеся между подчинёнными и руководством.

Управление как процесс стало охватывать все сферы общественной жизни (здравоохранение, духовная культура, образование и т. д.). Становление и развитие теоретических основ управления связано с методами, технологиями, приёмами, подходами, которые направлены на получение эффективного управления с целью достижения поставленных целей.

В социальной философии управление понимается как особое отношение между субъектами и объектами, постановка целей для реализации намеченных планов, анализ управленческих процессов, определение ресурсов, выявление проблем, препятствующих реализации намеченных задач, прогнозирование последствий управленческих решений.

Формирование философии управления связано с определением не только уровня управленческого знания, но и роли человека в управлении, его ценностей, ценностных ориентаций, знаний, норм, формирующих основы управленческого сознания, необходимого для принятия управленческих решений в условиях нестабильности.

Социально-философский анализ проблем управления исходит из предположения, что меняются как проблемы управления в зависимости от развития общества, так и, соответственно, методы и формы решения проблем. При этом философия как наука не просто фиксирует состояние управления на данном этапе, а вырабатывает новые методы решения управленческих проблем, синтезируя методологию, полученную из смежных наук.

Взаимодействие философии и управления

Научные направления философии позволяют рассматривать управление с разных сторон. Онтологический подход анализирует сущностные основы управленческой деятельности. Онтологический аспект управления направлен на решение проблем, возникающих между субъектом и объектом управления. Всё это происходит с помощью средств связи, коммуникации, информационных технологий. Эпистемология формирует целостное знание философии управления. Аксиология разрабатывает ценностные основы управления, необходимые для определения стратегии и тактики управления для принятия эффективного решения.

По мнению В. М. Розина, интерес философии к управлению связан с формированием целого ряда управленческих дисциплин. Именно в рамках данных дисциплин возникают философские теоретико-методологические проблемы конкретизируются в отношении к управлению [1, с. 123].

Д. А. Новиков обратил внимание на то, что появление в XX в. менеджмента как практики управления экономическими системами дало возможность создать к началу XXI в. философию управления [2, с. 6]. При этом разработчиками этого направления являются философы.

Управленческую науку делят на три части: эмпирическое направление, которое исследует практику управления, теорию управления и философию управления. Среди представленных структур-

ных компонентов управленческой науки стоит выделить философию управления. Философия управления является теоретико-методологической основой как для теории, так и для практики управления [3, с. 55; 4, с. 110].

Прежде всего, философия оказывает влияние на управление при помощи своего методологического аппарата. Например, такие принципы философии, как принципы объективности, всесторонности и определённости, выражают возможность управления формировать стратегии и тактики, которые являются залогом эффективного управления для преодоления трудностей развития сложных систем.

По мнению В. С. Диева, философия в управлении, с одной стороны, объединяет усилия других наук, а с другой – формирует базис для развития научных методов и подходов [5, с. 295; 6, с. 42; 7, с. 5].

Особенность философии управления заключается в её интегрированном и междисциплинарном характере. Она объединяет теоретические подходы, которые раскрывают механизм управления на разных этапах функционирования и развития, и обобщает практический опыт управления. Возникла необходимость более чёткого взаимодействия философии и управления. Таким образом, философия управления объединяет в единое целое фундаментальные научные теории в области управления [8, с. 57; 9, с. 40; 10, с. 244].

Следовательно, общим недостатком концепций к определению философии управления является односторонний взгляд подходов, который в большей степени затрагивает методологические и теоретические основы. При этом не учитываются такие важные моменты в решении актуальных проблем современности, которые существенно влияют на эффективность принятия решений (например, антропологический подход, направленный на формирование управленческого сознания менеджера).

Обобщение данных различных наук об управлении привело к оформлению философии управления как особой отрасли зна-

ния. На настоящий момент не существует единого подхода в определении философии управления, поэтому каждый исследователь даёт свою трактовку этой практической теории. Приведём следующие подходы к философии управления.

Современные философские подходы на философию управления

По мнению Р. П. Власова, философия управления как наука основывается на методологической парадигме: социокультурной коммуникации и месте человека в современной коммуникации [11, с. 120].

В. С. Диев считает, что статус философии управления как науки должен опираться на научные методы исследования. Автор приводит следующие подходы в изучении управления как науки: функциональный, бихевиористский, рациональный и социальный подходы [12, с. 25].

Это во многом определяет роль философии управления в глобальных процессах, требующих эффективного решения управленческих проблем.

Л. А. Тутов считает, что происходит расширение предметного поля управленческой теории, охватившей широкий спектр не только управленческих, но и философских проблем управления [13].

Согласно подходу А. А. Юдиной, философия управления – современная отрасль философского знания. Её появление связано с возрастающей ролью управления в современном обществе, в профессиональной деятельности [14, с. 157]. Автор считает, что основная задача философии управления – это направлять действия руководства на формирование философии лидерства. Важнейшая роль философии состоит в развитии лидера нового типа.

Проблемы управления отражают проблемы общества. В этой ситуации философия направлена на обобщение управленческого опыта, систематизацию методов, подходов, необходимых для принятия управленческих решений.

Результат разных наук об управлении привёл к формированию философии

управления как особой отрасли знания. Философия управления – это направление социальной философии, в центре которого находится человек управляемый и человек управляющий, наделённый управленческим сознанием, необходимым для принятия управленческих решений.

О. Р. Сигнаевская утверждает, что философия управления – это философские основы предмета, методов управления для определения места и роли в системе наук как теории и для определения роли в современном обществе как практики [15, с. 98].

Д. А. Новиков вкладывает в понимание философии управления этический аспект, философия управления – это взгляды, подходы, идеи управленцев, которые формируются в результате опыта, а также исходят из задач управления и моральных принципов поведения.

Анализ современных подходов формирования философии управления позволяет прийти к выводу, что её можно рассматривать как науку, как деятельность, направленную на достижение поставленных целей и задач, как систему взглядов на процесс управления, как отрасль знаний. Во всех определениях недостаточное внимание уделяется роли сознания менеджера в принятии управленческих решений, что определяет философию управления как практическую теорию. Данная проблема отражена в трудах зарубежных исследователей [16, р. 260; 17, р. 158; 18].

Результаты исследования

Глобализация порождает бессубъектность и объектность управления. Это приводит к проблемам управления обществом. Для разрешения данной проблемы необходимо перейти к гармоничному развитию человечества, связанному с совершенствованием механизмов управления.

Для разрешения управленческого кризиса в отношении социальных систем необходимо сформировать теоретические основы философии управления на стыке разных наук [19].

В начале XXI в. получил распространение системный кризис. Для его разрешения необходимо совершенствовать процесс управления социальными системами. Сложность кризисов требует постановки философско-методологических основ философии управления.

Для определения философии управления как практической теории необходимо рассмотреть её в рамках парадигм научной рациональности для определения роли сознания менеджера для разрешения кризисных ситуаций.

Философия управления в рамках классической научной рациональности основывается на подходе субъект – объект. В рамках этого подхода активность как свойство управленческого сознания проявляется только у субъекта.

Философия управления в контексте неклассической научной рациональности анализирует взаимоотношения, складывающиеся между субъектом и объектом управления. Такая форма взаимоотношений в процессе управления направлена на появление двух активных исследователей, каждый из которых имеет возможность исследовать другого. Осуществляется переход от субъект – объекта к парадигме субъект – субъект. Основу данного подхода составляет субъектно-деятельностный подход, рассматривающий субъектность как включение человека в состав бытия, при этом деятельность представляет собой один из видов активности субъекта и его непосредственное отношение к миру.

Философия управления в контексте постнеклассической рациональности направлена на решение задач, которые связаны с осмыслением ценностей, целей субъекта. Парадигма постнеклассической рациональности рассматривает объект как саморазвивающуюся систему.

В рамках данной парадигмы используется субъект-ориентированный подход, который учитывает создание новых механизмов управления, рациональные возможности субъекта, направленные на решение сложных кризисных ситуаций в обществе.

Следует отметить, что постнеклассическая парадигма в философии управления направлена на развитие антропологических, аксиологических и социально-философских основ управления. Поэтому именно философская антропология и социальная философия должны стать методологической основой философии управления [20, с. 233]. Именно антропологические основы социальной философии позволят сформировать образ человека с развитой формой управленческого сознания, направленного на решение управленческих проблем.

Аксиологические основы позволяют менеджеру реализовать идеи решения сложных управленческих задач. С помощью аксиологического компонента также в философии управления осуществляется оценка результатов практической реализации управленческих действий. При этом аксиологический аспект присутствует на всех этапах управленческого процесса (от познания, теоретического осмысления до практической реализации управленческой задачи).

Таким образом, антропологические, аксиологические и социально-философские подходы в философии управления в условиях постнеклассической парадигмы формируют предмет философии управления как практической теории. Появление управленческого сознания является важным основанием для принятия управленческих решений в условиях неопределённости, сложности, динамичности возникающих ситуаций. Управленческое сознание является критерием развития как для индивида, так и для общества в целом.

На наш взгляд, главным теоретико-методологическим основанием философии управления является междисциплинарный научный подход. Философия управления должна обобщить данные экономики, политологии, психологии, социологии, а также идеи различных философских школ, восточных и западных традиций управления.

Авторский подход заключается в том, что было выявлено отличие от менеджмента. Философия управления не рассматривает технологию управления, алгоритм по

управлению процессами, а затрагивает антропологические, гносеологические, аксиологические и методологические проблемы в управлении. Методологический подход включает совокупность методов, необходимых для получения управленческих знаний. Гносеологический подход рассматривает управление как процесс, связанный с принятием управленческих решений. Антропологический подход направлен на рассмотрение управления как социального явления с позиции объект-субъектных отношений, где главную роль играет человек. Аксиологический подход в управлении акцентирует внимание на ценностях, идеях, правилах поведения, кодексах, элементах организационной и управленческой культуры – на том, что формирует непосредственно управленческое сознание как целостную систему.

Заключение

Проблема становления философии управления является чрезвычайно важной как для теории управления, так и для социальной философии. Дальнейшее развитие философии управления как практической теории рассматривается как результат связи теории и практики управления, с одной стороны, и социальной философии – с другой. Предметом исследования в философии управления должно стать управленческое сознание менеджеров.

Ценностно-оценочные, знаниевые основы сознания позволяют менеджерам принимать решения в нестандартных ситуациях (в практике управления), а в теории преодолевать неточности подходов и концепций управления. Такая философия управления должна стать теоретико-методологической основой теории и практики управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розин В. М., Голубкова Л. Г. Философия управления. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2010. 608 с.
2. Новиков Д. А. Философия и управление // Инновации в менеджменте. 2014. № 1. С. 6–15.
3. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Философия управления в междисциплинарном контексте // Философские науки. 2016. № (8). С. 54–66.
4. Кузин Д. В., Пономарёв П. В. Управленческое мышление в новой реальности // Мир новой экономики. 2021. № 15 (2). С. 107–117. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-107-171.
5. Диев В. С. Философия управления // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 3 (23). С. 295–316.
6. Диев В. С. Неопределённость, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 41–52. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52
7. Диев В. С. Философия управления в мире неопределённости и риска // Сибирский философский журнал. 2022. № 20 (1). С. 5–14 DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-1-5-14.
8. Петрова Г. И. Современная философия управления: становление и поиски объекта управленческой деятельности в условиях коммуникативной онтологии социальности // Проблемы управления в социальных системах. 2009. № 1. С. 56–65.
9. Сидоров Л. Г. Философия управления: между наукой и искусством // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 37–48. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-37-48.
10. Пржиленский В. И. Философия, управление и право в системе социального действия: моральные и инструментальные проблемы генетических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 244–265. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-244-259.
11. Власов Р. П. Аналитическая философия управления: методология. Омск: Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, 2006. 271 с.
12. Диев В. С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 25–41.
13. Тутов Л. А. На пути к философско-методологическому осмыслению теории управления [Электронный ресурс] // Государственное управление. 2007. № 11. URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/index> (дата обращения: 23.01.2025).
14. Юдина А. А. Философия правления: теоретические и практические // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 1. С. 157–161.

15. Сигнаевская О. Р. Философия управления в России: противостояние двух цивилизационных парадигм // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX международной научной конференции Гуманитарного университета (Екатеринбург, 12–13 апреля 2016 г.) / под. ред. В. Е. Зак. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 232–237.
16. Erkiñç T. A Study on Management Philosophy in the Context of Philosophy and Basic Concepts of Management // *International Journal of society researchers*. 2021. Vol. 8. P. 259–285. DOI: 10.26466/opus.886009.
17. Joulle J. The Philosophical Foundations of Management Thought // *Academy of Management*. 2016. Vol. 15. № 1. P. 157–179. DOI: 10.5465/amle. 2612. 0393
18. Sun P. Philosophical Foundations of Management Research: A Comprehensive Review [Электронный ресурс] // *Journal of scientific reports*. 2024. March. URL: <https://www.ijrsab.com/jsr-volume-6-issue-1/6605> (дата обращения: 23.01.2025).
19. Казакова Е. Д. Особенности ведения эффективной управленческой деятельности в организации [Электронный ресурс] // *Вестник евразийской науки*. 2021. Т. 13. № 6. URL: <https://esj.today/issue-6-2021-economics.html> (дата обращения: 23.01.2025).
20. Лафруллин Г. Р. Управленческая антропология // *Вестник университета*. 2015. № 6. С. 232–236.

REFERENCES

1. Rozin, V. M. & Golubkova, L. G. (2010). *Philosophy of Management*. Yoshkar-Ola: Mari State Technical University Publ. (in Russ.).
2. Novikov, D. A. (2014). Philosophy and Management. In: *Innovations in Management*, 1, 6–15 (in Russ.).
3. Akhromeeva, T. S., Malinetsky, G. G. & Posashkov, S. A. (2016). Philosophy of Management in an Interdisciplinary Context. In: *Philosophical Sciences*, 8, 54–66 (in Russ.).
4. Kuzin, D. V. & Ponomarev, P. V. (2021). Management Thinking in the New Reality. In: *The World of the New Economy*, 15 (2), 107–117. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-107-171 (in Russ.).
5. Diev, V. S. (2004). Philosophy of Management. In: *Personality. Culture. Society*, 3 (23), 295–316 (in Russ.).
6. Diev, V. S. (2019). Uncertainty, Risk, and Decision-Making in an Interdisciplinary Context. In: *Siberian Philosophical Journal*, 17 (4), 41–52. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52 (in Russ.).
7. Diev, V. S. (2022). Philosophy of Management in the World of Uncertainty and Risk. In: *Siberian Philosophical Journal*, 20 (1), 5–14. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-1-5-14 (in Russ.).
8. Petrova, G. I. (2009). Modern philosophy of management: formation and search for the object of management activity in the context of the communicative ontology of sociality. In: *Problems of management in social systems*, 1, 56–65 (in Russ.).
9. Sidorov, L. G. (2021). Philosophy of management: between science and art. In: *Questions of philosophy*, 9, 37–48. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-37-48 (in Russ.).
10. Przhilenskiy, V. I. (2024). Philosophy, governance and law in the system of social action: moral and instrumental problems of genetic research. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 28 (1), 244–265. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-244-259 (in Russ.).
11. Vlasov, R. P. (2006). *Analytical Philosophy of Management: Methodology*. Omsk: Siberian Institute of Business and Information Technology Publ. (in Russ.).
12. Diev, V. S. (2010). Management. Philosophy. Society. In: *Questions of Philosophy*, 8, 25–41 (in Russ.).
13. Tutov, L. A. (2007). Towards a Philosophical and Methodological Understanding of Management Theory. In: *Public Administration*, 11. Available at: <https://spajournal.ru/index.php/spa/index> (accessed: 23.01.2025).
14. Yudina, A. A. (2015). Philosophy of government: theoretical and practical. In: *New science: problems and prospects*, 1, 157–161 (in Russ.).
15. Signaevskaya, O. R. (2016). Philosophy of management in Russia: confrontation of two civilizational paradigms. In: *Sustainable development of Russia: challenges, risks, strategies: materials of the XIX international scientific conference of the Humanitarian University (Ekaterinburg, April 12–13, 2016)*. Ekaterinburg: Humanitarian University Publ., pp. 232–237 (in Russ.).
16. Erkiñç, T. A. (2021). Study on Management Philosophy in the Context of Philosophy and Basic Concepts of Management. In: *International Journal of society researchers*, 8, 259–285. DOI: 10.26466/opus.886009
17. Joulle, J. (2016). The Philosophical Foundations of Management Thought. In: *Academy of Management*, 15 (1), 157–179. DOI: 10.5465/amle. 2612.0393
18. Sun, P. (2024). Philosophical Foundations of Management Research: A Comprehensive Review. In:

- Journal of scientific reports*, 2024, March. Available at: <https://www.ijssab.com/jsr-volume-6-issue-1/6605> (accessed: 23.01.2025) (in Russ.).
19. Kazakova, E. D. (2021). Features of Conducting Effective Management Activities in the Organization. In: *The Eurasian Scientific Journal*, 13 (6). Available at: <https://esj.today/issue-6-2021-economics.html> (accessed: 23.01.2025) (in Russ.).
20. Latfullin, G. R. (2015). Managerial Anthropology. In: *Bulletin of the University*, 6, 232–236 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнян Каринэ Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина;
e-mail: carin-dop@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karine S. Arutyunyan – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., the Department of History, Philosophy and Law, Ryazan State Radio Engineering University;
e-mail: carin-dop@yandex.ru

Научная статья
УДК 124.5; 177.9
DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-66-74

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бакурадзе А. Б.

*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: bondovich@mail.ru*

Поступила в редакцию 25.02.2025

После доработки 10.03.2025

Принята к публикации 08.04.2025

Аннотация

Цель. Выявление ценности, места и роли человека в проектной деятельности.

Процедура и методы. С точки зрения диалектического и аксиологического подходов проанализированы сущность и содержание социального проектирования. С целью выявления ценности человека в проектной деятельности использованы методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Применение методологии системно-интегративного подхода позволило рассмотреть проектную деятельность как целостный процесс, а ситуационного подхода – обнаружить особенности мотивации к проектной деятельности различных категорий её участников.

Результаты. С позиций аксиологического подхода дана характеристика социального проектирования и обосновано влияние на него ценности человека как высшей ценности-цели. Выявлено, что ключевыми смыслами проектной деятельности являются общественная польза и удовлетворение потребностей участников проектов, которые диалектически взаимосвязаны. При этом условиями успешного осуществления проектной деятельности выступают гармония между общественной пользой проекта и его ориентацией на потребности и цели участников проектной деятельности, а также признание человека в качестве ценности на протяжении всех этапов проектирования.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании ценностей человека и общества как аксиологических оснований проектной деятельности и их влияния на процесс и результаты социального проектирования на различных его этапах.

Ключевые слова: аксиология, проектная деятельность, социальное проектирование, ценности управления, ценности-цели, ценность общества, ценность человека

Для цитирования:

Бакурадзе А. Б. К вопросу о ценности человека в контексте проектной деятельности // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 66–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-66-74>.

Original research article

ON THE ISSUE OF HUMAN VALUE IN THE CONTEXT OF PROJECT ACTIVITY

A. Bakuradze

*K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russian Federation
e-mail: bondovich@mail.ru*

© CC BY Бакурадзе А. Б., 2025.

Received by the editorial office 25.02.2025

Revised by the author 10.03.2025

Accepted for publication 08.04.2025

Abstract

Aim. To identify the value, place and role of human in project activities.

Methodology. The essence and content of social design are analyzed from the point of view of dialectical and axiological approaches. In order to identify the human value in project activities, methods of analysis and synthesis, deduction and induction were used. The application of the methodology of the system-integrative approach made it possible to consider project activity as an integral process, and the situational approach allowed us to identify the features of motivation for project activities of various categories of its participants.

Results. From the standpoint of the axiological approach, a characteristic of social design is given and the influence of human values as the highest value-goals on it is substantiated. It is revealed that the key meanings of project activity are the public benefit and satisfaction of the needs of project participants, which are dialectically interrelated. At the same time, the conditions for the successful implementation of project activities there is harmony between the public benefit of the project and its orientation to the needs and goals of the project participants, as well as the recognition of a person as a value throughout all stages of design.

Research implications. The article substantiates the values of human and society as the axiological foundations of project activity and their impact on the process and results of social design at its various stages.

Keywords: axiology, project activity, social design, management values, goal values, value of society, value of a person

For citation:

Bakuradze A. B. (2025). On the Issue of Human Value in the Context of Project Activity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 66–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-66-74>.

Введение

В настоящее время социальное проектирование становится всё более и более востребованным в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Оно стало, пожалуй, самым популярным способом внедрения нововведений, начиная от уровня государства (приоритетные национальные проекты, национальные проекты и др.) и заканчивая уровнем индивидуальной деятельности конкретного работника (проект рабочего места, индивидуальный учебный проект и пр.). В проектную деятельность вовлекаются люди разных возрастов и социального положения.

Такая привлекательность социального проектирования, помимо факторов рекламного характера, обусловлена его очевидной инновационной сущностью и содержанием, имеющим чётко выраженную и достаточно понятную структуру.

Сущность социального проектирования заключается в проведении ограниченных во времени действий, результатом которых является создание некоего уникального объекта (процесса), направленного на решение актуальной социальной проблемы или на достижение общественно значимого результата. Созданный в результате проектирования уникальный объект (процесс) становится затем частью повседневной деятельности работников, как занимавшихся его созданием, так и освоивших его в ходе специального обучения [1, с. 35–36].

Характеристика социального проектирования

Характерными чертами социального проектирования являются:

– выполнение его участниками действий, находящихся за пределами их ос-

новой деятельности (профессиональной, учебной и др.);

– определённые сроки начала и конца проектной деятельности, после истечения которых проект или закрывается, или превращается в часть текущей деятельности социальной организации или конкретного человека;

– осуществление проектных действий без использования ресурсов, предназначенных для основной деятельности, но с помощью возможностей, которыми располагает организация или другой субъект, в чьих интересах выполняется проектирование;

– сотрудничество субъектов (работников, подразделений организации, её партнёров), не связанных иерархическими отношениями.

В результате социального проекта всегда создаётся нечто общественно важное, что ранее не существовало, восстанавливается некогда утраченное или реконструируется объект, утративший свою прежнюю значимость. Достижение такого результата позволяет сделать вывод об успешности социального проекта и переводит его в состояние повседневной деятельности той социальной организации, где он реализовался.

Однако при всей своей привлекательности социальное проектирование далеко не всегда бывает успешным в части получения положительных результатов. Более того, немалая часть проектов не приносит никакого результата или даёт существенные негативные последствия.

В научной литературе приводятся различные причины провала проектов. Чаще всего в их числе указываются следующие:

– нет чёткого распределения ответственности за выполнение тех или иных задач проекта и другие недостатки планирования;

– недостаточный уровень контроля;

– отсутствие необходимых ресурсов;

– низкий уровень коммуникаций в социальной организации [2; 3].

Все перечисленные причины носят технологическую основу. Однако, как показывает проведённый нами анализ, чёткое

следование технологии проектирования также не является залогом достижения высоких проектных результатов. Это в явном виде демонстрирует применение дистанционных образовательных технологий при проектировании образовательного процесса, которое не даёт воспитывающих и обучающих эффектов, присущих очной аудиторной работе [4, с. 57–58].

В этих обстоятельствах следует обратиться к анализу ценностно-целевых и мотивационных компонентов социального проектирования. Ими обусловлен ряд причин неэффективности проектной деятельности, которые значительно реже, чем указанные выше, упоминаются в качестве таковых в соответствующих опросах.

К числу таких причин относятся:

– наличие у людей иных, нежели заявлены в проекте, приоритетов деятельности, что приводит к нежеланию тратить время и иные ресурсы на проектную деятельность;

– отсутствие ясного представления о целях и масштабах проектной деятельности;

– угроза статусу участников проектирования в случае его неуспеха;

– необходимость в изменении поведения работника, на которое вынуждает работа над проектом;

– возникновение в процессе работы над проектом «кризиса некомпетентности», который побуждает работника заняться обучением, к чему он не испытывает желания;

– отсутствие эффективного лидера проекта;

– существенные изъяны в подборе состава проектной команды.

Все эти причины неэффективности проектов детерминированы личностным фактором, что позволяет сделать вывод о ключевой роли ценности человека в проектной деятельности, что в полной мере соотносится с государственной политикой Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей¹. Бесспорно, что та-

¹ Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских

кой вывод может показаться очевидным, поскольку он имеет глубокие философско-исторические корни, уходящие в философию античного мира [5]. Однако для современного менеджмента важны не просто декларативное признание роли человека как высшей ценности, но и понимание того, как такое признание должно влиять на различные управленческие функции и процессы.

Общественная польза и удовлетворение потребностей участников проектной деятельности как смыслы проектирования

Прежде всего, обращение к ценностям управленческой деятельности происходит в момент определения смыслов проектирования, влияющего на формирование смыслового поля человека [6, с. 101]. Задавая себе вопросы: «Зачем нужен этот проект?», «Кому он принесёт пользу?», инициатор проекта определяет его аксиологическую основу. Для жизнеспособного проекта в части своих ценностей-целей она должна включать положительные ценности человека и общества, предполагающие их ориентацию на добро и всеобщее благо. Например, проект разработки и внедрения нового технологического решения в том или ином производстве (такого рода проекты имеют как технологическую, так и социальную составляющие), проект по созданию приюта для бездомных животных, проект запуска интернет-издания и пр.

Одновременно с этим важно, чтобы результаты проекта способствовали удовлетворению актуальных потребностей его участников, а его ход приносил им удовлетворённость процессом проектной деятельности. Тем самым в проекте гармонизируются отношения между его ориентацией на общественную пользу и интересами участников проектной деятельности.

Что же будет при отсутствии такой гармонии? Известно немалое количе-

ство социальных проектов альтруистического характера, общественная польза которых была очевидна при отсутствии видимой выгоды для их исполнителей. Значительное количество людей, работающих в такого рода проектах, испытывает внутреннюю мотивацию к бескорыстному служению обществу. Такого рода работники составляют своеобразный «золотой фонд» своих организаций. Для их мотивации руководителей не требуется приложения особых усилий – они чётко понимают смысл своей работы над проектом. Вместе с тем они нуждаются в стимулировании, прежде всего моральном.

Сложность руководства проектом, который выполняют участники, мотивированные альтруизмом, заключается в том, что такая мотивация должна быть характерна для всей проектной команды. При появлении в ней работников, не являющихся альтруистами, руководителю организации неминуемо потребуются создание для них более сложной системы стимулирования. Её применение для работников-неальтруистов способно вызвать у альтруистически ориентированных участников проектной деятельности чувство несправедливости («почему мы не получаем то, что получают они»), результатом чего может стать снижение их трудовой активности или потеря альтруистической мотивации. Поэтому при альтруистической доминанте мотивации работников к проектной деятельности в целях сохранения такой мотивации выход видится в отказе от привлечения к проекту неальтруистически ориентированных специалистов. Однако в результате такого подхода проект может оказаться без высококвалифицированных и неальтруистически мотивированных работников. Поэтому в данной ситуации руководителю необходимо определиться с тем, что будет в большей степени способствовать достижению результата проектной деятельности: альтруистическая мотивация или профессионализм тех, кто такой мотивацией не обладает.

Но в большинстве случаев проекты с ярко выраженной социальной направ-

духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.02.2025).

ленностью выполняют специалисты, для которых альтруизм не является доминирующей ценностью. Поэтому важно, чтобы в рамках проектной деятельности удовлетворялись их актуальные потребности. Это обстоятельство побуждает руководителей проектов изучать потребности участников проектирования и создавать такие условия, при которых они в той или иной мере будут удовлетворяться. Существенную помощь здесь окажет эффект полимотивации, сущность которого заключается в том, что актуальными для человека, как правило, является не одна, а несколько потребностей. И если в рамках проектной деятельности невозможно удовлетворить какую-либо одну из них, например, обеспечить работнику высокий уровень дохода, то другая актуальная потребность вполне может оказаться удовлетворённой. К примеру, участие в проектной работе может повысить статус человека в коллективе, к чему он, наряду с получением высокого дохода, также стремится.

Как показывают различные исследования [7–9], к участию в проектной деятельности в наибольшей степени склонны работники, мотивированные альтруистически, а также те, кто стремится в рамках проектирования удовлетворить потребности в самоактуализации, в достижениях, приобретении высокого статуса, в принадлежности к коллективу. Все эти потребности за исключением последней несут эгоцентрический характер, что традиционно характерно для представителей так называемого среднего класса [10, с. 313]. Хочет того руководитель проектной деятельности или нет, для достижения её результата ему придётся продумывать меры по удовлетворению у работников названных выше потребностей, формируя соответствующую мотивационную среду.

Такая среда должна быть насыщена достаточно большим количеством моральных и материальных стимулов, используемых как в процессе, так и после подведения результатов проектной работы в целом. При этом работникам важно понимать, чего они при условии своей качественной

инициативной работы способны достичь в процессе проектирования. Условиями удовлетворения этого ожидания являются качественное планирование и организация проектной деятельности, обеспеченность проекта необходимыми ресурсами (материально-техническими, правовыми, организационными, информационными, финансовыми и др.) [11, с. 49–50]. Участник проектирования должен понимать, что получение положительного проектного результата обязательно приведёт к удовлетворению той или иной актуальной для него потребности, и его трудовые усилия тем самым будут вознаграждены.

Одновременно с этим важно, чтобы распределение благ по итогам проектной деятельности признавалось участниками проекта справедливым. Этого весьма трудно достичь, потому что выделить персональный вклад того или иного работника в коллективном деле бывает очень сложно, а то и вообще невозможно. Данное обстоятельство часто порождает две крайности: предложение работникам самостоятельно распределить поощрения (деньги, благодарности, другие блага) за проект или волонтаристское распределение руководителем таких поощрений, при котором от работника всячески скрывается то, каким образом были поощрены его коллеги, а в свою очередь, от них – как был поощрён он. И тот, и другой вариант способны вызвать конфликты в коллективе и дестабилизировать дальнейшую его деятельность. Применение одного из перечисленных выше способов распределения поощрения по результатам проектной деятельности может быть обусловлено имеющимися в коллективе традициями, которые способны противодействовать возникновению в нём неконструктивных конфликтов.

Кроме того, руководителю проекта необходимо учитывать, что при недостаточной внутренней мотивации участников проектной деятельности она нуждается в постоянной ресурсной подпитке, выражающейся в специально предоставляемом финансировании, выделении других материально-технических ресурсов, которые

стимулируют работников. Даже небольшое сокращение такой ресурсной подпитки, не говоря о её прекращении, способно побудить его участников к завершению работы над проектом.

Рассмотрим далее ситуацию, когда социальный проект имеет явную ориентацию на интересы его участников при неочевидной его общественной пользе. К такого рода проектам можно отнести, например, издательский проект группы авторов, нацеленный на продвижение своих произведений, проект создания эстрадного ансамбля и другие подобного рода проекты. Данная ситуация нередко встречается в практике современного отечественного менеджмента, хотя предметом социально-философского анализа она стала сравнительно недавно [8; 12].

Участники такого проекта, как правило, не нуждаются в специальном стимулировании своей активности со стороны его руководителя. И проект достаточно быстро и эффективно реализуется за счёт их старания. Однако такого рода проекты сталкиваются с двумя существенными проблемами.

Первая связана с тем, что между участниками проектной деятельности могут возникнуть противоречия, приводящие к конфликтам, разрешение которых происходит только путём прекращения проектной деятельности. Вторая проблема связана с отсутствием интереса общества (всего или той его части, которая является конкретным потребителем результатов проекта) к продуктам проектирования и данной проектной работе в целом. Примерами здесь могут служить сокращение спроса на издаваемые в рамках проекта издания, отсутствие интереса к выпущенным фильмам или концертам и пр., результатом чего становится если не полное закрытие проекта, то существенное сокращение его объёмов. Возникновение обеих этих проблем обусловлено недостаточным уровнем ориентации проектной деятельности на общественную пользу или наличием в обществе альтернатив данному проекту.

Таким образом, одним из аксиологических условий успешного осуществления проектов выступает гармония между общественной пользой проекта и его ориентацией на потребности и цели участников проектной деятельности, что связано с её смыслообразованием.

Важность признания ценности человека в процессе проектной деятельности

Другое аксиологическое условие успешного проектирования заключается в признании человека в качестве ценности на протяжении всех этапов проектной деятельности.

Это важно уже на этапе выдвижения и обоснования проектной идеи, которая составляет основу социального проекта. Оптимально, когда она выдвигается путём дискуссии членов проектной группы, что позволяет всем привлечённым к проектированию высказать свою позицию. Такой подход демонстрирует значимость личности каждого участника проектной деятельности.

Обосновывая проектную идею, члены проектной группы оценивают её реалистичность с точки зрения нескольких критериев, ведущим из которых является мотивированность работников к продолжению деятельности после того, как проектирование будет завершено и проект станет частью их повседневной деятельности. Здесь же происходит оценка возможного противодействия персонала социальной организации проектному нововведению. Такое противодействие может выражаться как в сопротивлении со стороны части привлекаемых к проектной деятельности работников, так и со стороны внешних по отношению к проекту сил, не заинтересованных в силу каких-либо причин в его выполнении.

Потребность в постоянной деятельности по мотивации труда в ходе проекта, которая для подавляющего большинства причастных к нему работников осуществляется, как правило, параллельно с основной работой, а также необходимость пре-

одоления сопротивления осуществлению проекта вытекают из признания ценности человека как одной из ценностей-целей проектирования.

Руководителю проекта такое признание важно продемонстрировать на следующей весьма важной стадии проектирования – стадии целеполагания и планирования, когда нужно привлечь к постановке целей, задач и планированию результатов проектной деятельности, а также выявлению потенциальных рисков и негативных последствий проекта максимальное количество участников проектирования. С одной стороны, как и в случае с выдвижением проектной идеи, это показывает значимость каждого участвующего в проектировании, а с другой – позволяет максимально полно учесть все факторы, которые могут негативно и позитивно влиять на ход и результаты проекта.

В процессе проектной деятельности ведущая роль отводится проектной команде – специально создаваемой для выполнения проекта рабочей группе. Это предопределяет ценность проектной команды как особой группы людей, от работы которых зависит успех проекта.

В самом общем виде команда определяется как эффективно действующая группа со своим особым микроклиматом, между членами которой чётко распределены обязанности, существует высокий уровень взаимопонимания и установились тесные взаимосвязи. Командное выполнение проекта имеет следующие преимущества:

- команда объединяет работников разных специальностей, обладающих различными знаниями и компетенциями. Это позволяет людям, объединённым в неё для работы в проекте, достигать большего, чем если бы они работали над проектом порознь;

- командная работа способствует выдвиганию новых идей и предложений, она даёт возможность увидеть разные точки зрения на концепцию проекта и ход его реализации;

- в процессе командной работы над проектом снижается риск принятия непродуманных решений;

- командная деятельность способствует повышению взаимопонимания между участниками проектной работы и улучшению морально-психологического климата в коллективе.

Членство в проектной команде многими работниками воспринимается как самоценность и важное вознаграждение, которое проявляется в чувстве гордости за результаты совместной деятельности в проекте. В ходе командной работы удовлетворяются потребности её участников в причастности к совместной работе и достижениях, несмотря на то, что успех проектной деятельности имеет коллективный характер.

Эффективность деятельности команды во многом определяется индивидуальными различиями объединившихся в неё людей, что определяет ценность каждого члена команды. Каждый её участник играет в процессе командной работы определённую роль или группу ролей, что определяет вклад данного участника команды в результаты совместной проектной деятельности. Каждая роль требует от её носителя определённых важных для реализации проекта личных качеств и профессиональных компетенций, что обуславливает значимость для деятельности команды того или иного работника.

Проведённый нами анализ показал, что на сегодняшний день существует большое количество классификаций командных ролей. Но в основу этих классификаций положен один из двух принципов: функциональный или социально-психологический. Функциональный принцип предусматривает выделение ведущей содержательной деятельности, которую осуществляет тот или иной участник проектирования. Например, в музыкальном проекте участвуют режиссёр, певцы, аккомпаниаторы, звукорежиссёр, гримёры и другие специалисты, выполняющие разнообразные функции. Социально-психологический принцип предусматривает выделение членов команды по основанию их специфического вклада в совместную деятельность. Так, М. Б. Курбатова, М. И. Магура и

В. В. Травин выделили восемь универсальных ролей, которые есть в каждой проектной команде¹. К их числу относятся роли лидера, организатора команды, эмоционального лидера, генератора идей, критика идей, практика, разведчика (ответственного за внешние контакты) и контролёра.

Ценность каждого из носителей той или иной командной роли заключается в его особых функциональных или социально-психологических характеристиках, необходимых для достижения результативности командной работы. Причём их важность для команды компенсирует определённые слабые стороны, органически присущие носителю той или иной командной роли. Так, для человека, играющего в проектной команде роль генератора идей, характерны недостаток практичности, недостаточная конкретность в суждениях, низкая способность к установлению доверительных отношений. Однако эти недостатки компенсируются его умениями выдвигать новые идеи, по-новому смотреть на уже выполняемую работу и наличием высокого уровня развитости практичности, кон-

кретности и коммуникабельности у других членов проектной команды.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод о решающем значении ценностно-целевых и мотивационных компонентов социального проектирования в достижении проектных результатов. Оно обусловлено ролью человека как ценности-цели проектной деятельности.

Ключевыми смыслами проектной деятельности являются общественная польза и удовлетворение потребностей участников проектов, которые диалектически взаимосвязаны. Достижение гармонии между общественной пользой проекта и его ориентацией на потребности и цели участников проектирования, признание человека в качестве ценности на протяжении всех этапов проектирования, что проявляется, прежде всего, в рамках командной проектной деятельности, выступают в качестве аксиологических условий успешности реализации проекта и его внедрения в повседневную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кэмпбелл К. Управление проектами на одной странице. М.: Диалектика, 2009. 160 с.
2. Белбин М. Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач. М.: НИРО, 2003. 315 с.
3. Ушаков К. М. Развитие организации: в поисках адекватных теорий. М.: ИФ Сентябрь, 2004. 192 с.
4. Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии в современной высшей технической школе: коллективная монография / под ред. Г. В. Бариновой, А. Б. Бакурадзе, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2018. 223 с.
5. Античные философы (свидетельства, фрагменты, тексты) / сост. А. А. Аветисян. Киев: Издательство государственного университета, 1955. 314 с.
6. Губман Б. Л., Ануфриева К. В. Герменевтика и учение И. Канта: рефлексивная способность суждения в формировании смыслового горизонта мира человека // *Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы международной научно-методической конференции (Воронеж, 24–25 апреля 2024 г.)*. Воронеж: Истоки, 2024. С. 99–103.
7. Адизес И. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует / пер. Т. Гутман. М.: Альпина Паблишер, 2021. 264 с.
8. Бакурадзе А. Б. Аксиология управления социальной организацией. М.: Русайнс, 2024. 262 с.
9. Джордж Дж. М. Джоунс Г. Р. Организационное поведение. Основы управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 463 с.
10. Паньшин А. И. Средний класс: история определения // *Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.)*. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 312–315.
11. Михалкин Н. В. Закономерности оптимальной организации общества и принципы, нормы эффективного управления этим процессом // *Вестник Тверского государственного университета*.

¹ См.: Курбатова М. Б., Магура М. И., Травин В. В. Развитие управленческого потенциала: учебно-практическое пособие. М.: Дело, 2004. 128 с.

Серия: Философия. 2022. № 4 (62). С. 46–55. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.046.

12. Михалкин А. Н. Динамика изменения и исполнения социальных обязанностей государственной властью России в XX – XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 26 с.

REFERENCES

1. Campbell, K. (2009). *The One-Page Project Manager: Communicate and Manage Any Project with a Single Sheet of Paper*. Moscow: Dialectics Publ. (in Russ.).
2. Belbin, M. (2003). *Management Teams. Secrets of Success and Causes of Failures*. Moscow: HIPPO Publ. (in Russ.).
3. Ushakov, K. M. (2004). *Organization Development: in Search of Adequate Theories*. Moscow: IF September Publ. (in Russ.).
4. Barinova, G. V., Bakuradze, A. B. & Klimov, S. N., eds. (2018). *E-learning and Distance Educational Technologies in Modern Higher Technical School*. Moscow: Russian University of Transport Publ. (in Russ.).
5. Avetisyan, A. A., comp. (1955). *Ancient Philosophers (testimonies, fragments, texts)*. Kyiv: State University Publishing House (in Russ.).
6. Gubman, B. L. & Anufrieva, K. V. (2024). Hermeneutics and the Teachings of I. Kant: Reflective Capacity of Judgment in the Formation of the Semantic Horizon of the Human World. In: *Philosophy and Culture in the Humanitarian Discourse: Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference (Voronezh, April 24–25, 2024)*. Voronezh: Istoki Publ., pp. 99–103 (in Russ.).
7. Adizes, I. (2021). *The Ideal Executive*. Moscow: Alpina Publisher (in Russ.).
8. Bakuradze, A. B. (2024). *Axiology of Social Organization Management*. Moscow: Rusains Publ. (in Russ.).
9. George, J. M. & Jones, G. R. (2003). *Organizational behavior. Fundamentals of management*. Moscow: UNITY-DANA Publ. (in Russ.).
10. Panshin, A. I. (2022). Middle class: history of definition. In: *Philosophical and methodological problems of the study of Russian society: collected papers of the V International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Russian University of Transport Publ., pp. 312–315 (in Russ.).
11. Mikhalkin, N. V. (2022). Patterns of optimal organization of society and principles, norms of effective management of this process. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 4 (62), 46–55. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.046 (in Russ.).
12. Mikhalkin, A. N. (2025). *Dynamics of Change and Fulfilment of Social Duties by the State Authorities of Russia in the 20th – 21st Centuries* [dissertation]. Moscow, 2025 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакурадзе Андрей Бондович (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики непрерывного казачьего образования Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета); e-mail: bondovich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey B. Bakuradze (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Theory and Practice of Continuing Cossack Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University); e-mail: bondovich@mail.ru

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-75-85

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПОДХОДЫ, ИДЕОЛОГЕМЫ

Гурьянова А. В.^{1*}, Тимофеев А. В.²

¹Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.01.2025

После доработки 25.02.2025

Принята к публикации 12.03.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать концепцию традиционных ценностей через призму различных существующих подходов к её интерпретации, а также в контексте базовых идеологем, мировоззренчески обусловивших её формирование.

Процедура и методы. В работе последовательно рассматривается путь современного российского общества к концепции традиционных ценностей, начавшийся с осознания дефицита «духовных скреп» и завершившийся утверждением на законодательном уровне их развёрнутого перечня. Анализируются различные подходы к интерпретации традиционных ценностей, начиная с деструктивных, по разным причинам отказывающих им в смысловой значимости и актуальности, и заканчивая конструктивными, трактующими ценности с конкретно-исторических или более ёмких философских позиций. Выделяются и анализируются наиболее значимые идеологемы как мировоззренческие основания концепции традиционных ценностей. Для реализации заявленных направлений исследования в работе комплексно применяются методы анализа и синтеза, исторический и логический методы, диалектический метод, системный метод, методы аналогии и экстраполяции.

Результаты. В исследовании показано, что в отношении перечня российских традиционных ценностей существуют различные интерпретационные подходы, наиболее продуктивным из которых признан философский подход, ориентирующий на максимально ёмкое, интегративное восприятие искомого феномена. Формирование традиционных ценностей связано с рядом обусловивших их мировоззренческих оснований – идеологем, важнейшими из которых представляются «Москва – Третий Рим» и «Православие. Самодержавие. Народность». Данные идеологемы на долгое время предопределили вектор развития России, специфику национального сознания её народа и формирующуюся у него систему ценностей. Их можно считать полноценным воплощением «русского духа», который направлял народ России на протяжении всего пути его исторического развития, гарантировал сохранность его фундаментальных мировоззренческих констант при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с рассмотрением традиционных ценностей с позиций различных сложившихся подходов к их интерпретации и критической оценкой этих подходов. Теоретически значимым является также осмысление мировоззренческих оснований традиционных ценностей в формате обусловивших их появление идеологем. Практическая значимость исследования обусловлена самой рассматриваемой в нём проблематикой – традиционными ценностями, представляющими собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, выступающие фундаментом развития современного российского общества. Рассмотрение традиционных ценностей как

коллективных представлений о самом важном и значимом для нашего народа способствует их интеграции в сознание и мировоззрение россиян, превращает их в практическое руководство к действию для граждан современной России.

Ключевые слова: идеологема, «Москва – Третий Рим», Россия, традиционные ценности, триада Уварова, Указ № 809

Для цитирования:

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Традиционные ценности: концепция, подходы, идеологемы // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 75–85. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-75-85>.

Original research article

TRADITIONAL VALUES: CONCEPTION, APPROACHES, IDEOLOGEMES

A. Guryanova¹, A. Timofeev²

¹Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

²Samara National Research University, Samara, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Received by the editorial office 15.01.2025

Revised by the author 25.02.2025

Accepted for publication 12.03.2025

Abstract

Aim. To analyze the concept of traditional values through the prism of various existing approaches to its interpretation, as well as in the context of the basic ideologemes that led to its formation.

Methodology. The study consistently examines the path of modern Russian society towards the conception of traditional values, beginning from realization of the shortage of “spiritual staples” and finishing with approval of their detailed list at the legislative level. Various approaches to the interpretation of traditional values are analyzed, starting with destructive ones that deny them conceptual significance and relevance for various reasons, and ending with constructive ones that interpret values from concrete-historical or more wide philosophical positions. The most significant ideologemes are identified and analyzed as the worldview foundations of the conception of traditional values. To realize the stated research directions, the methods of analysis and synthesis, historical and logical methods, dialectical method, systematic method, methods of analogy and extrapolation are complexly applied.

Results. The study shows that there are various interpretive approaches to the list of Russian traditional values. The most productive of them is the philosophical approach, which focuses on the most wide, integrative perception of the analyzed phenomenon. The formation of traditional values relates to several worldview foundations, the most important of them are “Moscow – the Third Rome” and “Orthodoxy. Monarchy. Nationality”. For a long time, these ideologemes determined the vector of Russia’s development, the specifics of the national consciousness of its people and the value system they were forming. They can be considered a full embodiment of the “Russian spirit”, which guided the people of Russia throughout the entire path of its historical development, guaranteed the safety of its fundamental worldview constants under any, and even the most unfavorable circumstances.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the consideration of traditional values from the standpoint of various modern approaches to their interpretation and a critical assessment of these approaches. It is also theoretically significant to comprehend the worldview foundations of traditional values in the format of the ideologemes that led to their appearance. The practical significance of the research is due to the very topic of consideration – traditional values, that are the

moral guidelines determining the worldview of Russian people, forming the foundation for the development of modern Russian society. Considering traditional values as the most important and significant for our people collective representations helps to integrate them into the consciousness and worldview of Russians, turns them into a practical guideline for actioning in modern Russia.

Keywords: ideologeme, “Moscow – the Third Rome”, Russia, traditional values, Uvarov’s triad, Decree no. 809

For citation:

Guryanova A. V., Timofeev A. V. (2025). Traditional Values: Conception, Approaches, Ideologemes. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, pp. 75–85. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-75-85>.

Введение

Важнейшей исторической вехой в возрождении и укреплении традиционных ценностей в современной России стало 9 ноября 2022 г., когда Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. В тексте указа традиционные ценности трактуются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»².

Следует подчеркнуть, что мировоззренческая потребность в формировании системы ценностей, способных реализовать функцию полноценных мировоззренческих ориентиров в развитии современного российского общества, к тому же, неразрывно связанных с прошлым страны, её историей и культурой, ощущалась уже давно.

На пути к формированию концепции

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.02.2025).

² Там же.

традиционных ценностей

«Запрос» на утверждение и принятие традиционных ценностей, составляющих в совокупности «...основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»³, появился задолго до подписания соответствующего Указа. Так, уже в 2012 г. в Послании Президента В. В. Путина Федеральному Собранию было озвучено столь часто цитируемое и востребованное впоследствии понятие «духовные скрепы» [1, с. 123].

Комментируя его, президент России указал, что «...сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»⁴. Тогда же, в 2012 г., была принята «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года»⁵, в которой был чётко прописан курс на сохранение «традиционных духовно-нравственных ценностей». Однако пока ещё не было конкретизировано, что именно

³ Там же.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/17118> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 21.02.2025).

подразумевается под ценностями, обозначенными как «духовно-нравственные» и «традиционные».

Начиная с этого времени (2012 г.), появился целый ряд научных работ по данной тематике [2–8]; сам термин «традиционные ценности» прочно вошёл в категориальный аппарат гуманитарных наук и смежных областей научного знания, в систему российского законодательства, в обыденную разговорную речь. А Президент В. В. Путин начал обращаться к проблематике традиционных ценностей практически в каждом своём публичном послании и выступлении. Так, например, в Послании Президента Федеральному Собранию в последующем 2013 г. лидер государства указал, что Россия «возвращается к себе», выступает против пересмотра норм морали и нравственности, против стирания национальных традиций, против «признания равноценности добра и зла»¹.

В 2020 г. в главный закон страны были внесены одобренные общероссийским голосованием поправки, что нашло отражение, в частности, в п. 1, пп. в) ст. 114 Конституции РФ: «Правительство Российской Федерации ... обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области ... поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей...»². И, наконец, в 2022 г. в рамках упоминавшегося выше президентского Указа № 809 был представлен развёрнутый перечень традиционных ценностей, состоящий из 17-ти наименований, в число которых были включены «...жизнь, достоинство, права и свободы человека, па-

триотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»³.

Обратим внимание на то, что в тексте Указа, по-видимому, целенаправленно, не приводятся комментарии по поводу обозначенного количества и содержательного наполнения названных ценностей. Отсутствует также чёткая расшифровка закладываемого в них смысла и значения. С одной стороны, такое отсутствие определённости провоцирует множественность и неоднозначность интерпретаций, но с другой – оставляет простор для свободной творческой рефлексии по поводу сущности, исторического контекста и современного понимания традиционных духовно-нравственных ценностей.

Деструктивные подходы к интерпретации традиционных ценностей

Практически сразу после обнародования текста Указа, содержащего перечень традиционных российских ценностей, в СМИ появился целый ряд публикаций, содержащих предвзято-критическую (а иногда и сугубо негативную) оценку данной законодательной инициативы. Так, например, в одной из них, принадлежащей авторству Т. Решетова, прямо декларируется, что «...традиционные ценности сегодня не имеют смысла», поскольку они слишком «общие», слишком «спорные», «вызывают вопросы» и представляют собой не что иное, как «...очередной инструмент манипуляции обществом». Кроме того, в списке ценностей, приведённых в Указе, по мнению автора данных комментариев, якобы, вообще «...нет ничего особо традиционного»⁴.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 21.02.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 114 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/0b3885e36003852fe32df6bcfedcdbc6e7e85e (дата обращения: 21.02.2025).

³ Там же.

⁴ Решетов Т. Почему традиционные ценности се-

Приведённые и подобные им утверждения в большинстве своём апеллируют к упрощённому пониманию ценностей в соответствии с принципом «...традиционные ценности возможны только в традиционном обществе»¹, а потому они а priori не могут быть адаптированы к нашей современности, т. е. традиция воспринимается как нечто архаичное, использовавшееся нашими первобытными предками, отражавшее их представления о жизни и потому сегодня абсолютно неуместное. В таком духе выдержано, например, следующее определение: «Традиционные ценности – это ... ценности, основанные на традициях, то есть на архаичных установках, которые были приняты определённой этнической, социальной или религиозной группой людей ещё в древности и по которым жили на протяжении веков»².

Трактуемые таким образом «традиционные ценности» оказываются сродни «замшелым и дремучим предрассудкам», абсолютно «...не согласующимся с современными гуманистическими ценностями». На этом основании автор приведённых суждений Е. Барагузина высказывается «...против традиционных ценностей и за общечеловеческие идеалы»³. Подобный подход, что вполне очевидно, является ограниченным и деструктивным: в нём не учитывается принципиально важный факт изменчивости традиции, да и сама традиция, связываемая исключительно с абсолютизацией и распространением аксиологической архаики на современность, понимается предвзято и односторонне.

В противоположность такому не выдерживающему конструктивной критики подходу большинство современных учёных ориентированы на взвешенное и вдумчивое изучение искомого феномена

– традиционных ценностей, сознательно дистанцируясь от их экстремально максималистических и альтернативных оценок.

Конструктивные подходы к интерпретации традиционных ценностей

Традиционные ценности могут трактоваться в качестве «...базовых, фундаментальных и системообразующих для функционирования общества ценностей», выступать «...основой идентификации личности и общества в системе взаимоотношений с другими личностями и обществами»⁴. Они представляют собой «...специфический, характерный для конкретной общественно-исторической формы социальной организации набор нормативных требований, служащий основой нормативной регуляции социальной жизни»⁵. А если характеризовать традиционные ценности в «привязке» к реалиям современной России, – «...это наши коллективные представления о самом важном, самом значимом, самом “ценном” для нас, которые являются фундаментом для российского общества»⁶.

За последние несколько лет уже неоднократно предпринимались попытки интерпретации ценностей через призму христианского вероучения, что вполне оправдано, поскольку именно православие в современном российском обществе отведена «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей»⁷.

⁴ Традиционные ценности [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/traditsionnye-tsennosti-34c7a2> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵ Там же.

⁶ Асафов А. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]. URL: <https://asafov.ru/spec/traditio> (дата обращения: 21.02.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.02.2025).

годня не имеют смысла? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y7NKbIoLDjrNhVPR> (дата обращения: 21.02.2025).

¹ Там же.

² Барагузина Е. Почему я против традиционных ценностей и за общечеловеческие идеалы [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Xt1aLtgNnhO30DwE> (дата обращения: 21.02.2025).

³ Там же.

С позиций их православно-ориентированной интерпретации традиционные ценности рассматривались как «духовно-нравственные ориентиры, присущие тысячелетней традиционной культуре народов России, во главе с её государствообразующим русским народом»¹.

Проводилось также изучение традиционных ценностей в общем контексте нормативно-правового поля, где они интерпретировались исследователями в качестве «основы конституционных ценностей» [9, с. 97]. Осуществлялась их «правовая транслитерация» [10, с. 122], предполагающая выполнение ими следующего «функционального назначения: очертить круг духовных ориентиров и нравственных идеалов, которые имеют значение в общегосударственном масштабе как основа для разработки, реализации управленческих решений и их широкой общественной поддержки» [10, с. 127].

Заявлялся и более широкий, а именно междисциплинарный, подход к изучению традиционных ценностей [11, с. 169], который, тем не менее, сперва ограничивался рассмотрением вопроса о роли ценностей в процессе глобализации, а также разбором их религиозной и законотворческой составляющих. Проводились и более глубокие, интегративные исследования всей совокупности традиционных ценностей с привлечением исторического, общекультурного, политического, религиозного, историософского и прочего иллюстративного материала. Так, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, архим. Сильвестр (С. П. Лукашенко) проанализировали «традиционные ценности как основу нового мировоззренческого строительства России» [12, с. 1], раскрыв при этом их «связь с российской цивилизационной традицией» и придерживаясь «общей

смысловой непротиворечивости выдвигаемого Указом № 809 перечня» [12, с. 165].

Не умаляя значимости уже проведённых в этой области научных исследований, полагаем, что наиболее востребованной в условиях современности является интерпретация комплекса традиционных ценностей, представленных в Указе 2022 г., в максимально широком и ёмком философско-мировоззренческом формате, объединяющем и вовлекающем в качестве частных моментов всё многообразие конкретно-ориентированных аспектов интерпретации ценностей, включая православно-религиозный, нормативно-правовой и др. Тем более, что потребность «подведения» под ценности подобного рода мировоззренческого фундамента отчётливо ощущается, что находит отражение даже у критически настроенных авторов, считающих, что «...в основании всей данной концепции нет единой философской базы. Предложенный набор понятий может быть истолкован как угодно в зависимости от ситуации и предпочтений трактователей, и всякое толкование придётся считать допустимым»².

В противовес критикам следует заметить, что «философская база» у концепции российских традиционных ценностей, несомненно, имеется, хотя она, естественно, не единообразна, как и сама философия. Философская рефлексия ценностной проблематики, как, собственно, и любой другой темы, выступающей объектом философского осмысления, не предполагает однозначных решений, а ориентирует на плюрализм и субъективизм предлагаемых истолкований. К опыту философской рефлексии традиционных ценностей могут быть привлечены не только результаты экзистенциально-патриотических исканий современной России на пути обретения ею цивилизационной идентичности, но и обширный, наработанный в этой области опыт русской истории и филосо-

¹ Цыбизов Е. А. Словарь традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/05/29/slovar_tradicionnyh_rossiiskih_duhovnonravstvennyh_cennostei (дата обращения: 21.02.2025).

² Решетов Т. Почему традиционные ценности сегодня не имеют смысла? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y7NKbIoLDjrNhVPR> (дата обращения: 21.02.2025).

фии, в том числе дореволюционной философии и постреволюционной эмиграции (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин). Сюда же в качестве мировоззренческих предпосылок могут быть отнесены и некоторые устойчивые, исторически оформившиеся идеологемы, во многом предопределившие облик русской цивилизации и свойственного ей «культурного кода» [13].

Рассмотрим более подробно мировоззренческие основания, обусловившие появление концепции российских традиционных ценностей в её современном варианте.

Основные идеологемы как мировоззренческие основания традиционных ценностей

Мировоззренческими основаниями концепции традиционных ценностей в её современном варианте можно считать ряд устойчивых, исторически сформировавшихся идеологем, которые долгое время определяли (а во многом и сегодня определяют) специфику национального самосознания и цивилизационной идентичности России. Наиболее известными из подобного рода ценностно-формирующих и цивилизационно-конструирующих идеологем можно считать следующие: «Москва – Третий Рим» и «Православие. Самодержавие. Народность».

Как известно, идеологема «Москва – Третий Рим» ведёт своё начало с первой половины XVI в., когда она впервые начала фигурировать в посланиях монаха Филофея, обращённых в том числе к Василию III – великому князю Московскому. В своих посланиях Филофей пространно рассуждал об антагонистичности, принципиальной противопоставленности современной ему Руси и католических западных государств: «...Все христианские царства пришли к концу, и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать»¹.

¹ Послания старца Филофея. 1523–1524 гг.

«Третий Рим» – это, собственно, и есть Русь времён Филофея, понимавшаяся им как хранительница истинной православной веры, которую она была призвана нести всему миру, противопоставляя себя при этом окончательно погрязшим в грехах и ереси католическим странам – говоря современным языком, «коллективному Западу».

Предшествующий «Второй Рим» в глазах тогдашнего русского общества – Константинополь, вплоть до XV в. воспринимавшийся русским народом и его правителями в качестве единственного и безоговорочного лидера – политического и духовного. В духовном плане Русь была полностью подчинена Вселенской власти Константинопольского патриарха, а в сфере политической – византийскому императору, выступавшему в роли верховного блюстителя социальной правды и порядка. Однако со временем авторитет Византии пошатнулся; свойственные ей претензии на роль единственной хранительницы заветов православного вероисповедания были поставлены под вопрос; параллельно с этим было утрачено и право на политическое верховенство. «Третьим Римом» со всеми вытекающими отсюда последствиями (полномочиями и обязанностями) стала осознавать себя православная Русь.

Идеологема восприятия Руси как «Третьего Рима» на долгие годы предопределила ведущие «ценности» русского национального сознания, сам вектор развития российской государственности. Именно из этой идеологемы выросли принципиально важные для нашей самоидентификации идеи, такие как: осознание себя Святой Русью, а затем Великой Россией; принятие своего духовного лидерства среди прочих народов и цивилизаций, что особенно ярко проявилось (и проявляется) в экзистенциальном противостоянии с Западом; бескомпромиссное признание особого сакрального статуса российского правителя-самодержца и мессианского, богоизбранного пути всего русского народа. Данные

[Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13626> (дата обращения: 21.02.2025).

мировоззренческие установки в их различных интерпретациях прошли через всю последующую историю славянофильства, где они периодически возобновлялись и дополнялись, например, представлениями о принадлежности к великому народу, о русском духе, русской идее и др.

Ещё одной мировоззренчески значимой в контексте формирования концепции традиционных ценностей идеологемой, логически продолжившей начинание Филофея, но уже в новых исторических реалиях, стала знаменитая формула «Православие, самодержавие, народность» [14]. Её автор, граф С. С. Уваров, занявший в 1833 г. пост министра народного просвещения России, выступил с предложениями, «могущими служить руководством» при управлении вверенным ему министерством и всей подведомственной системой российского образования первой половины XIX в. Суть образовательной деятельности, ориентированной на воспитание поколений настоящего и будущего, виделась С. С. Уварову «в соединённом духе Православия, Самодержавия и Народности» и представлялась как одна из «главнейших потребностей времени»¹.

На первый взгляд, «Триада Уварова» – не что иное, как перефразировка известного военного призыва «За Веру, Царя и Отечество!» Вместе с тем данная формула содержательно антагонистична и несёт в себе вызов западному лозунгу времён Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство!» В дальнейшем из данного противостояния выросло официально на государственном уровне признаваемое различие России и Европы, коллективизма и индивидуализма, самодержавия и либерализма, что стало прецедентом, начиная со времён Петра Великого. Согласно С. С. Уварову, именно православная вера, преданность монарху

и любовь к Отечеству способны в своей совокупности помочь России избежать революционных потрясений, подобных французским, стать для неё фундаментом прогрессивного и устойчивого развития.

Православная вера, самодержавие и народность – «собственные начала России ..., без коих она не может благоденствовать, усиливаться и жить»². Поэтому они должны всячески поощряться и поддерживаться властью предрержащими. Без православия, «без любви к Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена...»³. Самодержавие, в понимании С. С. Уварова, есть «главное политическое условие существования России ... Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне...», а «дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее»⁴.

Очевидно, что все три компонента уваровской формулы неразрывно связаны, предполагают и дополняют друг друга. В своей совокупности они могут считаться полноценным воплощением «русской идеи», возрождение которой как раз и было замыслом министра народного просвещения, стремящегося противостоять «всеобщему падению религиозных и гражданских учреждений ..., повсеместному распространению разрушительных начал»⁵. С. С. Уваров стремился повернуть Россию лицом к векам формировавшемуся, а значит, привычному и естественному для русского народа укладу, к традиционной для него системе ценностей. Такая мировоззренческая установка была, по существу, консервативной, хотя и не предполагала полной изоляции России от стран Запада, категоричного неприятия ей всего европейского.

¹ Уваров С. С. Православие, Самодержавие, Народность. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством, Народного Просвещения [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/doc/portall/details.php?ID=180854&IBLOCK_ID=67 (дата обращения: 02.03.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Речь у С. С. Уварова, скорее, идёт о том, чтобы «приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу», т. е. творчески переосмыслить ведущие достижения европейской цивилизации с целью их дальнейшей интеграции в реалии российской действительности. Через признание отличия России от Европы и осознание безусловной специфики самой России министр народного просвещения планировал выстроить продуктивную, т. е. не вредящее самобытности самой России взаимодействие с Западом. Последнее предполагало выработку умения «...идти в ногу с Европой и не удалиться от нашего собственного места, ... взять от просвещения лишь то, что необходимо для существования великого государства, и решительно отвергнуть всё то, что несёт в себе семена беспорядка и потрясений»¹.

Таким образом, идеологема «Православие, самодержавие, народность» стала обобщённым выражением мировоззренческой позиции русского консерватизма первой половины XIX в., символом того, что народ должен объединиться вокруг правителя-самодержца на основе безусловной и истинной православной веры. Если самодержавие у С. С. Уварова – политическая форма русской государственности, православие – её духовное содержание, то народность является той основой, без которой не могут существовать ни первое, ни второе. Именно народность придаёт им национальный облик и колорит, будучи воплощением того самого «русского духа», который вёл и направлял русский народ на протяжении всего пути его исторического развития, гарантировал сохранность его фундаментальных мировоззренческих констант при любых, пусть даже самых неблагоприятных обстоятельствах.

¹ Уваров С. С. Православие, Самодержавие, Народность. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством, Народного Просвещения [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/doc/portall/details.php?ID=180854&IBLOCK_ID=67 (дата обращения: 02.03.2025).

Заключение

Подводя итоги проведённому исследованию, отметим, что в настоящее время имеют хождение разные теоретические подходы к интерпретации традиционных ценностей: деструктивные подходы по разным причинам отказывают данному виду ценностей в смысловой значимости и актуальности; конструктивные – трактуют ценности с конкретно-ориентированных позиций, например, в формате православно-религиозного или нормативно-правового поля, либо содержат попытки их интегративной и междисциплинарной интерпретации. Наиболее востребованным в современных условиях считаем философский подход – максимально широкий и ёмкий, объединяющий и вовлекающий в себя в качестве частных моментов всё многообразие конкретно-ориентированных вариантов интерпретации ценностей. Именно философский подход подразумевает «подведение» под концепцию традиционных ценностей столь необходимого для неё мировоззренческого фундамента.

Мировоззренческими основаниями современной концепции традиционных ценностей в её законодательно закреплённом формате можно считать ряд устойчивых, исторически сформировавшихся идеологем, которые долгое время определяли (а во многом и сегодня определяют) специфику национального самосознания и цивилизационной идентичности России. Наиболее известными из подобного рода ценностно-форматирующих и цивилизационно-конструирующих идеологем можно считать следующие: «Москва – Третий Рим» Филофея и Триаду С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». Данные идеологемы на долгое время предопределили вектор развития России, специфику национального сознания её народа и формирующуюся у него систему ценностей. Их можно считать полноценным воплощением «русского духа», который направлял народ России на протяжении всего его исторического пути, гарантировал сохранность его фундаментальных мировоззренческих констант при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский М. А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2 (8). С. 123–131.
2. Бислер М. А. Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012–2022 годов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12.
3. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. 2023. № 4 (111). С. 67–93. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93.
4. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Об исторической миссии России в контексте цивилизационного подхода // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 84–94. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-84-94.
5. Кропачев Н. М., Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306. DOI: 10.21638/spbu14.2023.201.
6. Просветительская работа по защите и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / сост. В. Г. Новиков. М.: Издание Государственной Думы, 2024. 112 с.
7. Седаев П. В., Устинкин С. В., Кочкуров А. С. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности // Власть. 2022. Т. 30. № 4. С. 43–46.
8. Тимофеев А. В. Морфология цифровой аксиосферы: особенности функционирования и динамика ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 3 (69). С. 132–145. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.102.
9. Рудакова О. Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 97–99. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_4_97.
10. Чирков Ф. В. Содержание и назначение традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 15 (4). С. 120–129.
11. Салимова А. Г. Традиционные ценности как предмет междисциплинарных исследований // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 169–175. DOI: 10.34670/AR.2020.20.86.021.
12. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, архим. (Лукашенко С. П.) Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
13. Легчилин В. В. О некоторых базовых мифологемах культурного кода русской цивилизации и поиске новой российской идентичности [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник: [сайт]. 2013. № 4. URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/63.html> (дата обращения: 11.03.2025).
14. Уваров С. С. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Эксмо, 2016. 496 с.

REFERENCES

1. Medushevsky, M. A. (2017). "Spiritual ties" doctrine as the basis for Russian society integration. In: *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, 2 (8), 123–131 (in Russ.).
2. Bislser, M. A. (2023). Traditional Values as a Component of Russian Security: A Study of the Presidential Discourse of 2012–2022. In: *Political Science*, 2, 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12 (in Russ.).
3. Borshchevsky, G. A. (2023). Traditional Russian Values: Institutional Analysis. In: *Polity*, 4 (111), 67–93. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93 (in Russ.).
4. Guryanova, A. V. & Timofeev, A. V. (2024). On the Historical Mission of Russia in the Context of a Civilizational Approach. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 84–94. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-84-94 (in Russ.).
5. Kropachev, N. M. & Arkhipov, V. V. (2023). Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Aspects of Legal Theory. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 14 (2), 294–306. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201> (in Russ.).
6. Novikov, V. G., comp. (2024). *Educational work on the protection and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values*. Moscow: Publication of the State Duma (in Russ.).
7. Sedayev, P. V., Ustinkin, S. V. & Kochkurov, A. S. (2022). Traditional values of conciliarity and sovereignty as one of the foundations for the formation of Russian statehood. In: *Authority*, 30 (4), 43–46 (in Russ.).

8. Timofeev, A. V. (2024). Morphology of the digital axiosphere: features of functioning and dynamics of values. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 3 (69), 132–145. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.102 (in Russ.).
9. Rudakova, O. N. (2023). Legal safeguarding of traditional values as the basis of constitutional values. In: *Law and state: theory and practice*, 4 (220), 97–99. DOI 10.47643/1815-1337_2023_4_97 (in Russ.).
10. Chirkov, F. V. (2023). Content and purpose of traditional Russian spiritual and moral values. In: *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 15 (4), 120–129 (in Russ.).
11. Salimova, A. G. (2020). Traditional values as a subject-matter of interdisciplinary research. In: *Culture and civilization*, 10, 3A, 169–175. DOI: 10.34670/AR.2020.20.86.021 (in Russ.).
12. Baghdasaryan, V. E., Ierusalimsky, Yu. Yu. & Silvester, arhim. (Lukashenko S. P.) *Traditional Values as the Basis for the New Worldview Construction of Russia*. Yaroslavl: Shukaeva i semya Publ. (in Russ.).
13. Legchilin, V. V. (2013). On Some Basic Mythologemes of the Cultural Code of Russian Civilization and the Search for a New Russian Identity. In: *Humanitarian Bulletin*, 4. Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/63.html> (accessed: 11.03.2025) (in Russ.).
14. Uvarov, S. S. (2016). *Orthodoxy. Autocracy. Nationality*. Moscow, Eksmo Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна (г. Самара) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского государственного экономического университета;

e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Тимофеев Александр Вадимович (г. Самара) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева;

e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Guryanova (Samara) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Philosophy and History Department, Samara State University of Economics;

e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Alexander V. Timofeev (Samara) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University;

e-mail: timofeev_av@list.ru

Научная статья
УДК 101.1:316
DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-86-99

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ РУССКОГО КОСМИЗМА В ЭРГОДИЗАЙНЕ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кузьменко А. А.

*Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Российская Федерация
e-mail: alex-rt-32@yandex.ru*

Поступила в редакцию 21.10.2024

После доработки дд.мм.гггг

Принята к публикации дд.мм.гггг

Аннотация

Цель. Целью данного исследования является осмысление воплощения идей русского космизма в эргодизайне среды жизнедеятельности.

Процедура и методы. Основные исходные научные знания автор почерпнул из исследований Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира, используя междисциплинарный, системный, социотехноприродный, исторический и эргоцентрический подходы, а также общенаучные методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что русский космизм, представляющий собой уникальное философское направление, ориентированное на интеграцию человека с космосом и природой, оказал существенное влияние на формирование нового научного направления в проектировании среды жизнедеятельности – эргодизайна. Сегодня эргодизайн представляет собой подход, стремящийся к гармонизации взаимодействия человека с прочими элементами системы через создание удобных и безопасных условий жизни. Основная цель эргодизайна, основанного на идеях русского космизма, заключается в создании эргономичных, экологически сбалансированных пространств жизнедеятельности на глобальном, национальном и локальном уровнях, что, в свою очередь, способствует гармонизации общественных и природных процессов. Однако в условиях глобальных вызовов требуется переосмысление методологии эргодизайна. Его вектор должен сместиться в сторону проектирования не просто экологически сбалансированных пространств, а биосфероориентированной предметно-пространственной среды жизнедеятельности, в основе которой лежат природоподобные системы, изделия и технологии. Только такая трансформация эргодизайна способна привести к гармонизации общества, техносферы и биосферы. Статья исследует системные принципы эргодизайна, раскрывает его значение для современного проектирования и рассматривает его культурно-философские аспекты, а также особенности, делающие эргодизайн важным инструментом для гармонизации условий жизнедеятельности в сложном социотехноприродном мире.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в формировании социально философского подхода к осмыслению роли русского космизма в эргодизайне гармоничных предметно-пространственных социотехноприродных сред жизнедеятельности.

Ключевые слова: биосфера, предметно-пространственная среда жизнедеятельности, русский космизм, социально-биосферное развитие, социально-техногенное развитие, эргодизайн

Для цитирования:

Кузьменко А. А. Воплощение идей русского космизма в эргодизайне среды жизнедеятельности // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-86-99>.

Original research article

THE EMBODIMENT OF THE IDEAS OF RUSSIAN COSMISM IN THE ERGODESIGN OF THE LIFE ENVIRONMENT

A. Kuzmenko

Bryansk State Technical University, Bryansk, Russian Federation
e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Received by the editorial office 21.10.2024

Revised by the author 22.12.2024

Accepted for publication 15.01.2025

Abstract

Aim. To comprehend the embodiment of the ideas of Russian cosmism in the ergo-design of the environment of life.

Methodology. The author drew the main initial scientific knowledge from the research of the Bryansk Scientific and Philosophical School of Socio-technological Development of the world, using interdisciplinary, systemic, socio-technological, historical and ergo-centric approaches, as well as general scientific methods.

Results. The analysis showed that Russian cosmism, which is a unique philosophical trend focused on the integration of human with space and nature, had a significant impact on the formation of a new scientific direction in the design of the living environment – ergo-design. Today, ergo-design is an approach that seeks to harmonize human interaction with other elements of the system through the creation of comfortable and safe living conditions. The main goal of ergo-design, based on the ideas of Russian cosmism, is to create ergonomic, ecologically balanced living spaces at the global, national and local levels, which, in turn, contributes to the harmonization of social and natural processes. However, in the context of global challenges, a reconsideration of the ergo-design methodology is required. Its vector should shift towards the design of not just ecologically balanced spaces, but a biosphere-oriented object-spatial environment of vital activity, which is based on nature-like systems, products and technologies. Only such transformation of ergo-design can lead to the harmonization of society, the technosphere and the biosphere. The article explores the systemic principles of ergo-design, reveals its importance for modern design and examines its cultural and philosophical aspects, as well as the features that make ergo-design an important tool for harmonizing living conditions in a complex socio-technological world.

Research implications. The article provides a formation of a socio-philosophical approach to understanding the role of Russian cosmism in the ergo-design of harmonious subject-spatial socio-technological and natural environments of life.

Keywords: biosphere, subject-spatial environment of life, Russian cosmism, socio-biospheric development, socio-technogenic development, ergodesign

For citation:

Kuzmenko A. A. (2025). The Embodiment of the Ideas of Russian Cosmism in the Ergodesign of the Life Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, pp. 86–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-86-99>.

Введение

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400, важным аспектом является сохра-

нение как материального, так и нематериального культурного наследия. Одной из ключевых задач для реализации этой стратегии становится проектирование безопасной и комфортной среды жизнедея-

тельности, где эргодизайн приобретает особое значение как интегративная научная дисциплина, ориентированная на безопасность, функциональность, комфорт и эстетичность окружающей среды [1].

В то же время эргодизайн, объединяя науку, искусство, инновации и традиции, представляет собой «комплексную научно-практическую деятельность по формированию среды жизнедеятельности человека и её элементов» [2, с. 11]. В данном контексте находит отражение рассуждение Л. Д. Чайновой о том, что сегодня среда обитания и жизнедеятельности общества представляет собой городскую среду, а эргодизайн способствует её гуманизации. Учёный отмечает: «эргодизайн городской среды направлен на максимальную гуманизацию предметного мира человека, среды его обитания и жизнедеятельности. В данном случае речь идёт о совершенном с точки зрения человеческих запросов и потребностей предметном окружении, каким является городская среда. Город, являясь искусственной средой обитания, должен соответствовать потребностям и ценностям человека» [3, с. 15]. Можно сделать вывод, что эргодизайн городской среды направлен на максимальное удовлетворение запросов человека, создавая гармоничное и безопасное окружение, в котором город, являясь искусственной средой жизнедеятельности, должен соответствовать духовно-нравственным ценностям общества. Исходя из сказанного становится понятным, что эргодизайн способен не просто формировать безопасную, комфортную, эстетичную и удобную среду жизнедеятельности, но и отражать в ней культурную идентичность и национальные традиции.

В этом контексте важно отметить, что русский космизм выступает как философский базис эргодизайна, объединяя в себе новаторские идеи освоения и гуманизации пространства с традиционными духовными ценностями народа России. Несмотря на важность осознания русского космизма как базы отечественной теории и практики эргодизайнерского проектиро-

вания, этот фундаментальный пласт наследия остаётся недостаточно изученным.

Эволюции общества и человека в идеях русского космизма

С середины XIX в. в России зародилось уникальное направление научно-философской мысли, известное как русский космизм, которое стало неотъемлемой частью духовного возрождения страны. В этом направлении нашли отражение идеи великих русских мыслителей и учёных: Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского и др.

Ключевая идея русского космизма заключалась в том, что человечество должно не только познавать окружающий мир, но и активно участвовать в его преобразовании. На основе данного осмысления в трудах известных учёных не однократно велись рассуждения о дальнейшей эволюции человека, общества и всей жизни. Так, Н. Ф. Федоров в философии «общего дела» предлагал идею, что человечество призвано овладеть силами природы как внешними, так и внутренними, с целью их регулирования и преобразования. Исторически человек расширял своё влияние на природу путём использования искусственных инструментов, которые заменяли и расширяли его естественные органы. Однако, по его мнению, в будущем человечество должно овладеть силами природы с помощью не технических средств, а глубокого духовного и научного понимания мира и его закономерностей. Только тогда человек сможет не просто покорять природу, но и становиться её активным создателем и преобразователем [4, с. 80].

Идея Н. Ф. Федорова заключалась в том, что в будущем человек сможет создавать себе новые «творческие» органы, которые будут гибко изменяться в зависимости от среды обитания и задач. В отличие от традиционного противопоставления естественного и искусственного, Н. Ф. Федоров предлагал искать гармонию между этими двумя подходами. В этом он видел путь к преодолению ограничений биологической

природы человека, который позволит ему максимально адаптироваться и развиваться, не прибегая к чрезмерной зависимости от внешних технических приспособлений.

В начале XX в. в научной и философской мысли активно развивалась идея о переходе биосферы к новому состоянию – ноосфере, что отражало изменяющуюся роль человека в планетарных процессах. Понятие «ноосферы», введённое французским философом Э. Леруа в 1927 г., основывалось на представлениях В. И. Вернадского о биогеохимических явлениях, которые были ключевыми для функционирования биосферы. Э. Леруа и его современник, философ и палеонтолог Тейяр де Шарден, предположили, что ноосфера является современной стадией эволюции биосферы. В. И. Вернадский, разделяя это видение, рассматривал ноосферу как новое геологическое явление, в котором человек впервые становится мощной геологической силой, способной радикально изменять окружающую природную среду. По его мнению, человечество, используя научные знания и разум, может не только управлять природными процессами, но и перестраивать биосферу в соответствии с идеалами гармонии и устойчивого развития [5].

Основная мысль концепции ноосферы, по В. И. Вернадскому, заключается в том, что ноосфера – это результат взаимодействия человеческого разума, науки и культуры с природной средой. Это не просто новый этап в эволюции биосферы, а качественно иное состояние, в котором человечество осознаёт свою ответственность за будущее планеты и стремится к гармоничному сосуществованию с природой. В условиях ноосферы человек перестаёт быть просто потребителем ресурсов биосферы и становится активным творцом, стремящимся к сохранению и развитию природной среды на основе высших моральных и научных ценностей.

В. А. Усольцев, анализируя становление и развитие русского космизма, в книге «Русский космизм и современность» выделяет основополагающую и новаторскую идею активной эволюции общества, кото-

рая, как отмечает С. Г. Семенова, подразумевает сознательное направление человечеством развития, основанное на разуме и нравственных принципах [6]. Эта концепция, восходящая к В. И. Вернадскому и его учению о ноосфере, стала фундаментом для формирования ноосферного подхода в градостроительстве в 1990-е гг. Стратегия устойчивого развития России 1996 г. закрепила стремление к гармоничным отношениям между обществом и природой, рассматривая переход к ноосфере как сверхдолгосрочный этап эволюции.

Ю. В. Олейников и А. А. Оносов в работе «Ноосферный проект социоприродной эволюции» описывают русский космизм как значимое духовное и философско-проективное явление. Центральной идеей космизма является понимание планетарной функции социального человечества, основанное на признании геологического и космического значения общественной истории и её связи с глобальными процессами развития мира [7].

Основная идея В. И. Вернадского заключается в том, что человеческая деятельность, основанная на достижениях науки и знаний, способна преобразовать биосферу, сохраняя её и улучшая для поддержания жизнедеятельности растущего социума. Однако, как отмечает Е. А. Дергачева, в первой половине XX в. Вернадский наблюдал «мягкую» (по классификации Э. С. Демиденко) [8, с. 57–59] социализацию биосферы, когда технологии и методы ведения сельского хозяйства улучшали условия жизни на Земле, не нанося существенного вреда природным экосистемам. Учёный считал, что в этом процессе гармоничного взаимодействия человека и природы формируется улучшенная биосфера, называемая им ноосферой, которая станет итогом естественной эволюции [8]. Е. А. Дергачева также обращает внимание на то, что В. И. Вернадский не мог предвидеть стремительного перехода от «мягкой» социализации биосферы к агрессивному техногенному воздействию на природу, которое началось во второй половине XX в. Развитие техносферы, на-

целенное на быстрое и массовое использование природных ресурсов и внедрение новых, чуждых природе технологий, привело к глобальным экологическим изменениям, разрушительным для биосферы.

Таким образом, современная ноосфера в отличие от той, что видел В. И. Вернадский, предстаёт как техногенная социоприродная система, характеризующаяся глубокими противоречиями, о чём пишут учёные признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира, работающей при Брянском государственном техническом университете с начала века [9]. К научно-философскому коллективу данной школы относится и автор статьи. Технологическое развитие, направленное на удовлетворение потребностей общества, всё чаще идёт вразрез с принципами устойчивого взаимодействия с биосферой. Это приводит к экологическим кризисам, истощению природных ресурсов и нарушению естественных процессов, которые обеспечивают жизнь на Земле.

Ноосфера, по замыслу В. И. Вернадского, должна была стать не разрушительной, а созидательной силой, ведущей к гармонизации отношений человека с природой. Сегодняшняя реальность, однако, требует пересмотра этого видения, учитывая последствия техногенного воздействия. Для сохранения биосферы и её восстановления необходимо переосмысление роли технологий и возвращение к принципам биосфероориентированных технологий, которые позволяют сосуществовать с природой, не разрушая её.

Философские взгляды К. Э. Циолковского, одного из пионеров космической мысли, до сих пор недостаточно исследованы и оценены в контексте ноосферных идей [10]. Как отмечает В. П. Зинченко и В. М. Мунипов¹, в своих трудах, особенно в неопубликованной работе «Разум и звёзды», К. Э. Циолковский рассматривал

мысль как ключевой фактор эволюции космоса, утверждая, что разумные существа оказывают влияние на устройство Вселенной. Этот тезис подчёркивает его веру в связь между развитием человеческого разума и космическими процессами, что созвучно идеям ноосферы, предложенным В. И. Вернадским.

Идея регуляции природы в философии русского космизма была тесно связана с возможностью эволюции человечества до высших форм существования, что предсказывал и А. Л. Чижевский в своих беседах с Циолковским. Мотивы, выраженные в идеях Чижевского, олицетворяли не просто технологический или научный прогресс, но и глубокие изменения в природе самого человека.

Действительно, мы сейчас наблюдаем эволюцию человека и общества в целом. Безусловно, данная эволюция отличается от утопических идей А. Л. Чижевского о трансформации человеческого тела и всей сущности человека, способной привести к преобразованию материи и человека в лучистую энергию. Она ещё не достигла возможности создания и замены органов для достижения бессмертия, о чём высказывался Н. Ф. Федоров, и не пришла к состоянию разумного управления природными ресурсами для формирования улучшенной биосферы в виде ноосферы, о которой говорили В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский.

В XXI в. эволюция человека, общества и жизни приобретают небывалую сложность, обусловленную быстрым темпом техногенного прогресса. Как отмечает Е. А. Дергачева, впервые в истории человечества природное развитие биосферы начинает уступать место техногенному социуму, который активно вмешивается в природные процессы, трансформируя их [11]. Это изменение обусловлено достижениями науки, технологий и философии, которые не только осмысливают современную эпоху, но и предлагают пути решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

¹ Мунипов В. М., Зинченко В. П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды: учебник. М.: Логос, 2001. 356 с.

Техногенный социум становится ведущей силой, определяющей эволюцию не только общества, но и природы. Научно-философское осмысление этого феномена показывает, что человек, ранее являвшийся лишь частью биосферы, теперь берёт на себя роль активного преобразователя окружающей среды [12]. Это не просто технологический процесс, а переход к новому этапу социотехноприродной эволюции (понятие предложено и объяснено Е. А. Дергачевой), где технический прогресс и человеческая деятельность переплетаются с биосферными процессами [13]. Наука и техника становятся не просто инструментами для изменения окружающего мира, но и средствами создания новых форм жизни и искусственной реальности, в которой протекает жизнедеятельность общества.

Такое развитие сопровождается как огромными достижениями, так и значительными проблемами. С одной стороны, техногенные процессы способствуют повышению качества жизни, создавая новые технологии, искусственные среды жизнедеятельности и новые возможности для человечества. С другой стороны, техногенное вмешательство в природу приводит к разрушению экосистем, истощению природных ресурсов и глобальному изменению климата. Этот парадокс требует серьёзного социально-философского осмысления и поиска решений, которые могли бы гармонизировать взаимодействие человека с природой.

Современная эпоха заставляет нас пересмотреть свои представления об эволюции и роли человека в ней. Традиционное восприятие биосферы как самостоятельного саморегулирующегося механизма сменяется пониманием того, что техногенные процессы стали неотъемлемой частью глобальной системы жизни. Человечество, используя научные достижения и философские идеи, должно осознать свою ответственность за будущее планеты. Это требует формирования новой этики взаимодействия с природой, где техногенный прогресс будет направлен не на разрушение, а на сохранение и восстановление биосферы.

В этом контексте важно понимать, что техногенное развитие невозможно без философского осмысления его последствий. Оно должно быть направлено не только на удовлетворение материальных потребностей общества, но и на сохранение природной гармонии. В конечном счёте эволюция человека и техносферы может привести к новому типу взаимодействия с природой, где человек станет не разрушителем, а создателем. Однако для достижения такого состояния общества необходимо пересмотреть подходы к проектированию среды жизнедеятельности. Необдуманное пространственное расширение техносферы и вытеснение ею биосферы, создание не биосфероориентированных систем, изделий и технологий приводят к одномоментному обогащению за счёт использования ресурсов биосферы. Поэтому необходимо пересмотреть весь процесс проектирования предметно-пространственного окружения человека таким образом, чтобы сохранять и развивать технологические инновации и биосферу, делая среду жизнедеятельности не только комфортной и безопасной для общества, но и безопасной для биосферы. В данном контексте считаем возможным рассмотреть эргодизайна как научной дисциплины, в основе которого лежат идеи русского космизма и который способен обеспечить гармонизацию отношений между обществом, элементами техносферы и биосферой.

Воплощение идей русского космизма в эргодизайне техногенной среды города

Рассмотрение русского космизма в качестве фундамента, на котором получили развитие эргономика, а затем и эргодизайн, впервые отметили выдающиеся русские учёные, академик РАН В. П. Зинченко и академик РАО В. М. Мунипов. Рассматривая историю становления эргономики и дальнейшего появления эргодизайна и отвечая на вопрос «Является ли Россия родиной эргономики?», мыслители подчёркивают, что предпосылки появления данной науки в СССР связаны с раз-

витием русского космизма, «уникального космического или активно-эволюционно-го направления научно-философской мысли, имевшего много общего с русским религиозным возрождением»¹. Действительно, эргономика и эргодизайн, являясь неотъемлемой частью проектирования среды жизнедеятельности, находят своё отражение в историческом контексте покорения пространства, характерного для раннего СССР. Космизм проник в дизайн, эргономику, искусство и архитектуру, становясь основой для многих авангардных проектов, нацеленных на преодоление физических и природных границ.

Проекты, такие как «Проект сооружения к 5-й годовщине Октября» Густава Клуциса или работы Ильи Чашника, иллюстрируют это стремление к освоению космоса через формы, символизирующие не только планеты и спутники, но и сами идеи русского космизма, идеалы всеобщего равенства, контроля над природой и победы над смертью [14, с. 20].

К. Э. Циолковский считал, что человек должен стремиться к освоению космического пространства, а также способен к радикальному преобразованию земной среды, чтобы сделать её более приспособленной для жизни в любых климатических условиях. Одной из ключевых концепций К. Э. Циолковского была идея «стеклянной архитектуры», которая представляла собой нечто большее, чем простое инженерное решение. Он предлагал накрывать жаркие или холодные регионы Земли гигантскими стеклянными крышами, чтобы создать защищённые оазисы — своеобразные оранжереи, которые могли бы обеспечить комфортные условия для жизни даже в самых суровых условиях [15]. Эти прозрачные конструкции, по его мнению, должны были стать основным инструментом для трансформации пустынь в «рай» или для сохранения тепла в холодных горных регионах. Стеклянные крыши

позволяли бы естественному солнечному свету проникать внутрь, создавая условия для гармоничного существования человека и природы.

Идеи К. Э. Циолковского оказали существенное воздействие на концепцию эргодизайна, который стремился создавать безопасные, комфортные и эргономичные среды, адаптированные к разнообразным условиям жизни.

Архитектурные проекты того времени также отражали эти идеи. Например, проект студента ВХУТЕМАСа Г. Юзефовича, описанный М. Г. Бархиным, представлял собой концепцию, в которой новые города не находились на земле, а парили в воздухе, прикреплённые к воздушным шарам и дирижаблям [14]. Эти летающие города могли свободно перемещаться, стыковаться с традиционными городскими районами и обеспечивать жильё и общественные пространства на высоте. Такие проекты воплощали в себе не только технические и инженерные достижения, но и абстрактные космические идеи, а также эргономичность и функциональность, что стало важным критерием для дальнейшего развития проектного творчества.

Н. Ф. Федоров и К. Э. Циолковский внесли существенный вклад в развитие философии, рассматривая человечество как будущего куратора вселенских процессов. Их идеи находят отражение в архитектуре, культуре и научных разработках СССР, которые подчёркивали важность покорения природы и космоса. Проектирование и строительство пансионата «Дружба» можно рассматривать как символическую реализацию космических идей на Земле, где архитектура отражала не только функциональные потребности, но и стремление к гармонии с природой. Использование солнечных батарей и системы отопления, адаптированной к рельефу местности, не просто создавало ощущение парящего в воздухе объекта, а являлось отражением решений, воплощающих дух технологического и эстетического прогресса, удобства, безопасности и комфорта, что в последующем легло в основу эргодизайнерского

¹ Мунипов В. М., Зинченко В. П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды: учебник. М.: Логос, 2001. С. 123.

подхода, основанного на теории функционального комфорта.

Окончательный поворот к космизму в проектировании среды города стал особенно заметен в 1950–1960-е гг., когда произошла так называемая «урбанистическая революция» [15, с. 22], в ходе которой большая часть населения СССР переместилась в города. Однако этот процесс не был механическим и не сводился лишь к экономическим или социальным преобразованиям – в нём явно проявлялись идеи космизма, которые сформировали художественную и философскую основу советской городской среды.

Космизм как идеологическая и культурная основа нашёл своё отражение в проектировании городов, где, с одной стороны, архитектура стремилась «оторваться от Земли» и создать образ нового, космического будущего. С другой стороны, массовая застройка «хрущёвками» стала символом нового подхода к проектированию городской среды, который можно рассматривать через призму космического масштаба. Как отмечает А. Астахова, типовые дома, сгруппированные в микрорайоны, не только символизировали попытку решить жилищные проблемы, но и воплощали идею быстрого освоения пространства, как если бы они были колониями на другой планете [15, с. 23]. Действительно, архитектурные формы в своей простоте и функциональности соответствовали принципам космической колонизации, где практичность и экономичность имели первостепенное значение.

С одной стороны, новые здания были функциональными «коробками», не имеющими особого художественного облика. С другой – объединение этих домов в комплексы создавало коллективный образ, который можно было рассматривать как часть большего космического замысла. Эстетика «планетарного взгляда», когда городские районы рассматривались как единое целое с высоты птичьего полёта, символизировала переход от частного к общему, от индивидуального к коллективному восприятию пространства.

На применение методов эргономического проектирования к строительству того времени обращает внимание ряд авторов. Так, В. О. Трокоз под руководством доктора исторических наук А. А. Шевцовой проводит анализ дизайна и эргономики советского жилья. Результат анализа демонстрирует применение эргономического подхода как к экстерьеру (форме и удобству зданий), так и к интерьеру жилого пространства в период с 1950 по 1980-е гг. [16, с. 193]. А. А. Васькин указывает на то, что «хрущёвки» являлись эргономически просчитанной средой во всех отношениях [17]. Исследователь демонстрирует эволюцию хрущёвок в соответствии с принципами эргономики и дизайна. В. А. Плеханова, Н. А. Коноплева, рассматривая стиль и формообразование интерьера жилища в советский и постсоветский периоды, отмечают использование многофункциональной и эргономичной мебели как неотъемлемых элементов эргономичного пространства [18, с. 101]. К. А. Пономаренко, А. П. Бодякова, Т. Н. Слепынина, рассуждая об особенностях советской архитектуры, отмечают, что основное преимущество при проектировании «хрущёвок» заключается в том, что они обеспечивают равенство между требованиями, предъявляемыми к проекту здания, и его фактической функциональностью. Эргономические решения, заложенные на этапе проектирования, позволили создать удобные и рационально использованные пространства, что делает эти здания актуальными даже спустя десятилетия [19, с. 144–146].

Таким образом, необходимо отметить, что предметно-пространственная среда того времени воплощала в себе основные новаторские подходы русского космизма. Новые микрорайоны были спроектированы с учётом полного удовлетворения потребностей человека, создавая закрытую экосистему, где можно было не покидать пределы района, обеспечивая себя всем необходимым. Данный подход повлиял на становление эргодизайна того периода. Функциональность, безопасность и эсте-

тичность в последствии легли в основу теории функционального комфорта, которая долгое время оставалась методологическим фундаментом эргодизайна. Однако «классический» эргодизайн в период своего становления не придавал важности сохранения естественной природной среды в процессе проектирования новых высокофункциональных и безопасных условий жизнедеятельности. Находящиеся в нём отражение идеи Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского не соотносились с техногенными вызовами современности, что привело к долгосрочному непониманию важности проектирования биосфероориентированных систем, изделий и технологий, призванных сохранить и защитить биосферу от дальнейших трансформационных и деградационных воздействий.

Биосфероориентированный эргодизайн в условиях реализации перехода от социально-техногенного к социально-биосферному развитию

Акцентируя внимание на том, что учёные русского космизма стремились к созданию всеобъемлющих теорий, объединяющих сложные явления и их взаимосвязи с окружающим миром, В. А. Усольцев отмечает, что данное явление сегодня называется системным подходом. Системный подход получил широкое распространение и в эргодизайне, где взаимодействие между человеком и средой требует всестороннего анализа и учёта множественных факторов для создания безопасного, удобного и гармоничного пространства жизнедеятельности, о чём свидетельствует сказанное в предыдущих разделах статьи. В подтверждение этих слов считаем необходимым обратиться к трудам В. П. Зинченко и В. М. Мунипова, которые подчёркивают, что системный и деятельностный подходы составляют основу методологических средств эргономики, оказывая значительное влияние на исследование и проектирование предметно-пространственных сред¹.

¹ Мунипов В. М., Зинченко В. П. Эргономика: чело-

Именно системный подход играет конструктивную роль в построении и развитии научных теорий и практик, формируя целостные решения в процессе дизайна.

Основываясь на важности идеи системно-деятельностного подхода и функциональности, Л. Д. Чайнова предлагает концепцию функционального комфорта как методологическую основу эргодизайна [20, с. 129–130]. Эта концепция, направленная на создание предметной среды, максимально отвечает функциональным потребностям человека, улучшая его взаимодействие с искусственной средой жизнедеятельности. М. В. Кантарюк, продолжая рассматривать функциональность, отмечает, что на всех этапах разработки такой среды происходит интеграция системного подхода в эргономичное проектирование (эргодизайн), что позволяет достигать не только комфорта и функциональности, но и эстетической завершенности, выступая основной чертой современного проектирования [21, с. 451].

Несмотря на свою важность, современные подходы эргодизайна часто оказываются слишком узкими, упуская из виду глубинные трансформации, которые происходят под воздействием новейших производительных сил и расширения техносферы. Традиционные социологические и системные методы часто ограничены в своём видении, не принимая во внимание смену эволюции жизни и радикальные изменения, которые влечёт за собой развитие техногенной цивилизации.

Расширение техносферы и искусственного мира создаёт новый уровень взаимодействия между обществом и природой, который требует более серьёзного и комплексного подхода к анализу и проектированию условий жизнедеятельности. В условиях неконтролируемого роста технологических мощностей и их влияния на окружающую среду существует острая необходимость в переосмыслении системных подходов к изучению этих процессов.

векоориентированное проектирование техники, программных средств и среды: учебник. М.: Логос, 2001. С. 46.

А, следовательно, необходимо переосмысление в подходах эргодизайна как процесса проектирования условий жизнедеятельности, повышающего уровень жизни общества.

Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачева отмечают, что урбанизация и развитие техносферы приводят к ускоренному разрушению природных систем и требуют поиска альтернативных путей развития. Переход от биосферного к постбиосферному состоянию требует не только научного, но и политического осмысления, поиска новых моделей социального и экологического развития, способных противостоять разрушительным буржуазно-техногенным процессам [22, с. 35].

В данном контексте становится понятным, что смена вектора развития эргодизайна в сторону биосферной ориентации выступает не просто важным условием, а необходимостью, без которой сложно представить проектирование современных, безопасных для человека предметно-пространственных сред в условиях естественной природной среды. Однако для формирования концепции такого биосфероориентированного эргодизайна необходимо понимание смены эволюции жизни, с которой сегодня сталкивается общество.

Глобальная и стремительно нарастающая смена эволюции жизни от биосферной к постбиосферной (по Е. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой) выражается в изменении характера жизни на планете: человечество активно перемещается из природной биосферной среды в техносферную, что особенно ярко проявляется в урбанизированных зонах.

Работы Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой пытаются преодолеть эту ограниченность. Они подчёркивают важность анализа взаимоотношений между мировой техносферой и биосферой, указывая на их взаимосвязанность и необходимость системного рассмотрения, а также на важность осознания необходимости перехода от социально-техногенного к социально-биосферному развитию.

Сегодня всё больше специалистов в области эргодизайна обращают внимание на важность осознания его непосредственно участия в проектировании экологически безопасных, высоко эргономичных сред жизнедеятельности. Так, Е. В. Казанкова, рассуждая о конструктивных возможностях дизайна в проектировании экологического пространства, отмечает, что эргодизайн «обретает новую модальность коммуникативного, синергетического действия, направленного на порождение инноваций и прогнозных проектов улучшенной, гармоничной, эстетически совершенной среды обитания людей» [23, с. 103]. М. В. Панкина, С. В. Захарова, рассматривая эргодизайн в контексте экологического дизайна, обращают внимание на то, что дизайн в отдельности от эргономики основывается на субъективном и иррациональном подходе, проектируя форму среды. Благодаря объединению дизайна с эргономикой в основе нового направления эргодизайна появляется измеримое и рациональное, позволяющее проектировать не только форму, но и функциональность среды [24], что важно для её экологичности. Г. А. Кувшинова считает, что «завершённая в теоретико-методологическом смысле эргодизайнерская концепция составляет практическую основу дизайн-деятельности, способной разрешить острейшие социальные проблемы современности в культурном и экологическом смысле» [25, с. 51]. Рассматривая проектирования условий жизнедеятельности, Н. Н. Соловьева, Е. А. Ларина отмечают, что эргодизайн как инновационное направление в дизайне выступает «основным методом создания материальной, социальной и духовной среды, окружающей человека в его повседневной жизни» [26, с. 19–22], что отражает его значимость в создании основных условий жизни общества.

Рассмотренные подходы несомненно являются шагом к осознанию важности создания эргономичной среды, оказывающей благотворное влияние на экологичность окружающего мира. Однако данные подходы не учитывают важности повы-

шения экологичности и эргономичности среды жизнедеятельности при помощи использования природоподобных систем, изделий и технологий, которые будут способствовать созданию биосфероориентированных сред жизнедеятельности. Именно биосферная ориентация в методологии эргодизайна выступает приоритетным в условиях современных вызовов, о чём пытались сказать вышеупомянутые авторы, но рассматривали более узкий подход.

Таким образом, эргодизайн способен к созданию среды, которая отражает не только материальные, но и духовные ценности общества, обеспечивая устойчивое и гармоничное развитие мира. Объединяя науку, технику и искусство, эргодизайн способен к проектированию биосфероориентированных пространственно-предметных решений, которые не только отвечают функциональным потребностям общества, но и отражают его духовно-нравственные ценности. В этом контексте эргодизайн становится инструментом активной эволюции, направляя проектирование среды жизнедеятельности в сторону её гармоничного развития.

Заключение

В момент своего появления эргодизайн становится продолжателем идей русского космизма, переосмысляя стремление к покорению и трансформации пространства в свете вызовов того времени. Однако постепенная трансформация методологии приводит отечественных и зарубежных

учёных к осмыслению, что сегодня основная цель эргодизайна – это не просто создание условий жизни за счёт покорения природы, а её осмысленное использование и гармоничное включение в структуру жизнедеятельности человека, что делает данную научно-проектировочную дисциплину важным элементом в проектировании будущего.

Эргодизайн, основываясь на идеях русского космизма, занимает важное место в процессе проектирования среды жизнедеятельности. Это позволяет не только удовлетворять современные потребности общества, но и продвигать идеи активной эволюции и гармонизации с природой. Эргодизайн становится мостом между духовными устремлениями и научными достижениями, обеспечивая развитие среды, соответствующей высоким нравственным и интеллектуальным стандартам современного общества.

Таким образом, эргодизайн, в основе которого лежали идеи русского космизма, в советский период участвовал в создании уникальных пространств для поиска новых форм взаимодействия человека с окружающей средой в контексте её покорения. Эти идеи продолжают вдохновлять современные проекты, которые можно реализовать, используя новейшие технологии и научные достижения. Однако сегодня всё большее число учёных задумывается о важности трансформации методологии эргодизайна в соответствии с призывами В. И. Вернадского о разумном управлении, сохранении и улучшении мира биосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задесенец Е. Е., Чайнова Л. Д., Яблокова Е. А. Акмеологический подход к подготовке специалистов в области эргодизайна через систему дополнительного образования // *Акмеология*. 2007. № 1 (21). С. 44–50.
2. Гарбузова Г. В., Дынина И. О., Мельников И. В. Моделирование эстетических показателей изделий и технологий в эргодизайне с использованием теории нечётких множеств // *Эргодизайн*. 2019. № 1 (3). С. 3–11. DOI: 10.30987/article_5c518d8c4f49b8.92246032.
3. Чайнова Л. Д. Эргономика в решении проблем гуманизации городской среды // *Дизайн-ревью*. 2012. № 1–2. С. 11–22.
4. Семенова С. Г. Русский космизм // *Русский космизм: антология философской мысли* / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.
5. Вернадский В. И. Избранные труды / сост. Г. П. Аксенов. М.: РОССПЭН, 2010. 742 с.

6. Усольцев В. А. Русский космизм и современность. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 228 с.
7. Олейников Ю. В., Оносов А. А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: ИФРАН, 1999. 210 с.
8. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. А. Философия социально-техногенного развития мира. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Брянский государственный технический университет, 2011. 388 с.
9. Dergachev K. V., Trifankov Y. T. Modern philosophy in the context of interdisciplinary studies of human and nature // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. Т. 139. С. 228–233.
10. Циолковский К. Э. Грёзы о Земле и небе: научно-фантастические произведения. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 448 с.
11. Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 2. С. 105–107.
12. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование. М.: Ленанд, 2023. 276 с.
13. Дергачева Е. А. Концепция глобализации в контексте социотехноприродного развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 16–22.
14. Сапрыкина Н. А. Формирование экоустойчивого пространства обитания будущего: теория, практика, перспективы. М.: Курс, 2022. 288 с.
15. Astakhova A. Russian Cosmism in the Design of the Urban Environment of the Soviet Union in the 50–60s of the Twentieth Century // Discourse. 2023. № 9. P. 20–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-20-28.
16. Трокоз В. О. Повседневность, дизайн и эргономика советского жилья (с середины 1950-х по 1980-е гг.) // Этнодиалоги. 2022. № 3 (69). С. 191–206. DOI: 10.37492/ETNO.2022.69.3.013
17. Васькин А. А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущёве и Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2018. 156 с.
18. Плеханова В. А., Коноплева Н. А. Стиль и формообразование интерьера жилища в советский и постсоветский периоды как опыт эстетизации повседневности. М.: Директ-Медиа, 2022. 332 с.
19. Пономаренко К. А., Бодякова А. П., Слепынина Т. Н. Особенности советских «хрущёвок» // Молодёжь и наука: материалы международной научно-практической конференции старшеклассников, студентов и аспирантов (Нижний Тагил, 26 мая 2023 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильский технологический институт, 2023. С. 144–146.
20. Чайнова Л. Д., Назарова К. А., Чайнов В. И. Концепция функционального комфорта работающего человека – теоретическая основа современного эргодизайна // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2015. № 1 (144). С. 125–133.
21. Кантарюк М. В. Роль эргономики в дизайне производственной среды // Студенческое сообщество и современная наука: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Елец (8 апреля 2021 г.). Вып. 7. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2021. С. 450–454.
22. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. От социально-техногенного к социально-биосферному повороту в аграрной истории России // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 2 (27). С. 34–44. DOI: 10.24412/2541-9056-2023-227-34-44.
23. Казанкова Е. В. Конструктивные возможности дизайна в экологическом пространстве человека // Регионы. Города. Ракурсы и параллели: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 31 октября 2018 г.). Омск: Омский государственный технический университет, 2018. С. 99–106.
24. Панкина М. В., Захарова С. В. Истоки экологического дизайна [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. 2013. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=111> (дата обращения: 10.01.2025).
25. Кувшинова Г. А. Реорганизация системы высшего профессионального образования в области дизайна (70-90-е годы XX века) // Наука и инновации – современные концепции: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума (Москва, 16 ноября 2023 г.). М.: Инфинити, 2023. С. 48–53.
26. Соловьева Н. Н., Ларина Е. А. Эргодизайн – инновационное направление в дизайне // Музыкальное и художественное образование: опыт, традиции, инновации: материалы

Международной заочной научно-практической конференции (Чебоксары, 14 октября 2016 г.). Вып. 1. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2016. С. 19–22.

REFERENCES

1. Zadesenets, E. E., Chainova, L. D. & Yablokova, E. A. (2007). Acmeological approach to training specialists in the field of ergodesign through the system of additional education. In: *Acmeology*, 1 (21), 44–50 (in Russ).
2. Garbuzova, G. V., Dynina, I. O. & Melnikov, I. V. (2019). Methods for assessing the aesthetic quality indicators of systems, products and technologies in ergodesign. In: *Ergodesign*, 1 (3), 3–11. DOI: 10.30987/article_5c518d8c4f49b8.92246032 (in Russ).
3. Chainova, L. D. (2012). Ergonomics in solving the problems of humanization of the urban environment. In: *Design Review*, 1–2, 11–22 (in Russ).
4. Semenova, S. G. (1993). Russian Cosmism. In: *Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought*. Moscow: Pedagogy-Press Publ., pp. 3–33 (in Russ).
5. Vernadsky, V. I. (2010). *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ).
6. Usoltsev, V. A. (2009). *Russian Cosmism and Modernity*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information Publ. (in Russ).
7. Oleynikov, Yu. V. & Onosov, A. A. (1999). *Noospheric Project of Socio-Natural Evolution*. Moscow: IFRAS Publ. (in Russ).
8. Demidenko, E. S., Dergacheva, E. A. & Popkova, N. A. (2011). *Philosophy of the socio-technogenic development of the world*. Moscow: World Information Encyclopedia; Bryansk: Bryansk State Technical University Publ. (in Russ).
9. Dergachev, K. V. & Trifankov, Y. T. (2019). Modern philosophy in the context of interdisciplinary studies of human and nature. In: *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 139, 228–233.
10. Tsiolkovsky, K. E. (1986). *Dreams of the Earth and the Sky: Science Fiction Works*. Tula: Priokskoye Book Publ. (in Russ).
11. Dergacheva, E. A. (2012). Trends and Prospects of Socio-Technological and Natural Globalization. In: *International Journal of Experimental Education*, 2, 105–107 (in Russ).
12. Demidenko, E. S. & Dergacheva, E. A. (2023). Bourgeois-technogenic destruction of biosphere life and the terrestrial world: an interdisciplinary study. Moscow: Lenand Publ. (in Russ).
13. Dergacheva, E. A. (2015). The concept of globalization in the context of socio-techno-natural development. In: *Bulletin of Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*, 2015, 3–4, 16–22 (in Russ).
14. Saprykina, N. A. (2022). *Formation of an eco-sustainable habitat of the future: theory, practice, prospects*. Moscow: Course Publ. (in Russ).
15. Astakhova, A. (2023). Russian Cosmism in the Design of the Urban Environment of the Soviet Union in the 50–60s of the Twentieth Century. In: *Discourse*, 9, 20–28. 10.32603/2412-8562-2023-9-4-20-28 (in Russ).
16. Trokoz, V. O. (2022). Everyday Life, Design, and Ergonomics of Soviet Housing (from the Mid-1950s to the 1980s). In: *Ethnodialogues*, 3 (69), 191–206. DOI: 10.37492/ETNO.2022.69.3.013 (in Russ).
17. Vaskin, A. A. (2018). *Everyday Life of the Soviet Capital under Khrushchev and Brezhnev*. M.: Molodaya Gvardiya Publ. (in Russ).
18. Plekhanova, V. A. & Konopleva, N. A. (2022). *Style and Formation of the Interior of a Home in the Soviet and Post-Soviet Periods as an Experience of Estheticization of Everyday Life*. Moscow: Direct-Media Publ. (in Russ).
19. Ponomarenko, K. A., Bodyakova, A. P. & Slepynina, T. N. Features of Soviet “Khrushchev-era” Apartments. In: *Youth and Science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of High School Students, Students, and Postgraduates (Nizhny Tagil, May 26, 2023)*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil Technological Institute Publ. (in Russ).
20. Chainova, L. D., Nazarova, K. A. & Chainov, V. I. (2015). The concept of functional comfort of a working person – the theoretical basis of modern ergodesign. In: *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 1 (144), 125–133 (in Russ).
21. Kantaryuk, M. V. (2021). The role of ergonomics in the design of the production environment. In:

- Student community and modern science: materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists (Yelets, April 8, 2021). Iss. 7. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., pp. 450–454 (in Russ).*
22. Demidenko, E. S. & Dergacheva, E. A. (2023). From the socio-technogenic to the socio-biospheric turn in the agrarian history of Russia. In: *Humanitarian studies of Central Russia*, 2 (27), 34–44. DOI: 10.24412/2541-9056-2023-227-34-44 (in Russ).
  23. Kazankova, E. V. Constructive possibilities of design in the ecological space of man. In: *Regions. Cities. Perspectives and parallels: materials of the VI All-Russian scientific and practical conference (Omsk, October 31, 2018)*. Omsk: Omsk State Technical University Publ., pp. 99–106 (in Russ).
  24. Pankina, M. V. & Zakharova, S. V. (2013). Origins of Ecological Design. In: *Modern Problems of Science and Education*, 5. Available at: <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=111> (accessed: 10.01.2025) (in Russ).
  25. Kuvshinova, G. A. (2023). Reorganization of the system of higher professional education in the field of design (70–90s of the XX century). In: *Science and innovation – modern concepts: collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum, Moscow, November 16, 2023*. Moscow: Infinity Publ., pp. 48–53 (in Russ).
  26. Solovieva, N. N. & Larina, E. A. (2016). Ergodesign – an innovative direction in design. In: *Musical and artistic education: experience, traditions, innovations: materials of the International correspondence scientific and practical conference (Cheboksary, October 14, 2016). Iss. 1*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev Publ., pp. 19–22 (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьменко Александр Анатольевич (г. Брянск) – кандидат биологических наук, доцент кафедры компьютерные технологии и системы факультета информационных технологий и систем Брянского государственного технического университета, заместитель главного редактора журнала «Эргодизайн»; e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Kuzmenko (Bryansk) – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Department of Computer Technologies and Systems, Faculty of Information Technologies and Systems, Bryansk State Technical University, Deputy Editor-in-Chief of Ergodesign magazine; e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Научная статья

УДК 130.2: 17.023.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-100-109

СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА»

Лахтин А. Ю.

*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: skbpgu@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.02.2025

После доработки 12.03.2025

Принята к публикации 10.04.2025

Аннотация

Цель. Анализ содержания, структуры и эволюции феномена «физическая культура человека».

Процедура и методы. Осуществлён социально-философский анализ феномена «физическая культура человека». На базе диалектического подхода, взаимосвязи общего, особенного и единичного проанализированы его содержание и структура. Принципы развития и всеобщей связи, единства исторического и логического, социального детерминизма использованы при рассмотрении эволюции феномена «физическая культура человека».

Результаты. Автор выявил сущность понятия «физическая культура человека» и дал характеристику её базовому, профессиональному и спортивному уровням. Определяя здоровье как ведущую ценность физической культуры человека, он обосновал оздоровительно-рекреативную, оздоровительно-реабилитационную и гигиеническую функции физической культуры человека. Было выявлено, что физическая культура человека изменялась под влиянием различных социально-экономических, политических и духовных факторов. Проведённый анализ такой эволюции позволил сделать вывод, что в настоящее время физическая культура человека ориентирована на обеспечение всестороннего развития личности для её успешного функционирования и развития в условиях информационного общества.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии содержания, структуры феномена «физическая культура человека», а также в её эволюции от момента зарождения в первых человеческих общностях до современного общества.

Ключевые слова: здоровье, культура, спорт, физическая культура человека, уровень физической культуры, функции физической культуры, эволюция физической культуры

Для цитирования:

Лахтин А. Ю. Сущность, структура и эволюция феномена «физическая культура человека» // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 100–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-100-109>

Original research article

THE ESSENCE, STRUCTURE AND EVOLUTION OF THE PHENOMENON OF “HUMAN PHYSICAL CULTURE”

A. Lakhtin

*K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russian Federation
e-mail: skbpgu@mail.ru*

Received by the editorial office 04.02.2025

Revised by the author 12.03.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Abstract

Aim. Analysis of the content, structure and evolution of the phenomenon of “human physical culture”.

Methodology. A socio-philosophical analysis of the phenomenon of “human physical culture” is carried out. Based on the dialectical approach, the interrelation of the general, special and singular, its content and structure are analyzed. The principles of development and universal connection, the unity of historical and logical, and social determinism are used in considering the evolution of the phenomenon of “human physical culture”.

Results. The author has identified the essence of the concept of “human physical culture” and characterized its basic, professional and athletic levels. Defining health as the leading value of human physical culture, he substantiated the health-improving, recreational, rehabilitation and hygienic functions of human physical culture. It was revealed that a person’s physical culture changed under the influence of various socio-economic, political and spiritual factors. The analysis of this evolution has led to the conclusion that at present human physical culture is focused on ensuring the comprehensive development of personality for its successful functioning and development in an information society.

Research implications. The article reveals the content and structure of the phenomenon of “human physical culture”, as well as its evolution from the moment of its origin in the first human communities to modern society.

Keywords: health, culture, sport, human physical culture, level of physical culture, functions of physical culture, evolution of physical culture

For citation:

Lakhtin, A. Yu. (2025). The Essence, Structure and Evolution of the Phenomenon of “Human Physical Culture”. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, pp. 100–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-100-109>

Введение

Физическая культура представляет собой одно из важнейших средств формирования человека как личности. Становление и развитие физической культуры человека предполагают его включение в различные виды и формы мировоззренческой и социально-психологической деятельности. В процессе такой деятельности происходят не только удовлетворение его многообразных потребностей, начиная с физиологических и заканчивая потребностью в самореализации [1], но и его социализация, предполагающая формирование его личности как сложного социо-биологического существа. Поэтому, опираясь на многочисленные исследования, академик Н. И. Пономарев сделал вывод, что «человек стал человеком не только в ходе развития орудий труда, но и в ходе постоянного совершенствования самого, человеческого тела» [2, с. 14].

Вместе с тем до сих пор нет единого понимания терминов «физическая куль-

тура» и «физическая культура человека». Различные исследователи вкладывают в них разный смысл. Более того, феномену «физическая культура человека» при всей актуальности проблематики физического совершенствования личности вообще уделяется незначительное внимание в исследованиях. Практически не рассматриваются два указанных выше понятия с точки зрения их диалектической связи как общего и особенного, целого и части.

Определения и сущностные черты феномена «физическая культура человека»

Этимологически физическая культура – это система видов деятельности, направленная на гармоничное развитие духовных и физических сил человека¹. В Федеральном законе «О физической куль-

¹ Кравченко А. И. Культурология: словарь. М.: Академический проект, 2000. С. 543.

туре и спорте в Российской Федерации» физическая культура понимается как «часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путём физического воспитания, физической подготовки и физического развития»¹.

Однако указанные определения не проясняют содержания и структуры феномена «физическая культура человека». Поэтому следует обратиться к определению, данному М. Я. Виленским и А. Г. Горшковым, которые под физической культурой человека подразумевают социально-детерминированную область общей культуры человека, которая представляет собой качественное, системное, динамичное и компетентностно-творческое состояние, характеризующееся определённым уровнем специальной образованности, физического совершенства, мотивационно-ценностных ориентаций и социально-духовных ценностей, приобретённых в результате воспитания и интегрированных посредством эмоционально-волевых проявлений в её физкультурно-спортивную деятельность, культуру образа жизни, духовность и психофизическое здоровье [3, с. 53–54]. Приведённое определение носит функциональный характер и позволяет на его основе осуществить социально-философский анализ феномена «физическая культура человека».

Прежде всего отметим, что физическая культура человека по своему содержанию является социально-биологическим и мировоззренческим образованием. Она направлена на достижение физического совершенствования человека и представляет собой результат его сложно-

структурированной деятельности. Такая деятельность включает в себя совокупность видов, типов и форм упражнений, предопределяемых конкретными принципами и нормами, которые направлены на совершенствование функциональных возможностей человека. Целью такого совершенствования являются становление и развитие его личности, обеспечение здоровой, полноценной и достойной жизни человека в обществе, его эффективной и результативной деятельности в различных сферах бытия.

Проведённый нами социально-философский анализ показал, что сущностными чертами феномена «физическая культуры человека» являются: сформированная у человека установка на развитие своих физических качеств; вытекающая из такой установки мотивация на непрерывное совершенствование функционирования своего организма с использованием доступных ему способов и средств; целенаправленное выполнение действий (различных видов физической активности, включая соревновательные), совершенствующих физический потенциал человека и делающих его важным фактором бытия личности.

Таким образом, сущность физической культуры человека заключена в совокупности мировоззренческих регулятивов (ценностей, ценностных ориентаций, установок, потребностей), социально-психологических мотивов, средств и способов действий, которые детерминируют становление, функционирование и развитие физических способностей человека, обеспечивающих его здоровье и эффективную деятельность.

При этом физическая культура человека представляет собой один из видов общей культуры личности, совокупность средств, способов, форм, приёмов актуализации её возможностей, направленных как на активное преобразование человеческого бытия, так и на обеспечение собственной безопасности, всестороннего личностного развития путём обеспечения оптимального функционирования органов его тела.

¹ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.07.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: [http:// legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-](http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-) (дата обращения: 20.01.2025).

Уровни и функции физической культуры человека

Очевидно, что физическая культура человека может иметь разные уровни развитости, разные формы проявления, особые виды и типические черты [4, с. 79–80]. Выделяя их, следует заметить, что они непосредственно связаны как с сущностью его личности, так и с её местом и ролью в жизни общества.

Как говорилось выше, превращение человека в личность предусматривает не только его социализацию, но и его биологическое развитие, реализуемое путём физической активности. Кроме того, важно учесть, что человек для обеспечения своего существования обязан трудиться, причём часто соревнуясь в различных трудовых действиях с другими людьми. Поэтому физическая культура человека включает в себя базовый, профессиональный и спортивный уровни.

Базовый уровень физической культуры человека представляет собой совокупность способов, средств, форм и процессов, которые позволяют обеспечивать его функциональные возможности и сохранить своё здоровье. Определение «базовый» предполагает нижний предел функционирования человека как сложного социо-биологического субъекта, что позволяет ему удовлетворять естественные потребности.

К основным функциям базового уровня физической культуры относятся:

– функция превращения младенца в биологически и социально активного человека;

– функция развития физических задатков человека до уровня, необходимого для включения его в избранную человеком сферу или вид деятельности;

– функция укрепления здоровья человека;

– функция восстановления биолого-физиологического и функционального потенциала человека как полноценного члена общества;

– функция обеспечения основы для становления и развития профессионального и спортивного уровней физической культуры человека.

Физическое совершенство на базовом уровне физической культуры человека предусматривает такой уровень его физическо-го развития и здоровья, который способен стать основой его активной, преобразующей, социально значимой деятельности как в рамках отношений человека в обществе, так и в рамках самосовершенствования. Очевидно, что этот уровень у разных людей будет различным. Он будет определяться их особенностями, прежде всего физическими возможностями, которые для каждого человека являются индивидуальными.

Профессиональный уровень физической культуры человека предусматривает такую её развитость, которая обеспечивает человеку эффективное выполнение его профессиональных ролей, конкретных видов и типов деятельности. Этот уровень физической культуры предполагает наличие у конкретного специалиста физических умений, навыков и компетенций, дающих ему возможность быть способным использовать их для достижения профессионально значимых целей и результатов. К примеру, члены экипажа морского или речного судна должны уметь плавать для того, чтобы выполнять свои обязанности, находясь в воде. Это необходимо им для организации спасения пассажиров судна в случае его затопления или для выполнения ремонтных работ на нём.

Данный уровень физической культуры человека включает в себя такие характеристики, как профессиональная трудовая выносливость, функциональность органов познания, психофизиологическая устойчивость, результативная работоспособность в простых и экстремальных условиях, сохранение в пределах рабочего времени необходимой интенсивности и производительности труда, способность к быстрой адаптации в меняющихся условиях, способность к самообучению, уверенность в собственных возможностях.

Спортивный уровень физической культуры человека предусматривает наличие у него готовности и способностей соревноваться с другими людьми в том или ином виде спорта. Целью участия в таких состоя-

заниях является реализация претензии на обладание лучшим результатом, достижение индивидуальной или коллективной победы над соперниками. Спортивный уровень физической культуры человека представляет собой достаточно самостоятельное социокультурное явление с соответствующими атрибутами, к числу которых относятся социальные институты, профессиональные структуры, соревновательная и тренировочная деятельность, отношения между участниками данных видов деятельности и др.

В нашей стране Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» узаконено самостоятельное определение понятия «спорт». Оно определяется как «сфера социально-культурной деятельности, как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним»¹. Разновидностями спорта являются массовый (любительский) спорт и спорт высших достижений (профессиональный спорт).

Любительский спорт даёт возможность широкому кругу людей заниматься какими-либо его видами и состязаться в них. В противоположность ему профессиональный спорт ориентирован на небольшую часть людей, которые стремятся достигнуть максимальных показателей в каком-либо его виде. Высшей их целью является достижение рекорда – максимально возможного результата в определённом виде спорта, достигаемого в ходе демонстрации возможностей организма человека на определённом этапе развития науки и методов тренировок, и – завоевание победы над соперниками [5, с. 26].

Важнейшей ценностью человека, которая обеспечивает его гармоническое развитие, определяет его трудоспособность, поддержание активного долголетия, является здоровье [6, с. 16–17]. С точки зрения сохра-

нения и укрепления здоровья физическая культура человека носит оздоровительный характер. Он проявляется в оздоровительно-рекреативной, оздоровительно-реабилитационной и гигиенической функциях физической культуры человека [7, с. 155].

Оздоровительно-рекреативная функция физической культуры человека предполагает его активный отдых и восстановление сил с помощью занятий физическими упражнениями и подвижными играми. Они формируют у человека внутреннее удовлетворение, которое проявляется в хорошем настроении и высоком жизненном тоне. Последний способствует росту работоспособности и активности в досуговой деятельности.

Оздоровительно-реабилитационная функция реализуется в процессе использования физических упражнений как средства восстановления различных функций организма, которые были нарушены или даже утрачены по причине травм, заболеваний и переутомления. Данная функция физической культуры человека направлена на восстановление его функциональных возможностей и способствует росту приспособительных сил организма. Она представляет собой важную часть системы восстановления сил человека после длительных напряжённых нагрузок.

Гигиеническая функция физической культуры человека предусматривает различные повседневные формы физкультуры, включённые в его обычную жизнь, такие как утренняя гимнастика, производственная гимнастика, прогулки и др. Они весьма умерены по нагрузке и предназначены для оптимизации функционального состояния организма человека. Как правило, такие формы физической культуры проводятся в рамках выполнения режима дня.

Физическая культура человека может классифицироваться по таким критериям, как возраст человека, гендерный признак, физиологические состояния (например, физическая культура людей с различными ограничениями возможностей, или физическая культура перенёсших те или иные хирургические вмешательства) и ряду других.

¹ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.07.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: [http:// legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-](http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-) (дата обращения: 20.01.2025).

Вместе с тем, осмысливая сущность феномена «физическая культура человека», важно заметить, что она является частью его общей культуры. Она базируется на ценностях, являющихся значимыми как для общества в целом, так и для конкретных личностей. Очевидно при этом, что одной из высших ценностей современными носителями культуры признаётся ценность здоровья, которая формирует у человека ценностную ориентацию на ведение здорового образа жизни.

Эволюция феномена «физическая культура человека»

Важной чертой феномена «физическая культура человека» является его конкретно исторический характер. С появлением первых человеческих коллективов, которые в разных природно-климатических условиях должны были обеспечить своё выживание, люди задумались о повышении функциональности своих организмов [8, с. 9; 9, с. 86]. Становление и последующее развитие физической культуры человека было тесно связано с экономическими процессами, требовавшими от человека совершенствования орудий труда, а значит, и физических умений, необходимых для их изготовления и использования, навыков ведения разнообразных видов деятельности (охоты, рыбной ловли, собирательства и пр.), также требовавших развитых физических качеств. Кроме того, необходимость в обеспечении личной безопасности и коллективной безопасности социальных общностей побуждали человека совершенствовать свои физические навыки. Уровень их развития был во многом определяющим при выборе руководителей первых человеческих коллективов (вождей племён, глав родов и т. п.). Таким образом, социально-экономические и политические процессы с древнейших времён побуждали человека совершенствовать свои физические качества.

Однако человек не только стал искать возможности совершенствования своих биологических задатков для transforma-

ции своей среды обитания, для удовлетворения различных физиологических и социальных потребностей и разрешения противоречий между природой и людьми, но и начал активно на базе собственного абстрактного мышления формулировать способы совершенствования функционирования всех своих внутренних органов. Это означало начало формирования и совершенствования физической культуры человека как одного из видов его общей культуры [10, с. 12].

Отсюда правомерно сделать вывод, что субъективной предпосылкой возникновения и развития физической культуры человека являлось развивающееся у него абстрактное мышление. Оно давало человеку возможность обнаружить корреляцию между предварительной подготовкой к определённым практическим действиям, составляющим его познавательно-преобразовательную деятельность, и характером функционирования его органов, обуславливающим возможность или невозможность достичь им намеченной цели деятельности.

Абстрактное мышление привело человека к выводу, что ему необходимо специально тренировать свой организм, совершенствуя свои физические качества, которые ему реально необходимы в процессе своей жизнедеятельности: в познании и преобразовании мира, во взаимоотношениях с другими людьми, в своей познавательно-преобразовательной деятельности, в своих отношениях и общении с себе подобными. Этот компонент жизни людей стал закрепляться в разнообразных обычаях и традициях социальных общностей, в том числе связанных с подготовкой детей и молодёжи к самостоятельной жизни.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что мышление человека, не находя ответов на познавательно-практические вопросы, связанные с его физическим совершенствованием, создавало мифы и различные формы веры, детерминировавшие различные средства физической культуры. С возникновением религиозных верований в жизни социальных общностей также стали утверждаться различные обря-

ды, культовые пляски и игры, требовавшие определённых физических способностей. Всё это выступало в качестве предпосылок укоренения в жизнедеятельности человека и социальных общностей элементов физической культуры [11, с. 268].

Данные выводы подтверждаются историческими свидетельствами развития человека и социальных общностей в странах Древнего мира, к числу которых относятся различные письменные источники, скульптуры, живопись и другие артефакты материальной культуры. Искусство популяризировало в качестве идеала пропорционально сложенных сильных мужчин и женщин. Первые изображались широкоплечими и узкобедрыми, с мускулистыми руками и ногами, а вторые – грациозными, с горделивой осанкой и лёгкостью в движениях.

При этом государственная власть сознательно стала использовать развивающуюся физическую культуру человека в собственных интересах для укрепления власти правящих классов, решения разнообразных внешнеполитических и внутриполитических задач.

В Древнем Китае зачатки физической культуры зародились в начале III тысячелетия до н. э. Приблизительно в 2698 г. до н. э. была написана книга «Кун Фу» [12]. По своему содержанию она представляла собой систему знаний и навыков, которые были необходимы для нейтрализации превосходящей физической силы противника. Она включала методы оздоровления, укрепления и физиологического омоложения организма, развития интеллекта, интуиции и достижения гармонии сознания. В неё входили полезные советы о том, как сделать, чтобы спокойствие, обретенное с помощью этих упражнений, помогало в работе и во взаимоотношениях с людьми.

Физическая культура жителей древней Японии в значительной степени формировалась, исходя из потребностей рыцарей-самураев. Наряду с их собственно физической подготовкой в физической культуре самураев большое значение придавалось методам и формам психологической под-

готовки, которая формировала у них уверенность в собственных возможностях, что при столкновении с неприятелем оказывало значимое психическое воздействие на него. Кодекс поведения самурая («бусидо») содержал в основном нормы поведения и требования к физической подготовке, определявшиеся историческими традициями: стрельбу из лука, искусство фехтования с одним и двумя мечами («кендо»), владение копьём («нагината») и секреты психологического воздействия на противника.

Вместе с тем наряду с военизацией физической культуры в Японии утверждалась и развивалась культура самообороны, стимулируемая развивающимися в обществе классовыми конфликтами. Она стала культивироваться у представителей низших сословий японского общества. К числу её проявлений следует отнести нелегальные «школы в зарослях», в которых представители народа осваивали искусство самозащиты, в том числе и каратэ.

Физическая культура жителей античных полисов определялась как общей культурой этих государств-полисов, так и их политическим режимом. Практически в каждом из них сформировались собственные уникальные системы физического воспитания и обучения. Так, в Афинах физическая культура человека понималась как одна из его добродетелей, а направленность формирования личности предполагала всестороннее развитие духовных и физических сил молодого человека. Иначе говоря, идеалом было развитие гармоничной личности, обладающей высокоразвитым интеллектом и близким к идеальному телом. Считалось, что достичь подобной эталонной модели саморазвития был вправе только свободный и имущий гражданин Афин. Соревновательный принцип (агонистика) выступал в качестве основы для обучающих и воспитательных практик древних афинян [13, с. 223].

В Спарте целью формирования граждан было создание боеспособного и готового к любым тяготам народа и его армии, которые способны переносить возможные лишения и невзгоды. Поэтому физическая

культура человека являлась доминантой по отношению ко всеми остальным видам культуры личности. Не только юноши, но и девушки были обязаны заниматься физическими упражнениями, поддерживать себя в необходимой для отпора врагу физической форме.

Подходы к физической культуре граждан Древнего Рима испытывали сильное влияние греческих традиций при большей, чем у греков, прагматической направленности, связанной с необходимостью осуществлять военную подготовку юношей. Такая подготовка осуществлялась под контролем государства.

Таким образом, физическая культура человека в Древнем мире была ориентирована как на решение государственных, прежде всего военных, задач, так и на совершенствование самого человека. В этом проявилась его двойственная природа как высшей ценности и как средства достижения целей общества [14, с. 107].

В период Средневековья содержание физической культуры стало соответствовать особенностям феодального строя и религиозным представлениям людей. В эту эпоху наиболее отчётливо наблюдается классовый характер формирования физической культуры, связанный с целями и задачами использования физических упражнений. Так, крестьяне и горожане использовали их для совершенствования своей трудовой деятельности. Феодалы же применяли физические упражнения для развития своих физических качеств (силы, ловкости, выносливости и пр.), обеспечивающих их господство над народом. Военно-физическая культура феодалов преследовала цель подготовить физически сильных воинов, одинаково пригодных как для внешних войн, так и для подавления выступлений народных масс. Содержательно физическая культура феодалов включала в себя верховую езду, фехтование, стрельбу из лука, плавание, охоту, которые наряду с игрой в шахматы и сочинением стихов составляли так называемые семь «рыцарских качеств». Рыцари также регулярно занимались бегом, борьбой, прыжками, метанием камней и

копий, лазанием по лестницам и крепостным стенам.

Несколько иначе в период Средневековья происходило развитие физической культуры на Руси, которая постоянно боролась с кочевниками. Это обстоятельство побуждало активно использовать в обороне народное ополчение, поэтому русский народ, в отличие от народов стран Запада, был активно включён в военно-физическую подготовку.

Эпохи Возрождения и Нового времени привнесли в цели физической культуры идею подготовки здоровых и работоспособных людей. Это побудило ввести физическое воспитание в школах и других образовательных учреждениях.

На данном этапе исторического развития, когда прогрессивным классом стала буржуазия, сформировалась буржуазная концепция физической культуры человека. Происходящие в этот период военные конфликты и буржуазные революции породили необходимость создания массовых армий, а бурное развитие капитализма потребовало наличия хорошей физической подготовки как от представителей рабочего класса, так и от представителей буржуазии.

Начиная с середины XIX в. стали активно создаваться рабочие спортивные клубы по различным видам спорта, как правило, тем, которые не требовали значительных материальных затрат, например, футбол, лёгкая атлетика, плавание и др. Очевидно, что в высших слоях буржуазного общества возможностей для занятий физической культурой было существенно больше, поэтому в них культивировались конный спорт, парусный спорт, фехтование, стрельба из ружей и пистолетов, соревнования по гольфу и теннису. Одновременно с этим шёл процесс усовершенствований имевшихся систем физического воспитания [15].

В настоящее время при переходе к информационному обществу происходит инструментализация ценностей, в том числе и ценности здоровья [16, с. 31–32]. При этом наблюдается дуальное отношение к бытию человека, предполагающее ориентацию как на высокие технологии, так и на

душевный комфорт [17, с. 49]. От человека в подавляющем большинстве сфер жизнедеятельности уже не требуется проявления высокого уровня развития физических качеств, который был необходим в предыдущие эпохи. Однако постоянно ускоряющийся темп жизни при недостаточной физической активности человека, заменяемой различными технологическими решениями, побуждает его предпринимать специальные усилия для поддержания функциональных возможностей своего организма и развития своих физических качеств. Результативность организации такой деятельности становится в современных условиях ведущим критерием развитости физической культуры человека.

Заключение

Таким образом, сущность физической культуры человека заключается в совокупности мировоззренческих регулятивов (ценностей, ценностных ориентаций, установок, потребностей, мотивов, стимулов) и способов действий, которые детерминируют ста-

новление, функционирование и развитие возможностей человека, обеспечивающих его здоровье, достойную жизнь и эффективную жизнедеятельность. Физическая культура человека представляет собой один из видов общей культуры человека, направленной как на активное преобразование его бытия, так и на обеспечение личной и общественной безопасности. Это предполагает всестороннее личностное развитие, оптимальное, исходя из индивидуальных возможностей, и научно обоснованное функционирование органов его тела.

Физическую культуру человека целесообразно подразделять на базовую, профессиональную, спортивную. Зародившись в первых человеческих общностях, физическая культура человека прошла длительный путь эволюции, испытал на себе влияние различных социально-экономических, политических и духовных факторов. В настоящее время она ориентирована на обеспечение всестороннего развития личности для её успешного функционирования и развития в условиях информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maslow A. *Motivation and Personality*. New York: Harper and Row, 1954. 411 p.
2. Пономарев Н. Н. Физическая культура как элемент культуры общества и человека. СПб.: Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 1996. 284 с.
3. Виленский М. Я., Горшков А. Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента. М.: Кнорус, 2022. 238 с.
4. Курамшин Ю. Ф., Закревская Н. Г. Критериальные признаки типологизации физической культуры // *Теория и методика спорта*. 2023. № 7. С. 77–86.
5. Агеевец В. У., Поликарпова Г. М. Олимпийские игры. Из прошлого – в будущее. СПб.: Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 1996. 280 с.
6. Асанова И. М. Организация культурно-досуговой деятельности. М.: Академия, 2012. 192 с.
7. Садовников Е. С., Гуляихин В. Н., Андриященко О. Е. Здоровый образ жизни молодёжи: механизм жизнедеятельности в системе заботы о себе // *Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2014. № 5 (111). С. 154–159.
8. Понятие «физическая культура»: эволюция представлений / Я. Г. Григорьян, К. В. Богатырева, Е. Л. Панова, Ю. В. Старостина // *Теория и практика физической культуры*. 2021. № 11. С. 8–10.
9. Курамшин Ю. Ф. Современные методологические подходы в изучении феномена «физическая культура» // *Научно-педагогические школы университета*. 2022. № 7. С. 85–94.
10. Анисимов М. П., Трясов В. Б. История возникновения и развития физической культуры. СПб.: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2020. 78 с.
11. Пичугин М. Б., Дюсенев Б. Б. История развития физической культуры // *Молодой учёный*. 2022. № 14 (409). С. 267–271.
12. Чугунов С. Кунг Фу, Тайцзи-Цюань и Цигун. Древние системы знаний и практических навыков. М.: Ridero, 2024. 76 с.

13. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / под ред. Г. К. Баммеля. М.: Соцэкгиз, 1935. 382 с.
14. Бакурадзе А. Б. Классификация ценностей в контексте управления образованием // Образование и наука. 2013. № 7. С. 101–113.
15. Сорокин А. В., Качурин А. С. К истории развития и становления физического воспитания и культуры // Вопросы науки и образования. 2018. № 10. С. 173–177.
16. Бондарева Я. В., Дмитриева Т. В. Образование в цифровом обществе // Педагогическое образование и наука. 2022. № 3. С. 30–35.
17. Бакурадзе А. Б. Ресурсные ценности управления // Образование и наука. 2013. № 9. С. 43–55.

REFERENCES

1. Maslow, A. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper and Row.
2. Ponomarev, N. N. (1996). *Physical Culture as an Element of Culture of Society and Man*. St. Petersburg: Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health Publ. (in Russ.).
3. Vilensky, M. Ya. & Gorshkov, A. G. (2022). *Physical Culture and Healthy Lifestyle of a Student*. Moscow: Knourus Publ. (in Russ.).
4. Kuramshin, Yu. F. & Zakrevskaya, N. G. (2023). Criterial Features of Physical Culture Typologation. In: *Theory and Methodology of Sports*, 7, 77–86 (in Russ.).
5. Ageyevets, V. U. & Polikarpova, G. M. (1996). *Olympic Games. From the Past to the Future*. St. Petersburg: Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health Publ. (in Russ.).
6. Asanova, I. M. (2012). *Organization of cultural and leisure activities*. Moscow: Academy Publ. (in Russ.).
7. Sadovnikov, E. S., Gulyaikhin, V. N. & Andryushchenko, O. E. (2014). Healthy way of life of young people: the mechanism of mental activity in the system of self-care. In: *Scientific notes of Lesgaft University*, 5 (111), 154–159 (in Russ.).
8. Grigoryan, Ya. G., Bogatyreva, K. V., Panova, E. L. & Starostina, Yu. V. (2021). Concept of “physical culture”: the evolution of visions. In: *Theory and practice of physical education*, 11, 8–10 (in Russ.).
9. Kuramshin, Yu. F. (2022). Modern methodological approaches to the study of the phenomenon of “physical culture”. In: *Scientific and pedagogical schools of the university*, 7, 85–94 (in Russ.).
10. Anisimov, M. P. & Tryasov, V. B. (2020). *History of the emergence and development of physical culture*. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University Publ. (in Russ.).
11. Pichugin, M. B. & Dyusenov, B. B. (2022). History of the development of physical culture. In: *Young scientist*, 14 (409), 267–271 (in Russ.).
12. Chugunov, S. (2024). *Kung Fu, Tai Chi Chuan and Qigong. Ancient systems of knowledge and practical skills*. Moscow: Ridero Publ. (in Russ.).
13. Bammel, G. K., ed. (1935). *Democritus in his fragments and evidence of antiquity*. Moscow: Sotsekiz Publ. (in Russ.).
14. Bakuradze, A. B. (2013). Classification of values in the context of educational management. In: *The Education and science journal*, 7, 101–113 (in Russ.).
15. Sorokin, A. V. & Kachurin, A. S. (2018). On the history of the development and formation of physical education and culture. In: *Issues of science and education*, 10, 173–177 (in Russ.).
16. Bondareva, Ya. V. & Dmitrieva, T. V. (2022). Education in a digital society. In: *Pedagogical education and science*, 3, 30–35 (in Russ.).
17. Bakuradze, A. B. (2013). Resource values of management. In: *Education and Science*, 9, 43–55 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лахтин Артём Юрьевич (г. Москва) – и. о. заведующего кафедрой физического воспитания и допризывной подготовки Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: skbpgu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem Yu. Lakhtin (Moscow) – Acting Head of the Department, Department of Physical Education and Pre-Conscription Training, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University);
e-mail: skbpgu@mail.ru

Научная статья

УДК 101:304

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-110-118

ОБМАН КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД. ЛИЦЕДЕЙСТВО И СКАЗКА

Пихновский В. В.^{1*}, Евстифеева Е. А.^{1,2}, Григорьева Д. Д.²

¹Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация

²Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: pihnovsky@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.01.2025

После доработки 18.02.2025

Принята к публикации 24.03.2025

Аннотация

Цель. Оценка лицедейства как разновидности обмана, взятого в его негативных коннотациях, и как явления противостояния правде – ценностной универсалии социальной жизни.

Процедура и методы. Представлен социально-философский анализ обмана в ряду релевантных понятий (правда, ложь, лицедейство, трикстер) и как константы социальных отношений. С использованием феноменологического и герменевтического подходов показано, что лицедейство как одна из практик обмана в масштабе своём обнаруживается в обществе массовой культуры.

Результаты. Изучение механизмов лицедейства как разновидности обмана показало, что данная практика является константой общественных и межличностных взаимоотношений

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит в проблематизации и концептуализации лицедейства как практики обмана, что имеет важное значение для понимания трансформации социальных отношений в условиях вызовов современности.

Ключевые слова: обман, правда, социокультурный код, лицедейство, сказка, общество потребления и массовой культуры, трикстеры

Для цитирования:

Пихновский В. В., Евстифеева Е. А., Григорьева Д. Д. Обман как социокультурный код. Лицедейство и сказка // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. ??–??. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-110-118>.

Original research article

DECEPTION AS A SOCIOCULTURAL CODE. FICTION AND FAIRY TALE

V. Pihnovsky^{1*}, E. Evstifeeva^{1,2}, D. Grigorieva²

¹Tver State Technical University, Tver, Russian Federation

²Tver State Medical University, Tver, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: pihnovsky@yandex.ru

Received by the editorial office 31.01.2025

Revised by the author 18.02.2025

Accepted for publication 24.03.2025

Abstract

Aim. Assessment of the fiction as a kind of deception, taken in its negative connotations and as a phenomenon of opposition to truth as a value universality of social life.

Methodology. The article presents a socio-philosophical analysis of deception in the series of relevant concepts (truth, lie, fiction, trickster) and as constants of social relations. Using phenomenological and hermeneutic approaches, it is shown that fiction as one of the practices of deception, on its own scale, is found in the society of mass culture.

Results. The study of the mechanisms of fiction as a form of deception has shown that this practice is a constant of social and interpersonal relations.

Research implications. The theoretical and practical significance of the work consists in the problematization and conceptualization of fiction as a practice of deception, which is important for understanding the transformation of social relations under the conditions of modern challenges.

Keywords: deception, truth, sociocultural code, fiction, fairy tale, society of consumption and mass culture, tricksters

For citation:

Pyhnovsky, V. V., Evstifeeva, E. A. & Grigorieva, D. D. (2025). Deception as a Sociocultural Code. Fiction and Fairy Tale. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, pp. 110–118. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-110-118>.

Введение

В любой культурно-исторической формации в различные этапы её развития феномен обмана занимает существенное место. В этой статье обману даётся объяснение как социокультурному коду. Код мыслится как противопоставление «свой – чужой» [1, с. 4]. Социокультурный код как алгоритм действия в критических ситуациях формируется социальной группой и императивно ей вменяется. Обман предстаёт как атрибуция человеческой жизни, является константой общественных и межличностных взаимоотношений. Лицедейство – это потеря своего лица, подмена себя и подстройка под другого человека, что инициирует амбивалентность, раздвоенность личности, принятие «добровольной шизофрении». Лицедейство в своих негативных коннотациях, что транслируется как грех в христианстве и этическом дискурсе, рассматривается как одна из практик обмана. Общество потребления как общество массовой культуры с использованием цифровых технологий и иррациональных желаний человека провоцирует масштабность практики лицедейства. Сказка как фольклор и литературный жанр, обращённая к вымыслу, иррациональному, воображаемому, галлюцинации, к до-сознательной встрече с «я», репрезентирует социокультурный код

обмана. В галлюцинозе русского сознания сказка обращена к Софии, а не к Логосу [2, с. 293–294]. Фигура «трикстера» как архетип лукавства, шута, двойника, обманщика соединяет в себе лицедейство и сказку, реальность и вымысел, обман.

Обман как социальный феномен

Обман – универсалия культуры, если под ней понимать «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, символически отражённые в эйдети-ческой памяти, образно-мифологических конструкциях, этимологических ценностях языка, “имажах” искусства и словесности»¹. В словаре Кембриджского университета обман определяется как действие, интенцией которого является убеждение кого-либо в том, что не является правдой².

Одним из немногих значимых философских исследований обмана является анализ его природы и многоплановой структуры в книге Д. И. Дубровского «Обман. Философско-психологический анализ». Согласно автору, обман предстаёт как «...

¹ Исупов К. Г. *Космос русского самосознания: словарь*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 246.

² Deception // Cambridge English Dictionary: Meanings & Definitions: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/deception> (дата обращения: 12.01.2025).

ложное, неверное сообщение, способное ввести в заблуждение того, кому оно адресовано» [3, с. 3].

Конституирование такого многомерно-го феномена, как обман, апеллирует нас к его антиподу, без которого полное постижение данного акта не представляется возможным, к феномену правды [4, с. 91–92]. В виду того, что правда относится к спектру общечеловеческих ценностей и смыслов, которые определены конкретным культурно-историческим кодом общества, возникает необходимость её интерпретации с возможными смысловыми расхождениями. Правда – экзистенциальная ценность высокого порядка, которая утверждает подлинность нашего бытия и является заранее известным ценностным измерением – что называется *a priori*. Попраirie правды гарантирует фрагментацию ценностного поля, умножение абсурда и потерю смысла бытия, поскольку она определяет саму суть общности, доверия [3, с. 17].

В свою очередь, обман, представленный в проекции преднамеренного зла, зарождается в эгоистическом обособлении от социума и выражает недоверие, неподлинное общение, иногда враждебность с преобладанием прагматических интенций. Согласно положениям Г. В. Ф. Гегеля, «Всякий должен говорить правду». – При провозглашении этой обязанности как безусловной тотчас же добавляется условие: если он знает правду. Заповедь поэтому будет теперь гласить: всякий должен говорить правду, всякий раз согласно своему знанию её и убеждённости в ней» [5, с. 215]. Пренебрежение этой обязанностью знаменует выбор в пользу порочной лживости и подрывает любую добродетель, поскольку «правдивость лежит в основе всякой добродетели» [6, с. 594], как утверждал М. Монтень.

«Здесь правдивость равнозначна подлинности, утрата которой проявляется в потере собственного лица (как говорят японцы), во всевозможных формах лицедейства, которым пропитана наша культура» [3, с. 19], – сообщает Д. И. Дубровский.

Лицедейство и сказка как социокультурный код обмана

Краткая характеристика обмана позволяет перейти к анализу слова «код». В своём узком значении понятие «код» используется в криптографии как технологии шифрования информации с целью защиты персональных данных. В широком смысле «код» понимается как противопоставление «свой – чужой». Код – технология сокрытия доступа к тайне, исключающей из коммуникации нежелательных лиц. Д. И. Дубровский выделил два типа кодов. «Естественный код» расшифровывается без операции декодирования. «Чужой код» требует декодирования [7].

Определимся с понятием «культурный код». Среди множества определений выберем то, которое даёт С. Б. Переслегин: «Культурный код – это алгоритмы действия в различных ситуациях, прежде всего, критических, то есть угрожающих жизни, здоровью, социальному статусу. Эти алгоритмы формируются на определённой территории среди некоторой социальной группы и императивно вменяются этой группе. Их можно рассматривать как компоненты вектора, заданного в некотором линейном пространстве социальных характеристик (Д. Сапегин)» [8, с. 25]. Эксперт по прогностике также сравнивает культурный код с набором практик, полученных за существование данной цивилизации. Культурный код не положителен и не отрицателен. Согласно С. Б. Переслегину, культурный код отвечает на два вопроса: «как и зачем (вместе) жить на этой территории?» и «как и зачем (вместе) умирать на этой территории?» [8, с. 25].

Ответим на вопрос, почему лицедейство предстаёт социокультурным кодом и практикой обмана. Лицедейство укоренено словом «лицо». В различных словарях лицедейство соизмеряют с притворством и с профессиональной деятельностью человека, заключающейся в творческом актёрском исполнительском искусстве. Актёр

как бы уподобляется лицу, которое играет. Сам спектакль называется лицедейством¹.

Лицедейство – действия людей не в своём амплуа; игра лиц. Исстари лицедейство у нас в России считалось большим грехом. Почему? Потому что человек должен быть тем, кем он является, а когда он лицедействует, он изменяет своё лицо и поведение, подстраивается под другого человека. Проблема такого человека в амбивалентности, раздвоенности личности, принятии «добровольной шизофрении». Здесь можно вспомнить такую мудрость. В Евангелии Иисус Христос учит: «Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6: 24).

Сам термин «лицедей» является заимствованием из старославянского языка и образован по аналогии со словом «злодей» от *лицо* – ‘лицо, обличие’ и *-деить* – ‘действовать’². По всей вероятности, это слово «является копией древнегреческого слова “*prosopoleptos*”, что означает человека “делающего лицо как у кого-то другого”³, т. е. лицедей – тот, кто носит чужое лицо. В Античности этим словом называли актёров, которые носили маски и играли на публику. Они не имели права «голоса», их презирали и считали жалкими плебеями. У них не было «лица».

В Средние века коннотация лицедейства сменилась на негативную. Этот феномен в христианстве соотносился с грехом двоедушия (Мф.: 12: 25). Несмотря на формальный нейтралитет церкви к акту лицедейства, негативное значение его транслировалось длительное время. В этическом дискурсе лицемерие объяснялось как аморальное

качество человека. Оно также стало отождествляться с притворством и намеренным сокрытием за личиной высшей добродетели эгоистических и антигуманных целей и поступков⁴.

Лицедейство связано с таким понятием, как лицемерие. Широко оно распространено у публичных лиц, которые прикрывают свои пороки за маской праведности. Связано это и с тем, что общество само заключает кумиров в рамки образа и стереотипы поведения. Подобная семантика лицедейства как аморального качества в этике – формирование ложной посылки на публику, сокрытие за маской прагматических целей – указывает на феномен обмана [4, с. 88]. Если обратиться к рефлексии, то лицедей продаёт обман, а зритель обманываться рад. Да ещё и платит за это действие.

Лицедейство в своей негативной семантике по сути своей не только тождественно обману как заведомо ложной посылке, но и является его социокультурным кодом, а именно способом передачи практик обмана.

Если рассматривать лицедейство как социокультурный код обмана и одну из его практик в определённой культуре и социуме, то можно предположить, что лицедейство отвечает на два вопроса: «как и зачем обманывать в данном обществе?» и «почему нельзя обманывать в данном обществе?».

Ещё одним культурным кодом обмана видится сказка, понятая как один из основных жанров фольклорной прозы с установкой на вымысел [9, с. 238]. Она репрезентирует социокультурный код обмана. В широком смысле сказка – это полностью вымышленный, неправдоподобный сюжет, история о ком-то или о чём-то. Априори все события в сказке – неправда для тех, кто рассказывает её, и тех, кто слушает. Ярко визуализирует этот факт картина В. Васнецова «Царевна-лягушка» (1918). Предназначение сказки для человека, кроме отдыха и позитивных эмоций, в том, чтобы «заточить» его сознание на добро, которое побеждает, или на сочувствие к

¹ Лицедейство // Словарь современного русского языка: в 17 т. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Ст. 283–284.

² Лицедей // Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. Dic.Academic: [сайт]. URL: <https://etymological.academic.ru/2541/лицедей> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Лицедей // Крылова Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 220.

⁴ Лицемерие // Первый толковый Большой энциклопедический словарь. СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2006. С. 967.

слабым персонажам, или на веру в восстановление справедливости.

Широко известное выражение А. С. Пушкина «Сказка ложь да в ней намёк! Добрым молодцам урок»¹ ярко характеризует саму суть любой сказки, подтверждает наличие в ней какого-то смысла, например, идеала поведения, несмотря на выдумку, поверхностную ложь. Однако не каждому дано «усмотреть» эту мысль. Ф. И. Гиренок, яркий представитель русской философской антропологии, раскрывает философское предназначение сказки в контексте человеческого сознания. Оно состоит в том, что «сказка – это наше сознание до встречи с нашим “я”. Сознание, не удостоверенное в “Я”, называется тёмным сознанием. Почему тёмным? Потому что оно лишено рефлексивного обращения к себе, и мы, непонятно каким образом, знаем нечто до реальной встречи с тем, о чём мы что-то знаем. Сознание – это не знание о вещах. Это навигатор в воображаемом мире. Человек сознает в той мере, в какой он воображает. Мы живём и знаем, что такое жизнь. Процесс жизни человека является одновременно процессом мышления» [2, с. 293–294].

Здесь надо оговориться. Современный русский философ, следуя традиции русской философии, концептуализирует в своих работах идею совпадения бытия с мыслью о бытии в галлюцинации. В момент тождества мир показывает себя таким, какой он есть [10]. Философ размышляет о том, что сказка обращена к Софии. София в интерпретации С. Н. Булгакова звучит так: «Божество ... полагает между Собой и миром некую грань. И эта грань, которая по самому понятию своему находится между Богом и миром, Творцом и тварью, сама по себе не есть ни то, ни другое, а нечто совершенно особое, одновременно соединяющее и разъединяющее то и другое...»².

¹ Пушкин А. С. Сказка о золотом петушке [Электронный ресурс] // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4443/skazka-o-zolotom-petushke> (дата обращения: 12.01.2025).

² Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умо-настроения. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 332.

Философ Ф. И. Гиренок размышляет о том, что русская сказка обращена к Софии, а не к Логосу. Если Логос нужен тем, кто хочет жить в мире, приспособиться к нему, то София нужна тому, кто грезит, творит и мир. Читаем его текст: «Ум софиен, а человек безумен. Сказка ложь, но в ней намёк. Есть вещи, о которых нельзя сказать прямо, о которых можно говорить только косвенно, иносказательно. Но ещё в мире есть то, что нам лучше не знать. Это фундаментальная антропологическая фигура сказки. Сказки говорят нам: лучше не знать то, что есть. А что есть? Есть правда, но с ней нельзя жить. Есть истина, но она ничем нам не поможет. Кто всё-таки захочет узнать, что есть на самом деле, тот непременно либо сойдёт с ума, либо, как учат наши сказки, повесится, либо дом сгорит, скотина сдохнет или ещё какое-нибудь несчастье приключится. Что же с правдой? Голубиная книга говорит нам: правда для Бога, сказка для человека. Сказка вне истины и лжи» [2, с. 293].

В итоге, умозаключает Ф. И. Гиренок, русская сказка замыкает телеологию мира на себя. В ней происходит трансформация смыслов и форм для человека. В сказке нет прямых высказываний и готовых значений, нет одномерного взгляда на реальность. А есть вымысел, обман.

В сказках обман не только обращает на себя внимание как онтологический феномен, но и раскрывается в своих аксиологических и праксиологических коннотациях. Например, в сказке «Каша из топора» голодный солдат, справившись о том, что старики поскупились его накормить, хитростью получает еду, рассказывая про мифическую кашу из топора.

«– А нет ли у тебя, хозяйюшка, перекусить чего?»

У старухи всего вдоволь, а солдата поскупилась накормить, прикинулась сиротой.

– Ох, добрый человек, и сама сегодня ещё ничего не ела: нечего.

– Коли нет ничего иного, можно сварить кашу и из топора»³.

³ Каша из топора [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Каша_из_топора_\(Котовская_А._Матвеева_В.\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Каша_из_топора_(Котовская_А._Матвеева_В.)) (дата обращения: 12.01.2025).

Обман применяется с целью не только получить выгоду, но и преподнести урок о том, что быть жадным и глупым зачастую не только морально порицательно, но и не выгодно.

В русской сказке «Мужик, медведь и лиса» интенция обманывающего – сохранение собственной жизни. Главный герой, олицетворяющий образ русского мужика, трудящегося в поле, заключил договор с медведем, олицетворяющим в данном произведении плута и бездельника, о сохранении жизни в обмен на вершки от репы и корешки от ржи. С помощью очевидного защитного обмана главным герой не только сохранил себе жизнь, но и получил преимущество в качестве урожая.

«– Нет, не замай; я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки..

– Быть так, – сказал медведь. – А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езди!»¹.

Несмотря на поверхностность мышления, медведь всё же предположил, что мужик может его обмануть, и убедился в этом после раздела урожая:

«– Дай-ка попробывать, каков корешок!

Мужик дал ему репу. Медведь как съел – «а-а, – заревел, – ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!»².

О таком закамуфлированном обмане, как полуправда, повествует притча Феликса Кривина: «Режут Умники правду, полуправдой запасаются. Теперь им куда легче разговаривать между собой. Там, где надо бы сказать: “Вы подлец!” – можно сказать: “У Вас трудный характер”. Нахала можно назвать шалуном, лжеца – фантазером»³.

Сказка «У страха глаза велики» знакомит читателя с разновидностью обмана – самообманом. Под влиянием страха после

встречи с зайцем главные герои поверили собственному заблуждению: «Прыгнул зайка, да прямо нашим водоносам под ноги. Испугались они, ведра побросали и домой побежали...Бабка охает: – Ох! Медведище меня чуть не задавил! Внучка плачет: – Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил. Курочка на печке кудахчет: — Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала! А мышка из-под печки пищит: – Котище-то какой усаый! Вот страху я натерпелась!»⁴.

В эпосе о животных можно проследить сходство с «трикстерами», которые в психологии К. Юнга обозначали архетип коллективного бессознательного [11]. Трикстеры – архетип лукавства, шута, двойника, обманщика. В мифологии, фольклоре и религии – «демонически-комический дублёр культурного героя, наделённый чертами плута, озорника»⁵, божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения. У трикстера отсутствует собственная культура, его природа не подразумевает злонамеренную или добродетельную интенцию, однако он не заботится о последствиях своей деятельности [12, с. 256]. Его основная задача – изменение ситуации и жизни, о которых повествует фольклор.

Как в сказках, так и в реальной жизни существуют трикстеры, однако это не антропоморфные животные и не божественная сущность. Трикстеры современной культуры предстают перед нами в различных проявлениях массовой культуры, будь это образы «идеального человека», рисуемые рекламой, образы «идеальной жизни», демонстрируемые развлекательной индустрией, различные веяния моды, трансли-

¹ Мужик, медведь и лиса [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)/Мужик,_медведь_и_лиса](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)/Мужик,_медведь_и_лиса) (дата обращения: 12.01.2025).

² Там же.

³ Полуправда. Притча от Феликса Кривина [Электронный ресурс]. URL: https://pritchi.ru/id_1288?cookie_control=1 (дата обращения: 12.01.2025).

⁴ У страха глаза велики [Электронный ресурс]. URL: <https://deti-online.com/skazki/russkie-narodnye-skazki/u-straha-glaza-veliki> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Трикстер // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20111015012121/http://bibliotekar.ru/mif/195.htm> (дата обращения: 12.01.2025).

руемые с помощью цифровых средств массовой информации и коммуникации.

С появлением информационных технологий, цифровизации ускоренно продолжается трансформация образов, восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним. Информационное общество из фантастических произведений становится действительностью. Росту цифровизации и виртуализации пространства сопутствует возникновение новых способов обмана, а почва для самообмана становится наиболее плодородной [13; 14].

Согласно Ж. Бодрийяру, СМИ опираются на принцип соотношения рекламируемого образа с желанием индивида отличаться от общества. Лицедейство массовой культуры и средств массовой информации состоит в том, чтобы использовать желание личности «быть собой» или желание «отличаться от одномерного социума» для того, чтобы заставить индивида приобрести ненужный товар, потребляя идеальное представление о себе [15, с. 65]. «Какая мать семейства не мечтает о стиральной машине, специально созданной для неё?» – спрашивает реклама. Действительно, какая мать семейства не мечтает об этом? Их миллионы, мечтающих об одной и той же стиральной машине, специально созданной для каждой из них» [16, с. 127].

Происходит это, предположительно, потому, что человек цифровой эпохи совершает ту же ошибку, что и первобытный человек, которую описывал Леви Брьюль. Это полное безразличие к логическому закону противоречия, допущение сочетания противоположностей в одном представлении [17]. Такое уподобление без рефлексии, вызванное привычкой к поверхностному и фрагментарному познанию, приводит к ряду заблуждений, популярных сегодня [13, с. 79]. Среди них – ложное самоопределение и саморепрезентации в интернете, вера в лёгкий заработок денег посредством

майнинга криптовалюты с помощью возможностей персонального компьютера или мобильных устройств в развлекательном приложении “Hamster Komбат” на основе сервиса Telegram, желание возвысить себя и решить свои проблемы приобретением мнимого статуса [18, с. 106–107].

Метастазирование фейк-контента и его продажа приводят к поощрению нарциссических проекций как следствию самобмана. Нарциссизм – свойство характера, заключающееся в чрезмерной самовлюблённости и самооценке – грандиозности, в большинстве случаев не соответствующей действительности. Среди таких нарциссических проекций в цифровом пространстве часто можно наблюдать, как проповедают самопровозглашённые гуру. Проповедают в основном правила жизни, объясняют причины тех или иных неудач рядового человека. Играют такие лицедеи как раз на чувстве неполноценности человека, на его необходимости самоопределения.

Заключение

В итоге обман не просто сопровождает человеческую жизнь, является константой человеческих, общественных, межличностных взаимоотношений, но и раскрывается как социокультурный код. Лицедейство в своих негативных коннотациях предстаёт как одна из практик обмана. Общество потребления как общество массовой культуры с использованием цифровых технологий и иррациональных желаний человека провоцирует «тотальность» лицедейства. Сказка как фольклор и литературный жанр, обращённая к вымыслу, иррациональному, воображаемому, галлюцинации, к до-сознательной встрече с «я», репрезентирует социокультурный код обмана. Фигура «трикстера» как архетип лукавства, шута, двойника, обманщика соединяет в себе лицедейство и сказку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко Е. В. Социально-философские и эволюционные предпосылки обмана // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100. № 5. С. 2–9. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-2-9.
2. Гиренок Ф. И. Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания. М.: Проспект, 2025. 392 с.

3. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭИ, 1994. 120 с.
4. Рахимова М. В. Социально-философский анализ феномена «синдрома Апаты»: обман как свойство театральной природы человека // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. № 2. С. 88–95.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 496 с.
6. Монтень М. Об изобличении лжи // Монтень М. Опыты: в 3 кн. Книги первая и вторая. М.: Наука, 1979. С. 591–595.
7. Дубровский Д. И. Расшифровка кодов (Методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. 1979. № 12. С. 87–100.
8. Переслегин С. Б. Цивилизации в людях и кодах // Изборский клуб. 2020. № 9 (85). С. 24–34.
9. Рау И. Истина и заблуждение, правда и ложь: философские заметки // Право и практика. 2021. № 4. С. 234–241. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-234-241.
10. Франк С. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 344 с.
11. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. М.: Совершенство: Port-Royal, 1997. 384 с.
12. Артемова Ю. А. Социальный трикстер как герой социокультурной неопределённости // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции (Симферополь, 13–14 мая 2024 г.). Симферополь: Ариал, 2024. С. 252–256.
13. Былевский П. Г. «Виртуальная реальность» как инструмент глобальных манипуляций социально-культурной идентичностью // Философия и культура. 2024. № 2. С. 72–83. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.2.69843.
14. Симонян Э. Г. Обман как социальное явление: структурно-функциональный подход // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 70–73.
15. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Перевернутая истина // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 58–70. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-58-70.
16. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
17. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930. 344 с.
18. Еремина А. А., Алексеев А. Ю. Дизъюнктивный скептический аргумент в метавселенной. Доверительная проблема цифрового двойника // Науковедческие исследования. 2023. № 3. С. 103–120. DOI: 10.31249/scis/2023.03.06.

REFERENCES

1. Avdeenko, E. V. (2023). Socio-philosophical and evolutionary prerequisites for deception. In: *The Humanities and social sciences*, 100 (5), 2–9. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-2-9.
2. Girenok, F. I. (2025). *Values and meanings in the hallucinosis of Russian consciousness*. Moscow: Prospect Publ. (in Russ.).
3. Dubrovsky, D. I. (1994). *Deception. Philosophical and psychological analysis*. Moscow: REY Publ. (in Russ.).
4. Rakhimova, M. V. (2023). Socio-philosophical analysis of the phenomenon of “Apata's syndrome”: deceit as a property of the theatrical nature of man. In: *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2, 88–95 (in Russ.).
5. Hegel, G. V. F. (2000). *Phenomenology of Spirit*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
6. Montaigne, M. (1979). On the Exposure of Lies. In: Montaigne, M. *Essays. Books One and Two*. Moscow: Nauka Publ., pp. 591–595 (in Russ.).
7. Dubrovsky, D. I. (1979). Decoding Codes (Methodological Aspects of the Problem). In: *Questions of Philosophy*, 12, 87–100 (in Russ.).
8. Pereslegin, S. B. (2020). Civilizations in People and Codes. In: *Izborsk Club*, 9 (85), 24–34 (in Russ.).
9. Rau, J. (2021). Truth and Delusion, Truth and Lies: Philosophical Notes. In: *Law and Practice*, 4, 234–241. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-234-241 (in Russ.).
10. Frank, S. (1997). *Reality and Man*. Moscow: Republic Publ. (in Russ.).
11. Jung, K. G. (1997). *Soul and Myth: Six Archetypes*. Moscow: Perfection Publ., Port-Royal Publ. (in Russ.).
12. Artemova, Yu. A. (2024). Social trickster as a hero of socio-cultural uncertainty. In: *Practical philosophy: state and prospects: collection of materials of the VII scientific conference (Simferopol, May 13–14, 2024)*. Simferopol: Aerial, pp. 252–256 (in Russ.).
13. Bylevsky, P. G. (2024). “Virtual reality” as an instrument of global manipulation of socio-cultural identity.

- In: *Philosophy and Culture*, 2, 72–83. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.2.69843 (in Russ.).
14. Simonyan, E. G. (2023). Deception as social phenomenon: structural- functional analysis. In: *Social and humanitarian knowledge*, 3, 70–73 (in Russ.).
  15. Kudryashev, A. F. & Elkhova, O. I. (2023). Inverted Truth. In: *Modern Philosophical Studies*, 4, 58–70. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-58-70 (in Russ.).
  16. Baudrillard, J. (2006). *Consumer Society. Its Myths and Structures*. Moscow: Republic Publ.: Cultural Revolution Publ. (in Russ.).
  17. Levy-Bruhl L. (1930). *Primitive Thinking*. Moscow: Atheist. (in Russ.).
  18. Eryomina, A. A. & Alekseev, A. Yu. (2023). A Disjunctive Skeptical Argument in the Metaverse. The Confidence Problem of a Digital Double. In: *Science Studies*, 3, 103–120. DOI: 10.31249/scis/2023.03.06 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пихновский Вадим Владимирович (г. Тверь) – аспирант кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: pihnovsky@yandex.ru

Евстифеева Елена Александровна (г. Тверь) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета, заведующий кафедрой философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества Тверского государственного медицинского университета;
e-mail: pif1997@mail.ru

Григорьева Дарья Дмитриевна (г. Тверь) – кандидат философских наук, доцент кафедры, философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества Тверского государственного медицинского университета;
e-mail: danya72@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim V. Pikhnovsky (Tver) – Postgraduate Student, Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: pihnovsky@yandex.ru

Elena A. Yevstifeeva (Tver) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Head of the Department, Department of Philosophy and Psychology with courses in Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University;
e-mail: pif1997@mail.ru

Darya D. Grigoryeva (Tver) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy and Psychology with courses in Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University;
e-mail: danya72@mail.ru

Научная статья

УДК 101.15

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-119-125

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭКОФИЛОСОФИЯ» / «ЭКОСОФИЯ» В РАБОТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Рочняк Е. В.

*Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова,
г. Горловка, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация
e-mail: lero1981@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.10.2024

После доработки 23.12.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Аннотация

Цель. Анализ специфики использования терминов «экофилософия» / «экософия» в современном англоязычном философском дискурсе.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контентанализ. Были изучены работы Мэтью Хрулюю (Австралия), Алана Дренгсона (Канада), Нэнси Хаффман Ши, Элизабет Саторис, Гэри Снайдера и Джона Гриффина (США).

Результаты. По итогам исследования делается вывод, что экофилософия, в том числе в англоязычном исследовательском пространстве, не просто выходит на уровень одного из научных направлений, а получает статус определённого типа концептуально-мировоззренческого пространства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методологическое основание такой активно развивающейся направленности философской мысли, как экофилософия. В русскоязычный научный оборот вводится новый материал по исследуемой теме.

Ключевые слова: англоязычный философский дискурс, гармонизация социоприродного взаимодействия, эколого-ориентированные гуманитарные исследования, экофилософия, экософия

Для цитирования:

Рочняк Е. В. Употребление терминов «экофилософия» / «экософия» в работах англоязычных авторов // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 119–125. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-119-125>

Original research article

USE OF TERMS “ECOPHILOSOPHY” / “ECOSOPHY” IN THE WORKS OF ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

E. Rochnyak

*Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov, Gorlovka, Donetsk People's Republic,
Russian Federation
e-mail: lero1981@yandex.ru*

Received by the editorial office 09.10.2024

Revised by the author 23.12.2024

Accepted for publication 18.02.2025

Abstract

Aim. To analyze the specifics of the use of the term “ecophilosophy / ecosophy” in modern English-language philosophical discourse.

Methodology. The key research method was content analysis. The content of the works of Matthew Hrulew (Australia), Alan Drengson (Canada), Nancy Huffman Shea, Elizabeth Satoris, Gary Snyder and John Griffin (USA) was analyzed.

Results. According to the results of the study, the thesis is put forward that eco-philosophy, including in the English-speaking research space, comes to the level of not just one of the scientific directions, but gets the status of a certain type of conceptual and attitudinal space.

Research implications. The results of the study contribute to the methodological basis of such an actively developing direction of philosophical thought as ecophilosophy. New material on the topic under study is introduced into the Russian-speaking scientific turnover.

Keywords: English-language philosophical discourse, harmonization of socio-natural interaction, ecologically-oriented humanities research, ecophilosophy, ecosophy

For citation:

Rochnyak E. V. (2025). Use of Terms “Ecophilosophy” / “Ecosophy” in the Works of English-Speaking Authors. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, pp. 119–125. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-119-125>

Введение

Сложившаяся ещё в середине прошлого века экологическая ситуация актуализировала задачу философского анализа теоретических оснований гармонизации социоприродного взаимодействия. Это во многом и стало толчком для актуализации, развития или зарождения таких направлений философской мысли, как философия экологии, экологическая философия, философия природы, экософия (частично вопрос о разграничении данных понятий рассматривался нами ранее в статьях [1; 2]). При этом наиболее широкое и всеохватывающее проблемное поле по сравнению с другими рассматриваемыми направлениями имеет экофилософия.

Охватывая вопросы социально-экологической этики, социальной и глобальной экологии, философии глобальных проблем, соединяясь с исследованиями синергетики и теории систем в их парадигме нелинейного мышления, экофилософия продолжает расширять границы своего концептуального пространства, в рамках которого активно формируются различные подходы и интерпретации её предмета, от анализа способов обеспечения духовной безопасности современного человека [3] до проектирования будущего

[4], от описания ситуации «было и есть» (дескрипция) до поиска ответа на вопрос «как должно стать?» (проспекция).

В современном западном философском дискурсе непосредственно термин «экофилософия» встречается чаще в работах французско- (“ecophilosophie”), испанско- (“ecofilosofía”), итальянско- (“ecofilosofia”) и немецкоговорящих (“Ökophilosophie”), чем англоговорящих (“ecophilosophy”) исследователей. Это говорит о том, что экофилософия (в качестве абсолютного синонима часто используется термин «экософия», в том числе на протяжении одного текста) в современном её понимании развивается прежде всего на территории континентальной Европы и Латинской Америки, в то время как в США, Канаде, Великобритании и Австралии значительно чаще используются в смысловом значении достаточно близкие, однако далеко не тождественные термины «инвайронментализм» / «энвайронментализм» (“environmentalism”) и «экологизм» (“ekologism”) / «духовная экология». Тем не менее, среди массива англоязычных работ по проблематике гармоничного взаимодействия человека, общества и природы также имеются труды, где употребляется термин «экофилософия».

Мэтью Хрулю (Matthew Chrulew)

Среди интересующих нас работ следует выделить труды известного австралийского экофилософа, анималиста и писателя-фантаста Мэтью Хрулю (Matthew Chrulew), внёсшего важный вклад в современные дебаты в области постгуманизма в отношении животных. Основными темами, определяющими его исследования, являются время, смерть, поколения и вымирание. «Время несёт в себе зарождающееся богатство межпоколенческой жизни на земле. Смерть является необходимым аналогом жизни, дающей возможность и питающей новые поколения, которые представляют собой непрерывные модели воплощённого наследования. В своём нынешнем проявлении вымирание есть насильственное прекращение этих даров времени, смерти и поколений»¹.

Говоря об экофилософии в одной из работ, которая писалась в соавторстве, М. Хрулю обращает внимание на необходимость переосмысления отношений между человеком и животным, радикальная реструктуризация которых на основе феноменологических методов понимания будет способствовать нравственному прогрессу на межвидовом фронте и эколого-психологическому здоровью человечества, т. к. то, что «традиционно называлось “экологическими проблемами”, неразрывно связано с человеческим образом жизни в мире и более широкими вопросами политики и социальной справедливости», и задачей экофилософии является изучение «фундаментальных вопросов смысла, ценности, ответственности и цели» [5].

Алан Дренгсон (Alan R. Drengson)

Интерес также представляют работы канадского философа Алана Дренгсона (Alan R. Drengson), последователя и активиста «Движения глубинной экологии». Он является помощником редактора десяти томов «Избранных произведений Арне

Нэсса» (SWAN), опубликованных в 2005 г. издательством Springer. В частности, в статье «Экофилософский подход, движение глубокой экологии и различные экософии» [6] А. Дренгсон объясняет, что поскольку на Западе большинство исследований в области этики были сосредоточены на человеческих ценностях, то те подходы, которые подчёркивают эгоцентрические ценности, включающие в себя всех представителей живой и неживой природы как равных субъектов, были названы экофилософией.

Разница же между экофилософией и экософией, с его точки зрения, состоит в следующем. Экософия разнообразна и базируется на индивидуальном стремлении к глубоким и гармоничным отношениям с самим собой, социумом и миром природы, в то время как экофилософия представляет собой всеохватывающее теоретическое изучение такого рода разнообразий с учётом глобального контекста культур. Целью традиционной философии является мудрость, экофилософии – экологическая мудрость. Экософия субъективна, в то время как миссия экофилософии как раз и заключается в объективном сравнении разнообразий экософий в беспристрастном изучении различных точек зрения на контекст и взаимосвязь человека и природы.

Нэнси Хаффман Ши (Nancy Huffman Shea)

В США в 1991 г. Нэнси Хаффман Ши (Nancy Huffman Shea) защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора наук по теме «Статус экофилософии и идеология природы» [7]. В данной работе экофилософия рассматривается как «свежий философский взгляд», базирующийся на убеждении в том, что «общие концептуальные рамки, в пределах которых мы думаем о природе, загрязнены нашим желанием доминировать над природой» [7, р. 2].

Хотя экофилософия и рассматривается как новая философия природы, которая возникла в результате необходимости освободить природу от стремления человека к власти над ней, при этом отмечается неопределённость её содержания, что, в свою

¹ Extinction Studies. The Extinction Studies Working Group [Электронный ресурс]. URL: <http://extinctionstudies.org/about> (дата обращения: 10.02.2025).

очередь, может нести в себе потенциал для новых форм угнетения.

Н. Х. Ши также акцентирует внимание на широком разнообразии мнений тех, кто считает себя представителем экофилософии, что способствует невозможности упорядочить структуру этой области философии [7, p. 125]. Однако, несмотря на указанное разнообразие, имеется всё-таки объединяющий элемент, который автор с отсылкой на Альдо Леопольда формулирует следующим образом: «Запад сейчас находится в потребности в “новой этике” – этике сохранения» [7, с. 125].

Элизабет Саторис (Elisabet Sahtouris)

Американский биолог, антрополог, футуролог, эксперт ООН по вопросам коренных народов и консультант по вопросам устойчивого развития для правительственных учреждений ряда стран Элизабет Саторис (Elisabet Sahtouris) в своей работе «Экософия: Путеводитель природы по лучшему миру» [8] акцентирует внимание на близости понятий «экология» и «экономика» через обращение к их этимологии. По её мнению, если экономика означает «эффективное управление домашним хозяйством», а экология – «созидательную, творческую организацию домашнего хозяйства», то экософию следует понимать как «мудрое ведение домашних человеческих дел» (“wisely run household of human affairs”), или просто мудрое общество (“wise society”) [8]. Иначе говоря, экософия предполагает разумную организацию и управление одновременно экономикой и экологией как двумя частями единого целого, чтобы гармонично развиваться и заботиться о нуждах каждого, не удовлетворяя ничьей жадности.

В своей статье Элизабет Саторис сравнивает понимание термина «экософия» у Арне Нэсса и Феликса Гваттари, обращая внимание, что если норвежский основатель глубинной экологии использовал его в качестве сокращения для «экологической философии» с призывами к уважению природы и существ, отличных от человека, то в рамках экофилософской модели французского психотерапевта и философа отношения между

природой и человеком рассматриваются как кибернетическая система взаимосвязанных обратных связей и нелинейной причинности. Упомянуты также мысли индийского пионера экофилософии Раймона Панникара, для которого экософия – это «не просто “наука о земле” (экология) и даже “мудрость на земле”, но “мудрость самой земли”, которая возникает, когда человек умеет слушать с любовью» [8].

Будучи солидарной с мнением астрофизика Джеймса Джинса о том, что наша Вселенная в большей мере является постоянно изменяющейся живой мыслью, чем мёртвым и стабильным сложным механизмом, Э. Саторис призывает людей почувствовать себя сотворцами мира, выйти из состояния фаталистической жертвенности и превратиться в сознательных активных агентов своей судьбы. Человек – не просто потребитель и приспособленец, он творец реальности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. И этот факт даёт нам «потрясающие права и обязанности для того, чтобы в полной мере жить нашей сотворческой человечностью» [8].

Подводя итог, автор снова пишет о неслучайном единстве корней слов «экономика», «экология» и «экософия»: «Экономика должна быть подчинена экологии, если мы хотим продолжать нашу жизнь на Земле в качестве здорового, встроенного глобального человеческого общества. Экономика, основанная на принципах зрелых экосистем сознательной Вселенной, в том числе и экосистемы нашего тела, становится экософией» [8].

Гэри Снайдер (Gary Snyder)

Активист американского движения энвайронменталистов Гэри Снайдер (Gary Snyder) не употребляет термин «экофилософия» («экософия»), однако является адептом экофилософской концепции. Экофилософский характер его произведений отмечается многими авторами, в частности, на это прямо указывают индийские исследователи его творчества Ракеш С. Вигмор и Мадхушири Г. Каллимани [9].

Хотя Г. Снайдер известен в первую очередь как поэт, у него есть труды и теоретического характера. В одной из своих научных работ он так же, как и Э. Саторис, указывает на близость понятий «экономика» и «экология», предлагая рассматривать экономику как раздел экологии, ведь в природе, как и в человеческом обществе, «также протекают процессы производства, распределения и потребления» [10, с. 39; 75].

Кроме того, он подтверждает правильность хода мыслей Джима Коколы (Jim Cocola), исследователя творчества А. Нэсса, о том, что для экософии характерна своеобразная практическая направленность. Дж. Кокола отмечает, что для норвежского мыслителя разница между философией и экософией состоит в том, что философ любит мудрость ради мудрости, а экософ ценит мудрость, которая имеет определённую бытовую валентность, в нём соединены личные и планетарные чувства [11]. Вследствие этого экософия вмещает в себя не только теоретические положения, но также и практику, к примеру, политического движения, имеющую на сегодняшний день немало последователей и сторонников. В принципе, любое знание и действие, «направленное на жизнотворчество, становится одной из основных задач экософии» [12, с. 60]. На этот же момент указывает в одном из интервью Г. Снайдер, говоря, что у человека обязательно должна быть программа действий, представление о том, как он будет реализовывать имеющиеся у него идеи [13, р. 24].

Джон Гриффин (John Griffin)

В качестве одной из последних значимых англоязычных работ по экофилософии следует назвать книгу Джона Гриффина (John Griffin) «О происхождении красоты. Экофилософия и традиционная мудрость» (2011) [14]. Критически рассматривая различные представления о красоте: от Бхагавад-гиты до представлений американских индейцев, от Софии вечной до Рене Генона, от экофилософии до квантовой физики, Дж. Гриффин пока-

зывает, что именно благодаря глубокому пониманию тайн красоты мы действительно можем избежать экологического саморазрушения человечества, подтвердив всемирно известный тезис Ф. М. Достоевского. Красота может спасти мир, если мы согласимся отказаться от безудержного потребления и двигаться к поиску красоты изначальной как первоосновы мироздания, основанной на гармоничных отношениях человека и всего живого на планете.

Экофилософия как направление мысли выросла из осознания важности гармонии между человеческим существованием и природой. Исследователь, акцентируя внимание на том, что центральным объектом экофилософии является природа, формулирует концепцию экоцентризма не как противопоставление биоцентризму, а как дополнение к нему, охватывающее не только материальный мир, но и мир образов и символов. «Термин “экоцентризм” обозначает радикальную точку зрения, согласно которой признание ценности природы требует от нас выхода за пределы узко человеческого восприятия и отказа от стремления к доминированию над окружающим миром. В нынешнее время экоцентризм стал основополагающим принципом экологической философии, и одной из ключевых задач этой дисциплины является исследование тех концептуальных ресурсов, которые поддерживают данное новое мировосприятие, а также исключение тех идей и подходов, которые не могут этому способствовать» [14, р. 22].

Природа рассматривается Дж. Гриффином не только как физическая реальность, но и как плод культуры. Образы и символы, связанные с природой, формируют наше восприятие мира и влияют на наши ценности. Таким образом, экоцентризм как центральная концепция экофилософии подчёркивает важность комплексного подхода в изучении отношений человека с природой. Это создаёт возможность для более глубокой рефлексии по поводу нашей ответственности за окружающий нас мир.

Заключение

В конечном итоге можно констатировать, что экофилософия, в том числе в англоязычном исследовательском пространстве, не просто выходит на уровень одного из научных направлений в связи с её эколого-ориентированными гуманитарными и социальными исследованиями, а получает статус определённого типа концептуально-мировоззренческого пространства и даже формы культуры, задавая новый тип отношения человека к реальности как органической целостности, несводимой к

механическим конструкциям и даже наиболее сложным технико-технологическим и информационным системам. В ней, делает вывод Э. В. Баркова, «открывается новая связь между категориями “целостность” и “бытие”: целостность выводит бытие на такие в принципе неснимаемые основания (космос, вечность, бесконечность, гармония), которые гарантируют сохранение бытийности человека, культуры, общества, гуманизма как начала, включённого в законы природы и потому неснимаемого катаклизмами исторических изменений» [15, с. 184].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рочняк Е. В. Разграничение понятий «экософия» и «экофилософия» // Освоение космоса и проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации: материалы III Ежегодной национальной научной конференции с международным участием (Москва, 18 апреля 2023 г.). М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2023. С. 69–76.
2. Рочняк Е. В. Современная экология как идейная база развития философии экологии, экологической философии и философии природы // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 62–67. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67.
3. Бельтимерзаева М. М. Экофилософский контекст обеспечения духовной безопасности современного человека // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: коллективная монография по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Э. В. Баркова. М.: Русайнс, 2023. С. 20–23.
4. Баркова Э. В. Экология человека как пространство проектирования будущего // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: коллективная монография по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Э. В. Баркова. М.: Русайнс, 2023. С. 7–15.
5. Thinking Through the Environment, Unsettling the Humanities [Электронный ресурс] / D. B. Rose, T. Dooren, M. Chrulew, S. Cooke, M. Kearnes // Environmental humanities. 2012. No. 1. URL: <https://read.dukeupress.edu/environmental-humanities/article/1/1/1/8085/Thinking-Through-the-Environment-Unsettling-the> (дата обращения: 10.02.2025).
6. Drengson A. An Ecophilosophy Approach, the Deep Ecology Movement, and Diverse Ecosophies // The Trumpeter: Journal of Ecosophy. 1997. Vol. 14. № 3. P. 110–111.
7. Shea N. H. The status of ecophilosophy and the ideology of nature: PhD Thesis in Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarworks.umass.edu/items/9c5a687e-b587-49cd-9f19-02c4a1b609ea> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Sahtouris E. Ecosophy: Nature's Guide to a Better World [Электронный ресурс] // Kosmos. Journal for Global Transformation. 2014. URL: <https://www.kosmosjournal.org/article/ecosophy-natures-guide-to-a-better-world> (дата обращения: 10.02.2025).
9. Wagmore Rakesh S., Kallimani Madhushri G. Eco-Philosophical Perspectives in the Select Poems of Gary Snyder: A critical Exposition // International Journal of English Literature and Social Sciences. 2023. Vol. 8. Iss. 6. P. 176–181.
10. Snyder G. A Place in Space: Ethics, Aesthetics, and Watersheds. New York: Counterpoint, 1995. 263 p.
11. Cocola J. Ecosophy from T to X [Электронный ресурс] // n+1 magazine. 2006. April. URL: <https://www.nplusonemag.com/online-only/online-only/ecosophy-t-x> (дата обращения: 10.02.2025).
12. Рязанова Т. В. Экософия и новая культурная парадигма // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 3 (17). С. 57–61.
13. Snyder G., Martin J. Nobody Home: Writing, Buddhism, and Living in Places. San Antonio: Trinity University Press, 2014. 268 p.
14. Griffin J. On the Origin of Beauty. Ecophilosophy in the Light of Traditional Wisdom. Bloomington: World Wisdom, 2011. 283 p.

15. Баркова Э. В. Экофилософская картина мира в проблемном поле современного познания // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2016. № 4 (88). С. 180–186. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-4-180-186.

REFERENCES

- Rochnyak, E. V. (2023). Distinction between the concepts of “ecosophy” and “ecophilosophy”. In: *Space exploration and problems of eco-oriented development of man, nature and multipolar civilization: Proceedings of the III Annual National Scientific Conference with international participation (Moscow, April 18, 2023)*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ., pp. 69–76 (in Russ.).
- Rochnyak, E. V. (2023). Modern ecology as an ideological basis for the development of the philosophy of ecology, environmental philosophy and the philosophy of nature. In: *Contemporary philosophical research*, 3, 62–67. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67 (in Russ.).
- Beltimerzaeva, M. M. (2023). Ecophilosophical context of ensuring spiritual security of a modern person. In: *Human ecology in modern transformations of historical time: collective monograph on the results of the III All-Russian scientific conference with international participation*. Moscow: Rusains Publ., pp. 20–23 (in Russ.).
- Barkova, E. V. (2023). Human ecology as a space for designing the future. In: *Human ecology in modern transformations of historical time: collective monograph on the results of the III All-Russian scientific conference with international participation*. Moscow: Rusains Publ., pp. 7–15 (in Russ.).
- Rose, D. B., Dooren, T., Chrulew, M., Cooke, S. & Kearnes, M. (2012). Thinking Through the Environment, Unsettling the Humanities. In: *Environmental humanities*, 1. Available at: <https://read.dukeupress.edu/environmental-humanities/article/1/1/1/8085/Thinking-Through-the-Environment-Unsettling-the> (accessed: 02.10.2025).
- Drengson, A. (1997). An Ecophilosophy Approach, the Deep Ecological Movement, and Diverse Ecosophies. In: *The Trumpeter: Journal of Ecosophy*, 14 (3), 110–111.
- Shea, N. H. (1991). *The status of ecophilosophy and the ideology of nature* [dissertation]. Massachusetts. Available at: <https://scholarworks.umass.edu/items/9c5a687e-b587-49cd-9f19-02c4a1b609ea> (accessed: 10.02.2025).
- Sahtouris, E. (2014). Ecosophy: Nature’s Guide to a Better World. In: *Kosmos. Journal for Global Transformation*. Available at: <https://www.kosmosjournal.org/article/ecosophy-natures-guide-to-a-better-world> (accessed: 10.02.2025).
- Wagmore Rakesh, S. & Kallimani Madhushri, G. (2023). Eco-Philosophical Perspectives in the Select Poems of Gary Snyder: A Critical Exposition. In: *International Journal of English Literature and Social Sciences*, 8 (6), 176–181.
- Snyder, G. (1995). *A Place in Space: Ethics, Aesthetics, and Watersheds*. New York: Counterpoint Publ.
- Cocola, J. (2006). Ecosophy from T to X. In: *n+1 magazine*. Available at: <https://www.nplusonemag.com/online-only/online-only/ecosophy-t-x> (accessed: 02.10.2025).
- Ryazanova, T. V. (2013). Ecosophy and the New Cultural Paradigm. In: *Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technologies*, 3 (17), 57–61 (in Russ.).
- Snyder, G. & Martin, J. (2014). *Nobody Home: Writing, Buddhism, and Living in Places*. San Antonio: Trinity University Press.
- Griffin, J. (2011). *On the Origin of Beauty. Ecophilosophy in the Light of Traditional Wisdom*. Bloomington: World Wisdom Publ.
- Barkova, E. V. (2016). Eco-philosophical Picture of the World in the Problematic Field of Modern Cognition. In: *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4 (88), 180–186. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-4-180-186 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Рочняк (г. Горловка, ДНР) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Донецкого государственного педагогического университета; e-mail: lero1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena V. Rochnyak (Gorlovka, Donetsk People’s Republic) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Philosophy and History, Donetsk State Pedagogical University; e-mail: lero1981@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025. № 2

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 19.05.2025 г. Дата выхода в свет: 23.05.2025. Заказ № 2025/05-02.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А